

УДК
643

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2/2000

ВЕСНІК

**Беларускага дзяржаўнага
універсітэта**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
Адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

**Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права**

2/2000

ЛІПЕНЬ

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

МІНСК
БДУ

Галоуны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І. БРЫГАДЗІН (*адказны рэдактар*),
В.М. ГАДУНОУ, А.І. ЗЕЛЯНКОУ (*нам. адказнага рэдактара*),
Ю.Л. КАЗАКОУ (*адказны сакратар*), У.Л. КЛЮНЯ, Г.М. КУЧЫНСКІ,
С.В. РАШЭТНІКАУ, У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА, А.А. ЯНОУСКІ

**Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт**

Рэгістрацыйны № 805

ВЕСНІК БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА

Серыя 3, № 2, 2000

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, вул. Бабруйская, 7, каб. 412, 413, тэл. 206-65-42

На рускай і беларускай мовах

Рэдактар *Л.К. Баццошкова*

Карэктар *Л.А. Меркуль*

Тэхнічны рэдактар *Ю.І. Дзянісаў*

Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса *Ю.І. Дзянісавым*

Ладзісана да друку 15.08.2000. Фармат 70х108 1/16. Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 9,8. Ум. фарб.-адб. 9,97. Ул.-выд. арк. 11,98. Тыраж 300 экз. Заказ 543.
Цана 630 р.

Надрукавана з гатовых дыяпазгываў заказчыка ў Выдавецкім цэнтры БДУ
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6

© Веснік БДУ, 2000

імяны ў гісторыі ўніверсітэта

А.А. ЯНОУСКІ, А.Г. ЗЕЛЬСКІ

АНАНІЙ ІВАНАВІЧ ДЗЯКАУ

Разглядаючы біяграфіі рэктараў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта даваеннага часу, нельга не заўважыць адну акалічнасць – усе яны, за выключэннем У.І. Пічэты, выйшлі з асяроддзя сярэдняга беларускага сялянства. Менавіта з гэтага сацыяльнага слоя і да рэвалюцыі 1917 г., а таксама ў першыя дзесяцігоддзі пасля іх выйшла значная частка беларускай інтэлігенцыі: паэты і навукоўцы, інжынеры і настаўнікі, дзяржаўныя дзеячы і мастакі. Усе яны па-рознаму бачылі будучае Беларусі, погляды многіх з іх былі падчас супрацьлеглымі, але імкненне служыць Бацькаўшчыне заставалася па-сапраўднаму шчырым.

Ананій Іванавіч Дзякаў нарадзіўся 1 кастрычніка 1896 г. у вёсцы Багда-наўка Хіславіцкай вобласці Мсціслаўскага павета Магілёўскай губерні (зараз Хіславіцкі раён Смаленскай вобласці Расійскай Федэрацыі). Юнак скончыў валасную школу, працаваў разам з бацькамі на зямлі. Верагодна, паступіў вучыцца ў Мсціслаўскае павятовае вучылішча. Але ў 1915 г. лёс яго мяняецца. Ананій Дзякаў ідзе ў імператарскую армію. За мужнасць у баях на Заходнім фронце ён хутка становіцца прапаршчыкам, а затым афіцэрам, аднак 1917 г. пазбавіў яго службы ў царскім войску. Ананіі Дзякаў едзе на радзіму, але там не затрымліваецца. Ён становіцца на бок савецкай улады. Як адукаваны чалавек, у 1918–1919 гг. ўзначальвае Вяземскі зямельны аддзел. У 1918 г. прымаецца ў члены Камуністычнай партыі. У 1919–1923 гг. Ананій Дзякаў быў мабілізаваны ў РСЧА, дзе камандаваў ротай. Ці прымаў ён удзел у баях, а калі так, то дзе – пакуль нам невядома. Можна, аднак, адзначыць, што чалавек не знік, не згубіўся, а быў заўважаны новай уладай.

У 1923 г. А.І. Дзякаў працуе намеснікам старшыні павятовага выканкама ў г. Мсціслаўлі¹. Нагадаем, што ў гэты час Мсціслаўскі павет далучаецца да Смаленскай губерні ў адпаведнасці з пастановай НКУС РСФСР ад 11 ліпеня 1919 года². Якраз тады, калі Ананій Іванавіч ўзначаліў Мсціслаўскі выканкам, там ужо распачыналіся працэсы па далучэнню павета да БССР. Аднак створаная 7.12 1923 г. камісія Прэзідыума ЦВК СССР вырашыла інакш. Нягледзячы на хадаўніцтва жыхароў валасцей Хіславіцкай, Піраціцкай і Асянскай перад ЦВК БССР пакінуць у складзе адзінага Мсціслаўскага павета, гэтыя землі, населеныя беларусамі, засталіся ў складзе РСФСР³. Так «малая радзіма» А.І. Дзякава апынулася за межамі Беларусі.

У 1924 г. Ананія Іванавіча прызначаюць намеснікам старшыні Магілёўскага акруговага выканкама⁴. Працуючы ў якасці намесніка, а пасля і на пасадзе старшыні губвыканкама, А.І. Дзякаў вялікую ўвагу надаваў сельскай гаспадарцы і народнай адукацыі. Пад яго кіраўніцтвам на Магілёўшчыне праходзіла землеупарадкаванне – т. зв. «хутарызацыя», ініцыятарам якой

¹ У 1930–1950 гг. афіцыйна кіраўнікі ўніверсітэтаў і іншых ВНУ СССР называліся дырэктарамі. Аднак у той жа час і ў друку, і ў дакументах іх па-ранейшаму звалі рэктарамі. Таму гэтак жа будзем пісаць і мы.

быу аднагодак А.І. Дзякава наркамзем БССР Зм.Ф. Прышчэпау. У выніку гэтай рэформы адбылося «асярэднечанне» беларускай вёскі. Большасць з іх на Магілёўшчыне была «хутарызавана»⁵. А.І. Дзякаў таксама з'яўляўся старшынёй нацыянальнай камісіі у Магілёве, якая займалася пытаннямі беларусізацыі акругі. Былі распрацаваны адмысловыя планы па школах, тэхнікумах і г. д. Характэрнай рысай тых часоў стала патрабаванне ведання беларускай мовы для усіх служачых дзяржаўнага апарата⁶.

У Магілёве А.І. Дзякаў працаваў да 1 ліпеня 1928 г. Затым быў накіраваны на вучобу у Прамысловую Акадэмію у Маскве, аднак вучыцца там не давялося. У верасні 1928 г. па выкліку старшыні СНК БССР М.М. Галадзёда вярнуўся у Мінск. Яго кандыдатура была прапанавана на пасаду Пастаяннага прадстаўніка БССР пры Урадзе СССР у Маскве. Аднак і з гэтым назначэннем не атрымалася. І тады пасля сустрэчы у Мінску з М.М. Галадзёдам і У.М. Ігнатоўскім А.І. Дзякаў быў накіраваны на работу у Віцебск у якасці намесніка старшыні акрвыканкама. Там працягваў тую ж дзейнасць, што і раней у Магілёве. Хутка ён стаў старшынёй акрвыканкама. Падчас свайго прыезду у Віцебск у канцы 1929 г. М.М. Галадзёд вельмі хваліў маладога старшыню акрвыканкама, зазначаўшы, што Віцебская акруга – перадавая па «хутарызацыі»⁷. Аднак гэта было ўжо неістотна. У СССР набірала ход калектывізацыя, і ўсе дасягненні «землепарадкавання» пачынаюць хутка знікаць. А ДПУ БССР ужо фабрыкаваў справу «Саюз вызвалення Беларусі», падбіраючыся да Зм.Ф. Прышчэпава, А.В. Баліцкага і інш.

Верагодна, у сувязі з гэтымі падзеямі А.І. Дзякаў даваўся пакінуць пасаду старшыні Віцебскага акрвыканкама. Некаторы час ён яшчэ працаваў старшынёй гарсавета Віцебска, а пасля скасавання у ліпені 1930 г. Віцебскай акругі пераехаў у Маскву і паступіў на вучобу у Інстытут Чырвонай прафесуры савецкага будаўніцтва і права. Там вучыўся да лютага 1934 г., а пасля зноў вярнуўся у Мінск⁸.

У беларускай сталіцы А.І. Дзякаў быў прыняты М.М. Галадзёдам і наркамам асветы А.А. Чарнушэвічам, якія прапанавалі яму працу у якасці рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У канцы лютага 1934 г. Ананій Іванавіч прыняў справу ад выконваючага абавязкі рэктара БДУ В.К. Рамановіча. 2 сакавіка ўзяўся за выкананне новых абавязкаў. 1 сакавіка дадаткова ўзначаліў агульнаўніверсітэцкую кафедру грамадскіх навук⁹.

У гэты час БДУ працаваў у складзе трох асноўных факультэтаў: хімічнага, фізіка-матэматычнага і біялагічнага. Таксама дзейнічалі рабочы факультэт і вячэрняе addзяленне з асобнымі секцыямі: польскай і яўрэйскай¹⁰. Пры ўніверсітэцкай бібліятэцы адводзіцца чытальная зала.

На 1 ліпеня 1934 г. ва ўніверсітэце было 525 студэнтаў. На вячэрнім addзяленні вучылася 108 студэнтаў¹¹. Працавалі харавы, музычны і фізкультурны гурткі. Згодна з пастановай СНК БССР з 1 студзеня 1934 г. для студэнтаў рабіліся скідкі за білеты ў кіно (40 %), у тэатр (50 %), бралася 10-капеечная плата за праезд на трамваі. 75 % студэнтаў былі забяспечаны стыпендыяй у памеры 70–80 рублёў на 1 курсе і да 130 рублёў на 4 курсе у залежнасці ад паспяваемасці. Пры БДУ працавала сталовая, кошт абеды у якой – 70 капеек¹². Новы рэктар прыняў меры па заахвочванні студэнтаў да выдатнай вучобы. 3 сакавіка 1934 г. на нарадзе у рэктара былі зацверджаны тры персанальныя стыпендыі студэнтам у памеры 300 рублёў.

Горш ішлі справы з забеспячэннем студэнтаў жыллём. Пабудаваны яшчэ у 1930 г. інтэрнат галоўнага корпуса перадаецца Вышэйшаму педагагічнаму інстытуту, хоць у ім працягвалі жыць студэнты БДУ. Будынкі пад інтэрнаты увесь час то прадастаўляліся, то адбіраліся Мінскім гарсаветам – часцей за ўсё яны былі непрыдатныя для нармальнага пражывання студэнтаў¹³.

3 поля зроку не знікала першачарговая задача – пашырэнне ўніверсітэта. Яшчэ у 1931 г. СНК БССР вырашыў стварыць геаграфічны факультэт, аднак гэтага зроблена не было. 16 мая 1934 г. СНК СССР і ЦК ВКП(б) прынялі пастанову «Аб выкладанні геаграфіі у пачатковай і сярэдняй школе СССР», згодна з якой прадугледжвалася адкрыццё ва ўніверсітэтах СССР гістарычных і геаграфічных факультэтаў з мэтай падрыхтоўкі адпаведных кадраў¹⁴.

3 чэрвеня 1934 г. СНК БССР вынес спецыяльнае рашэнне аб рабоце БДУ. Рэктару ставілася задача ператварыць універсітэт у вядучую вышэйшую устаноўу рэспублікі. Вызначаліся канкрэтныя захады па стварэнню новых факультэтаў – гістарычнага і геалага-глебава-геаграфічнага. Тэрмін навучання у БДУ быў устаноўлены ў 5 гадоў са спецыялізацыяй з III курса. Пазначаўся шэраг практычных мерапрыемстваў па паляпшэнню культурна-бытавых умоў студэнтаў. На пашырэнне навукова-даследчай работы і арганізацыю бібліятэк для новых факультэтаў асигнавалася 100000 рублёў¹⁵.

Пытанне з кадрамі для гістарычнага факультэта вырашалася без асаблівых намаганняў. На пасады выкладчыкаў прызначаліся навукоўцы інстытута гістарычных навук БелАН, выпускнікі сацыяльна-гістарычнага аддзялення БДУ: прафесары М.М. Нікольскі, У.М. Перцаў, дацэнты Я.і. Карнейчык, К.і. Кернажыцкі, А.М. Ляуданскі і інш. 13 чэрвеня 1934 г. А.І. Дзякаў прызначыў віцэ-прэзідэнта БелАН акадэміка В.К. Шчарбакова дэканам гістарычнага факультэта. 15 жніўня 1934 г. на базе кафедры грамадскіх навук стварылі новыя: кафедру ленызму і дыялектычнага матэрыялізму (загадчык – А.І. Дзякаў), кафедру палітычнай эканомікі і эканамічнай палітыкі (загадчык – Башкевіч), кафедру грамадскай гісторыі (загадчык – В.К. Шчарбакоў)¹⁶. Для выкладання на геалага-глебава-геаграфічным факультэце запрашаюцца акадэмік Я.М. Афанасьеў, М.Ф. Бліадуха, прафесар Я.і. Праскураў, дацэнты М.Ф. Мядзведзеў, М.Ф. Казлоў, загадчык музея геалогіі асістэнт П.М. Зубрыцкі і інш. Дэканам факультэта 15 жніўня прызначаецца дацэнт Дзярбенцаў¹⁷.

Адкрыццё новых факультэтаў мела важнае значэнне ў падрыхтоўцы кадраў для сістэмы адукацыі, напрыклад, становішча з выкладаннем гісторыі ў сярэдняй школе было зусім непраймальным: з ліку 107 выкладчыкаў гісторыі, сабраных на універсітэцкія курсы, паводле дадзеных акадэміка В.К. Шчарбакова, толькі 15 мелі вышэйшую адукацыю, 80 – сярэдняю і 12 – ніжэйшую, а 104 гісторыкі зусім не выкадалі гісторыю Беларусі¹⁸.

У жніўні 1934 г. на 300 месцаў паступіла 470 заяў, з іх па выніках конкурсу было прынята 352 студэнты: 93 – на фізмат, 65 – на хімак, 63 – на біяак, 67 – на істак і 64 – на геаак. Рэктар адзначыў, што амаль усе паступаючыя мелі адукацыю не ніжэй тэхнікума або рабфака, асобныя абітурыенты слаба ведалі гісторыю, літаратуру, географію, не было належнай увагі да адбору паступаючых у БДУ¹⁹.

Калі асаблівых праблем з навуковымі кадрамі не існавала (у гэты час творчы калектыв універсітэта налічваў 5 акадэмікаў, 17 прафесараў, 23 дацэнты)²⁰, то пытанні з падручнікамі, адмысловай навуковай літаратурай, памяшканнямі для аўдыторый і інтэрнацкіх пакояў паўсталі востра. Рэктар А.І. Дзякаў рабіў усё, што мог для іх вырашэння, праявіў талент адміністрацыйнага, нават у тых складаных умовах. Для новых факультэтаў ён дамагаўся права на атрыманне з Ленінградскай кніжнай палаты 25 тысяч тамоў кніг. Ужо 30 жніўня адтуль прыбыла першая партыя літаратуры²¹.

Намнога цяжэй было з памяшканнямі. У аўдыторыях не хапала месцаў. Пакоі інтэрната галоўнага корпуса заўсёды перапаўняліся студэнтамі. Гаспадарчая частка БДУ пачала рамонт памяшканняў позна, тлумачачы гэта недахопам сродкаў²².

Гэтыя і іншыя прыкрыя факты высветліліся падчас абследавання БДУ і іншых ВНУ Мінска камісіяй на чале з наркамам асветы БССР А.А. Чарнушэвічам у пачатку кастрычніка 1934 г.²³

Рэктарам робяцца захады ў адпаведнасці з тым суровым часам. Яго намеснік па адміністрацыйна-гаспадарчай частцы Балабаў і каменданты інтэрнатаў былі зняты з працы (на апошніх заведзены судовыя справы). Памяшканні адрамантаваны і забяспечаны інвентаром. З-за недахопу плошчаў пад інтэрнат для студэнтаў быў перададзены фізкультурны зал БДУ²⁴. Аднак пры больш пільным разглядзе інтэрнацкіх спраў выявіліся і іншыя рэчы. Студэнты, якія скардзіліся на дрэнныя бытавыя ўмовы, самі, аднак, вялі сябе неахайна, на працягу месяца (!) не прыбіралі сваіх пакояў²⁵. Кожны вечар у інтэрнатах «грымелі» танцы пад гармонік. Толькі цвёрдымі адміністрацыйнымі мерамі рэктару давялося нармалізаваць становішча ў інтэрнатах.

На кожнага студэнта прыходзілася у сярэднім 3,75 квадратных метраў жыллёвай плошчы²⁶.

23 кастрычніка 1934 г. у будынку гарадскога тэатра адбылося урачыстае адкрыццё гістарычнага факультэта БДУ. З дакладам выступіў акадэмік В.К. Шчарбакоў. Факультэт віталі С.Я. Вольфсан, А. Ляшчынскі і інш. Былі атрыманы віншаванні ад Усесаюзнай АН, групы гісторыкаў Масквы і інш. Сход даслаў прывітанне у ЦК ВКП(б) – І. Сталіну і у ЦК КП(б)Б – М. Гікалу²⁷. На урачыстым пасяджэнні былі падведзены вынікі існавання гістарычнай адукацыі у БДУ, гаварылася аб выкладанні гісторыі у БССР.

Зразумела, што адкрыццё новых факультэтаў займала шмат увагі рэктара. Аднак А.І. Дзякаў пільна сачыў і за іншымі факультэтамі. Была пачата праца па адкрыццю кафедраў, пашырэнню іх дзейнасці. У 1934 г., акрамя раней пералічаных, ствараюцца кафедры глебазнаўства (акад. Я.М. Афанасьеў), замежных моў (Зешаль), фізічнай геаграфіі (праф. І.М. Іванов) і батанікі. На базе апошняй утвораны кафедры фізіялогіі і анатоміі раслін (загадчык – У.М. Годнеў) і сістэматыкі раслін (Мельнік)²⁸. 5 снежня 1934 г. на Савеце БДУ па прапанове А.І. Дзякава была рэарганізавана кафедра заалогіі. Замест яе ствараліся кафедры: заалогіі і пазваночных, заалогіі і беспазваночных жывёл. Апошняю ўзначаліў акадэмік Л.А. Занкевіч²⁹. 7 жніўня 1935 г. была падзелена кафедра ленызму на дзве – кафедру гісторыі ВКП(б) і КП(б)Б і кафедру філасофіі³⁰.

У 1934/35 навучальным годзе у БДУ актыўна пашыраліся і адкрываліся лабараторыі. На фізіка-матэматычным факультэце дзейнічалі лабараторыя фізічнага практыкуму з аддзяленнямі – лабараторыямі (радыё-, электратэхнікі, оптыкі), лабараторыя структурнага аналізу, кабінет матэматыкі. На хімфаку – лабараторыі неарганічнай хіміі, якаснага аналізу, колькаснага аналізу, арганічнага сінтэзу, тэхнічнай хіміі, электрахіміі, даследчая лабараторыя хіміі торфу. На біялагічным факультэце – навукова-даследчыя лабараторыі фізіялогіі раслін, заалогіі беспазваночных, кабінет анатоміі і фізіялогіі, заалагічны музей. На новым геалага-глебава-геаграфічным факультэце кабінет мінералогіі быў перайменаваны 22 верасня 1934 г. у музей мінералогіі і петраграфіі, створаны геаграфічная лабараторыя петраграфіі, кабінет глебазнаўства³¹. У гэтых лабараторыях паспяхова працавалі не толькі навукоўцы ўніверсітэта, але і студэнты, якія дабіваліся значных вынікаў. Так, студэнт хімфака Лаўрыновіч распрацаваў новы спосаб гарбавання хромавых скур, што дало значны эканамічны эффект. Дыпломная праца выпускніка хімфака Л. Аліусона «Дзеянне шчолачаў на араматычныя кетоны» атрымала выдатную адзнаку і была надрукавана у тэхнічных часопісах СССР і замежжа. За гэта ён быў адразу прызначаны намеснікам дырэктара інстытута хіміі БАН³². Усе даследаванні патрабавалі навішага абсталявання, таму А.І. Дзякаў дамагаўся ад Наркамата асветы выдзялення БДУ дадатковых сродкаў на навукова-даследчую работу³³.

Адкрыццё новых факультэтаў і кафедраў выклікала неабходнасць камплектавання іх высокакваліфікаванымі кадрамі. Дасылаліся запрашэнні да навукоўцаў у Маскву і Ленінград, але тыя на Беларусь ехалі не вельмі ахвотна. А.І. Дзякаў разумеў, што у кадравым пытанні лепш абапірацца на уласныя сілы. У жніўні 1934 г. разам з навукоўцамі Акадэміі навук былі арганізаваны кансультацыі для выкладчыкаў гісторыі і геаграфіі. Рэктар разам з кіраўнікамі факультэтаў распрацаваў план арганізацыі аспірантуры БДУ з выкладаннем гісторыі і геаграфіі. Аспіранты БДУ забяспечваліся добрай стыпендыяй у 300 рублёў³⁴. Нагадаем, што у 1935 г. стаўка намесніка па адміністрацыйна-гаспадарчай частцы была 400 рублёў, а прафесары М.М. Нікольскі, Ц.Л. Бурстын, Ц.М. Годнеў і інш. атрымлівалі па персанальных стаўках 700 рублёў.

У 1934/35 навучальным годзе пры БДУ вучыліся 19 аспірантаў, з іх 9 – другога года навучання, якія спецыялізаваліся: па матэматыцы – 3, фізіцы – 3, па анатамічнай хіміі, неарганічнай хіміі, фізічнай хіміі – па 1 аспіранту. Аспіранты першага года навучання спецыялізаваліся: 2 – па матэматыцы, 2 – гісторыі старажытнага свету, 1 – па фізіцы, хіміі, заалогіі, гісторыі народаў СССР, гісторыі Беларусі, гісторыі Польшчы. 3 творчай моладдзю працавалі

такія выдатныя вучоныя-педагогі, як акадэмікі В.К. Шчарбакоў, М.М. Нікольскі, Ц.Л. Бурстын, прафесары Я.К. Успенскі, Э.В. Змачынскі, У.М. Перцаў, М.Ф. Ярмоленка і інш.³⁵

Самай значнай падзеяй у навуковым жыцці БДУ у гэты перыяд стала скліканне двух Усебеларускіх канферэнцый: фізіка-матэматычнай і гістарычнай. І Усебеларуская фізіка-матэматычная канферэнцыя была склікана Беларускай АН і БДУ 8–9 студзеня 1934 г. і праходзіла пры удзеле каля 100 прадстаўнікоў навуковых і вучэбных устаноў. На ёй было заслухана 20 дакладаў³⁶. Роўна праз год, з 8 студзеня 1935 г., у Мінску працавала трохдзённая І Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Канферэнцыю склікаў БДУ пры удзеле інстытута гісторыі АН БССР. У ёй прымалі удзел больш чым 100 чалавек – навукоўцы ўніверсітэта, Акадэміі навук, выкладчыкі тэхнікумаў, рабфакаў, школ у раёнах, прадстаўнікі гістарычных колаў Масквы, Ленінграда і Харкава. Падчас работы працавала археалагічная выстаўка, падрыхтаваная секцыяй археалогіі Інстытута гісторыі АН, і кніжная – па гісторыі Беларусі. Канферэнцыя праходзіла ў прыродазнавым корпусе БДУ. 8 студзеня яе адкрыў ўступнай прамовай, прысвечанай памяці С.М. Кірава, рэктар БДУ А.І. Дзякаў³⁷.

Дзякуючы намаганням рэктара паступова павышалася паспяховасць студэнтаў. Для дапамогі ім было створана 47 гурткоў і кансультацый³⁸. І вынік быў выдаючы. Са 121 выпускніка абаранілі свае дыпламы 117 чалавек. Шматлікія працы студэнтаў атрымалі вялікую цікавасць з боку навуковых колаў і прамысловасці. Нездарма намеснік рэктара па вучэбнай частцы П. Каляда адзначыў: «Такога выпуску ўніверсітэт яшчэ не бачыў!»³⁹.

А.І. Дзякаў працаваў напружана. Акрамя асноўнай работы – рэктара БДУ, ён узначальваў кафедру ленынізму, кіраваў семінарам прапагандыстаў, з'яўляўся членам парткама, членам камісіі па рэдагаванню класікаў марксізму. Вось толькі адзін расклад апошняй шасцідзёнкі красавіка 1935 г.: правесці палітдзень 1 мая на Мінскім дрожджавым заводзе, зрабіць даклад аб святкаванні 1 Мая у БДУ, наведваць штодзённа школу, куды ён прызначаны класным кіраўніком, даследаваць захаванне партыйных дакументаў і стан уліку картак, зрабіць даклад аб Дні друку. Акрамя гэтага, А.І. Дзякаў атрымаў шэраг заданняў ад Культпрапа ЦК⁴⁰.

Не пакідаў па-за ўвагай рэктар і пытанні з беларускай мовай у сценах БДУ. І хоць пра беларусізацыю у 1935 г. ужо не згадвалі (што было і небяспечна), а толькі лаялі «двурэшнікаў і правакатараў беларускіх нацыяналь-дэмакратаў», але рэктар БДУ дамагаўся, каб усе студэнты ведалі беларускую мову. Так, у красавіку 1935 г. у БДУ была наладжана правёрка ведаў усіх студэнтаў. Выявілася, што толькі 53,5 % з іх атрымалі здавальняючыя адзнакі. Загадам рэктара 19 красавіка ўводзілася абавязковае наведванне гурткоў па удасканаленню ведаў па беларускай мове. Пры пераводзе на наступны курс правяралася веданне роднай мовы, а непадрыхтаваных – выключалі з ўніверсітэта⁴¹. Дарэчы, сам А.І. Дзякаў карыстаўся беларускай мовай і ўсе загады выдаваў толькі на ёй.

20 красавіка дэлегацыя выкладчыкаў і студэнтаў БДУ у складзе рэктара А.І. Дзякава, яго намесніка П. Каляды, акадэмікаў Ц.Л. Бурстына, В.К. Шчарбакова, М.М. Нікольскага, прафесараў Е.К. Успенскага, Ц.М. Годнева і інш. наведвала старшыню СНК БССР М.М. Галадзёда са справаздачай аб выкананні пастановаў урада БССР адносна работы ўніверсітэта, які быў вельмі задаволены дзейнасцю навучальнай установы⁴².

Выдатнай падзеяй у жыцці БДУ стала стварэнне шматтыражнай газеты. Ранейшы «Голас рабфакаўца» спыніўся яшчэ ў 1931 г. З 1933 г. ва ўніверсітэце выходзілі толькі факультэцкія насценгазеты прыблізна 2 разы на месяц. І вось 1 мая 1935 г. убачыў свет першы нумар ўніверсітэцкай газеты «За ленынскія кадры» (з 1948 г. – «За сталінскія кадры», з 23.06 1955 г. – «Беларускі ўніверсітэт»)⁴³.

Летам 1935 г. БДУ распачаў падрыхтоўку да новага навучальнага года і прыёму абітурыентаў. Рэктар неаднаразова звяртаў увагу на стан падрыхтоўкі паступаючых ва ўніверсітэт. Адбор будучых студэнтаў ён раіў арганізоўваць яшчэ ў школе. У Мінску пры БДУ 12 красавіка пад кіраўніцтвам пра-

фесара Я.К. Успенскага паспяхова прайшла I-я гарадская канферэнцыя юных фізікаў з удзелам 200 лепшых вучняў 6–8 класаў⁴⁴.

СНК БССР у пастанове № 1152 ад 26 ліпеня 1935 г., заслухаўшы даклад рэктара БДУ А.І. Дзякава, адзначыў здавальняючае выкананне вучэбнага плана, арганізацыю за апошні год 3-х даследчых лабараторый, увядзенне вывучэння, акрамя нямецкай, англійскай мовы. Па прапанове рэктара ўводзілася яшчэ і французская мова⁴⁵.

17 ліпеня 1935 г. пачынаецца прыём у БДУ. На 350 месцаў пададзена 600 заяў. 14 жніўня выйшла пастанова ЦК КП(б)Б «Аб ходзе новага набору і падрыхтоўцы да вучэбнага года вуні, втну і тэхнікумаў», у якой А.І. Дзякаву і дырэктарам іншых навучальных устаноў указвалася «на іх няправільныя адносіны да прыёму новага набору студэнтаў і перадавер другарадным асобам і тэхнічнаму апарату прагляду новапрымаемых на вучобу».

Пункт 3 пастановы папярэджваў, што дырэктары ВНУ і тэхнікумаў «нясуць асабістую адказнасць перад Цэнтральным камітэтам за кожнага прымаемага студэнта»⁴⁶. Ці ставілася ў гэтай пастанове пытанне аб якасці ведаў паступаючых? Не! Гаворка ішла аб класавай пільнасці, каб у ВНУ не «прапазілі асобы непратэтарскага паходжання». Але, на жаль, «класава правільныя» не заўсёды мелі адпаведныя веды, каб вучыцца ва ўніверсітэце. Як пісаў сам А.І. Дзякаў, «пасля пастановы ЦК КП(б)Б карэнным чынам была перабудавана работа па прыёму у БДУ». Для паступаючых (ці не ўпершыню у БДУ) праводзіцца агульны сход, а затым партыйны і камсамольскі. «Быў арганізаваны стол даведак, устаноўлена кругласутачнае дзяжурства і г. д.» Але не гэта было галоўным. «Кожны паступаючы пасля здачы залікаў асабіста выклікаўся на пасяджэнне прыёмнай камісіі, дзе у таварыскай гутарцы ён вывучаўся, і толькі пасля гэтага вырашалася пытанне аб прыёме ці адмаўленні». У гэтых гутарках «выкрываліся асобы з класова чужых элементаў, спрабаваўшых пралезці у БДУ».

А.І. Дзякаў дбаў не толькі пра гэта. Павышаныя патрабаванні да паступаючых у сэнсе падрыхтоўкі далі свой плён. Рэктар адзначыў, што «у мінулым годзе з прынятых на фізіка-матэматычны факультэт вытрымалі выпрабаванні на вельмі добра па матэматыцы 1 %, у гэтым – 5,3, па фізіцы адпаведна 2–9,5, па хіміі 1–10 % і г. д.» У БДУ было прынята 340 чалавек. Ананій Іванавіч падкрэсліваў, што «у БДУ ёсць усе магчымасці і матэрыяльныя, і навуковыя, каб паспяхова вучыцца, каб авалодаць вяшчынямі навукі»⁴⁷.

У верасні 1935 г. А.І. Дзякава выклікалі ў СНК, дзе аб'явілі, што ён накіроўваецца на працу ў апарат ЦК КП(б)Б у якасці загадчыка аддзела культуры і асветніцкай работы. Абавязкі рэктара БДУ з кастрычніка 1935 г. па красавік 1936 г. выконваў М. Лоцманаў, а 3 красавіка 1936 г. Наркамат асветы прызначыў выконваючым абавязкі рэктара прарэктара па вучэбнай частцы А.С. Кучынскага⁴⁸.

Крыху больш за паўтары гады кіраваў Беларускай дзяржаўнай універсітэтам Ананій Іванавіч. Але зрабіць ён здолеў багата. Пры ім універсітэт пакончыў з наступствамі рэарганізацыі пачатку 30-х гадоў – канчаткова склаўся структура ўніверсітэта ў выглядзе факультэтаў, кафедраў і лабараторый, на базе якой ішло нарошчванне новых падраздзяленняў. На поўную магутнасць запрацавала аспірантура, было нармалізавана становішча з інтэрнатамі. Значна узрасла колькасць студэнтаў: калі на 1 ліпеня 1934 г. у БДУ было 525 студэнтаў, то ў 1934/35 навучальным годзе – 784, а ў кастрычніку 1935 – 1104 (разам з рабфакам)⁴⁹.

Самае галоўнае – А.І. Дзякаў імкнуўся стварыць і захаваць дзеяздольны педагогічны і навуковы калектыў, якому ўніверсітэт быў абавязаны сваімі поспехамі. На жаль, гэты моцны асяродак навуковых кадраў праіснаваў нядоўга. Большая частка людзей была рэпрэсавана.

Будзем шчырымі – А.І. Дзякаў быў чалавек свайго часу. На пасадзе ён не мог пакідаць без увагі тыя «сігналы» ад «пільных» людзей, якія ішлі да яго праз друк і ў заявах. Прыкра, але навукоўцы і студэнты БДУ пісалі заявы на сваіх выпадчыкаў і таварышаў аб няправільных цытатах У.І. Леніна, аб «схованым трацкізме», «прыхаваным класавым паходжанні» і т. п. І рэктар

быу вымушаны рэагаваць – выключаліся з БДУ студэнты за «утойванне сацыяльнага паходжання», за «адабрэнне ворагау пралетарыяту Зіноўева і Каменева», за «распаусюджванне контррэвалюцыйных анекдотаў»⁵¹. За «выкладанне на лекцыях буржуазных тэорый» быу адхілены ад працы прафесар заалогіі І.Г. Собалеу. За «падмену ленінізму контррэвалюцыйным трацкізмам» зняты з працы 29 сакавіка 1935 г. дэкан геолога-глебава-геаграфічнага факультэта Дзярбенцаў⁵¹.

Але некаторыя выключаліся і справядліва. Выкладчык неарганічнай хіміі асістэнт Крэч казау, што ён ненавідзіць беларусау і беларускую мову, за што і быу звольнены з фармулёўкай «велікадзяржауны шавінізм»⁵².

Не мог не лічыцца рэктар і з «лініяй», якую праводзіла партыйнае бюро універсітэта. Так, сакратар парткама БДУ В. Працэнка з гонарам адзначыу, што «партарганізацыя правяла праверку чалавечага складу (!) БДУ, было выключана да 80 класава чужых студэнтау». Ён жа папракау парторгау факультэтау, што яны «не вывучыліся выкарыстоўваць сваіх бяседчыкау у якасці інфарматарау аб настроях у інтэрнатах»⁵³.

Знаходзячыся на пасадзе загадчыка аддзела ЦК КП(б)Б, А.І. Дзякаў не парывау сувязі з БДУ. Ён па-ранейшаму заставаўся загадчыкам кафедры ленінізму. Па яго прапанове да 15-гадовага юбілею універсітэта было вырашана выпусціць кнігу «Гісторыя БДУ». Для збору матэрыялу і падрыхтоўкі кнігі ствараецца камісія на чале з дэканам псіфака В.К. Шчарбаковым⁵⁴.

17 красавіка 1936 г. пастановай Прэзідыума ЦВК БССР А.І. Дзякаў быу прызначаны наркам асветы Беларусі. Цікава, што на наступны дзень пастановай Прэзідыума ЦВК быу створаны урадавы камітэт пад старшынствам А.І. Дзякава па святкаванню 15-годдзя ўтварэння БДУ⁵⁵.

На сваёй апошняй пасадзе А.І. Дзякаў працавау крыху больш года. Першачарговая увага была скіравана на стан сельскіх школ, якія знаходзіліся у вельмі непрыстасаваных будынках. НКА вынес рашэнне аб пачатку будаўніцтва на Беларусі мураваных вясковых школ. Аднак гэтая справа ішла марудна, не хапала будаўнічых матэрыялаў. Ананій іванавіч кпапаціўся пра захаванне беларушчыны у адукацыі. У школах выкладанне рускай мовы пачыналася з 3-га класа і заканчвалася у 8-м. Праграмы па беларускай літаратуры і мове ўключалі творчасць пісьменнікаў В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, М. Багдановіча, Зм. Жылуновіча і інш. Вывучэнне у школах гэтых «контррэволюцыйных, нацыяналістычных і буржуазных пісателёў» будзе прад'яўлена А.І. Дзякаву як доказ яго злачынства⁵⁶.

У ліпені-кастрычніку 1936 г. БДУ адзначау 15-годдзе з дня адкрыцця. Урадавай камісіяй у складзе В.К. Шчарбакова, М.М. Нікольскага, А.С. Кучынскага, С.Я. Вольфсана і інш. на чале з А.І. Дзякавым быу падрыхтаваны юбілейны зборнік навуковых прац універсітэта. Значнымі былі дасягненні універсітэта. За 15 гадоў існавання навучальная установа падрыхтавала каля 3-х тысяч спецыялістаў. Бібліятэка-чытальня БДУ мела 80000 кніг⁵⁷. На 15 ліпеня 1936 г. працавалі 5 акадэмікаў, 32 прафесары, 47 дацэнтаў (з іх 29 – кандыдаты навук), 41 асістэнт – усяго 125 чалавек навукова-выкладчыцкага складу⁵⁸. На 15 верасня 1936 г. у БДУ вучылася 956 студэнтаў.

За час сваёй працы на розных пасадах А.І. Дзякаў імкнуўся займацца і навуковай працай. Нам вядомы пакуль што 5 артыкулаў А.І. Дзякава у газетах і артыкул «З гісторыі выбараў у Саветы (1905–1917)», надрукаваны у часопісе «Бальшавік Беларусі» у № 23–24 за 1934 г. Пры арышце А.І. Дзякава, падчас вобыску, забраны работы перакладаў кніг К. Маркса «Класавая барацьба ва Францыі» і «Капітал» (I том), шэсць пачак з матэрыяламі розных пісьмовых работ. Таксама з асабістай бібліятэкі А.І. Дзякава адабралі 130 розных кніг⁵⁹. Усё гэта пасля было знішчана.

А.І. Дзякаў арыштоўваецца 11 мая 1937 г. як адзін з «кіраўнікоў» прыдуманай супрацоўнікамі НКУС БССР «нацыянал-фашысцкай арганізацыі». Дыпламаў Ананія іванавіча малодшы лейтэнант дзяржбяспекі Э.В. Быхоўскі. Як пасля напіша гэты «следчы», ён прымяняў да арыштаваных метады фізічнага уздзеяння: «біл іх рукамі, садзіў на стул, затым вынімаў стул і яны падалі на пол; ложыў іх на пол, сціскаў удвое і ставіў свёрху стул, са-

дился на него и сидел до тех пор, пока эти лица не начинали давать показания»⁶⁰. Таму на першых жа допытах А.І. Дзякаў прызнаўся, што з 1925 г. з'яўляецца удзельнікам антысавецкай беларускай нацыяналістычнай арганізацыі. На усіх сваіх пасадах, дзе ён працаваў, праводзіў шкодніцкую работу – шляхам «хутарызацыі» умацоўваў «кулакоў», укарання беларускі буржуазны нацыяналізм у культуры, зрываў планы па нарыхтоўцы зерні, уводзіў паўсюдна «сваіх» людзей і г. д.⁶¹ Аднак гэтага следству было недастаткова. НКУС БССР раскручваў справу «Аб'яднанага антысавецкага падполля» і неабходны былі паказанні на кіраўнікоў – М.М. Галадзеду, А.Р. Чарвякова, М.Ф. Гікалу і інш.⁶² І такія паказанні з'явіліся. На допытах А.І. Дзякаў «прызнаўся», што праводзіў контррэвалюцыйны сабатаж па ўказаннях М. М. Галадзеды, што той кіраваў усімі контррэвалюцыйнымі арганізацыямі на Беларусі, паведаміў аб сяброўстве М.М. Галадзеды і І.П. Убарэвіча і г. д.⁶³ Аднак гэтыя «паказанні» ужо не былі патрэбны. 21 чэрвеня 1937 г. падчас допыту М.М. Галадзед скончыў жыццё самагубствам, выкінуўшыся з акна пятага паверха будынка НКУС БССР⁶⁴.

27 кастрычніка 1937 г. наркамам унутраных спраў Берманам было зацверджана заключэнне па справе А.І. Дзякава, які быў «выкрыты» як адзін з галоўных удзельнікаў і кіраўнікоў «аб'яднанага антысавецкага тэарэтычна-шпіёнска-дыверсійнага арганізацыі, што ставіла мэтай звяржэнне савецкай улады, рэстаўрацыю капіталізму і усталяванне ваенна-фашысцкай дыктатуры у Беларусі пад пратэктаратам Польшчы», маўляў, што А.І. Дзякаў ствараў контррэвалюцыйныя ячэйкі, праводзіў шкодніцтва ў сістэме народнай адукацыі і г. д.⁶⁵

28 кастрычніка 1937 г. на закрытым судовым пасяджэнні выязной сесіі ВК ВС СССР А.І. Дзякаў быў прысуджаны да вышэйшай меры пакарання. Пасяджэнне «суда» ішло 15 хвілін...⁶⁶ 29 кастрычніка 1937 г. А.І. Дзякаў быў расстраляны. Разам з ім у гэты дзень забіты былы рэктар БДУ Я.П. Каранеўскі, выконваючы абавязкі рэктара А.С. Кучынскі, загадчык сакратарыята СНК Я.М. Спектар, загадчык аддзела школ Н.П. Арабей, сакратар ЦВК М.А. Ляўкоў і многія іншыя⁶⁷.

Жонка А.І. Дзякава Марыя Іванаўна і сыны Віктар і Уладзімір былі таксама асуджаны. Пасля Марыі Іванаўне ўжо ў Карагандзе паведамілі, што яе муж памёр 23 лістапада 1939 г.

У 1956 г. справа А.І. Дзякава перагледжана. Дадатковае расследаванне выявіла, што Ананій Іванавіч быў асуджаны на падставе лжывых абвінавачванняў. Пастановай ваеннай камісіі Вярхоўнага Суда Саюза ССР ад 2 красавіка 1957 г. прыгавор 28.10.1937 г. па справе Дзякава Ананія Іванавіча адменены, а справа спынена за адсутнасцю складу злачынства⁶⁸.

¹ Архіў КДБ РБ. Спр. 10175 С. Л. 159.

² Казлоў Л. Р., Цітоў А. К. Беларусь на сямі рубяхах. Мн., 1993. С. 49.

³ Там жа. С. 51; Беларуская ССР. Кароткая энцыклапедыя. М., 1993. Т. 1. С. 680.

⁴ Архіў КДБ РБ. Там жа. Л. 12, 16.

⁵ Палуян Ч. А. Сельская гаспадарка. Развіццё кааперацыі // Нарысы гісторыі Беларусі. Мн., 1995. Ч. 2. С. 93–96; Архіў КДБ РБ. Спр. 10175 С. Л. 16.

⁶ Архіў КДБ РБ. Спр. 10175 С. Л. 13, 17.

⁷ Там жа. Л. 20.

⁸ Там жа. Л. 24, 160.

⁹ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Адз. зах. 602. Л. 36; Там жа. Адз. зах. 616. Л. 15.

¹⁰ Звязда. 1933. 8 жніўня. № 173 (4717); Чырвоная змена. 1934. 31 мая. № 118 (2280).

¹¹ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 593. Л. 4; Спр. 602. Л. 17.

¹² НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1246. Л. 45; Спр. 602. Л. 17.

¹³ Болтунов. Предотвратить срыв учебного года // Рабочий. 1933. 24 июня. № 137 (1760); Бумерангов. Преступная медлительность // Рабочий. 1934. 3 августа. № 169 (1835).

¹⁴ Кожушков А. И., Яновский О. А. Белорусский университет. Хроника событий (1919–1989). Мн., 1990. С. 49.

¹⁵ Новая факультеты // Звязда. 1934. 3 чэрвеня. № 119 (4952).

¹⁶ Корнейчик Е. И. Исторический факультет открыт // Рабочий. 1934. 9 сентября. № 198 (1864); НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Адз. зах. 616. Л. 88; Там жа. Адз. зах. 614. Л. 3, 4.

¹⁷ Шчарбакоў В. К. Да адкрыцця гістарычнага факультэта // Звязда. 1934. 5 жніўня. № 172 (5005).

¹⁸ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 614. Л. 4; Там жа. Спр. 1309. Л. 1; Там жа. Спр. 606. Л. 3.

¹⁹ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 593. Л. 7; Дзякаў А. І. На новую, больш высокую ступень // Звязда. 1934. 27 жніўня. № 140 (5023).

- ²⁰ Каляда П. Ковать высококвалифицированных специалистов // Рабочий. 1934. 9 сентября. № 198 (1864).
- ²¹ Дзякаў А. І. На новую, больш высокую ступень // Звязда. 1934. 27 жніўня. № 190 (5023); НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Адз. зах. 606. Л. 3.
- ²² Рабочий. 1934. 3 августа. № 169 (1831); Фомин, Мельниченко. Работа исторического факультета не налажена // Рабочий. 1934. 4 октября. № 218 (1884); Срывают лекции // Там же. 14 октября. № 226 (1892).
- ²³ Чарнушэвіч А. А. Аб матэрыяльна-бытавым становішчы інтэрнатаў мінскіх вучэбных устаноў // Бюлетэнь Народнага Камісарыята Асветы БССР. 1934. № 3. С. 10–11.
- ²⁴ Рабочий. 1934. 30 октября. № 239 (1905); Чырвоная змена. 1934. 4 лістапада. № 243 (2394).
- ²⁵ Власов, Миронцев, Гринкевич и др. Чего вы хотите – превосходная комната // Рабочий. 1934. 2 ноября. № 24 (1907).
- ²⁶ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 620. Л. 16.
- ²⁷ Звязда. 1934. 23 кастрычніка. № 238 (5071); Там жа. 26 кастрычніка. № 240 (5073).
- ²⁸ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 614. Л. 3.
- ²⁹ Там жа. Спр. 606. Л. 13; Кажушкоў А. І., Яноўскі А. А. Паказ. твор. С. 50.
- ³⁰ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 605. Л. 25.
- ³¹ Там жа. Спр. 607. Л. 5–8; Музеи зоологии и геологии // Звязда. 1934. 22 верасня. № 215 (5048).
- ³² Выдатныя работы студэнтаў-дыпломнікаў // Звязда. 1935. 17 чэрвеня. № 137 (5263); Змачинский Э. В. Над чем работает кафедра общей и неорганической химии БГУ // Рабочий. 1935. 18 июня. № 134 (2091); Вольф Я. Выпускники // Чырвоная змена. 1935. 2 ліпеня. № 144 (2578).
- ³³ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 605. Л. 46.
- ³⁴ Абрамсон А. Аб выкананні пастановаў СНК і ЦК КП(б)Б // Бюлетэнь НКА БССР. 1934. № 1. С. 7–9; Звязда. 1934. 23 ліпеня. № 161 (4994).
- ³⁵ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 605. Л. 20, 25.
- ³⁶ Усебеларуская фізіка-матэматычная канферэнцыя гісторыкаў // Звязда. 1934. 9 студзеня. № 7 (4840).
- ³⁷ 8 студзеня – Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў // Звязда. 1935. 4 студзеня. № 4 (5130); Шчаўбакоў В. Да Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў // Там жа. 6 студзеня. № 6 (5132); Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў // Там жа. 9 студзеня. № 8 (5134); На канферэнцыі гісторыкаў БССР // Там жа. 10 студзеня. № 9 (5135).
- ³⁸ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Адз. зах. 646. Л. 71; Звязда. 1935. 17 чэрвеня. № 137 (2563).
- ³⁹ Звязда. 1935. 2 ліпеня. № 144 (2578).
- ⁴⁰ Кадры вырашаюць усё // Бальшавік Беларусі. 1935. № 7. С. 17.
- ⁴¹ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 605. Л. 18, 88.
- ⁴² Е. С. Двигать вперед социалистическую науку // Рабочий. 1935. 22 апреля. № 96 (2042).
- ⁴³ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 593. Л. 47; Кажушкоў А. І., Яноўскі А. А. Паказ. твор. С. 51, 69, 89.
- ⁴⁴ Чырвоная змена. 1934. 18 красавіка. № 85 (2247); НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 602. Л. 19–20; Чырвоная змена. 1935. 26 сакавіка. № 68 (2502).
- ⁴⁵ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 605. Л. 26–27; Там жа. Спр. 593. Л. 43.
- ⁴⁶ Чырвоная змена. 1935. 14 жніўня. № 178 (2612).
- ⁴⁷ Дзякаў А. І. Новае папаўненне ў БДУ // За ленинскія кадры. 1935. 1 верасня. № 5.
- ⁴⁸ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 174. Л. 1; Там жа. Спр. 593. Л. 43.
- ⁴⁹ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 618. Л. 16; Шушкевіч С. Універсітэцкі гарадок // Звязда. 1935. 22 кастрычніка. № 241 (5317).
- ⁵⁰ Класавы вораг выкрыты; Астроўскі грае на руку класаваму ворагу // За ленинскія кадры. 1935. 16 кастрычніка. № 7; НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 614. Л. 53; Там жа. Спр. 618. Л. 76–77; Там жа. Спр. 646. Л. 68, 42, 21.
- ⁵¹ Там жа. Л. 23, 22. Там жа. Спр. 646. Л. 55.
- ⁵² Працэнка В. Член партыі – у цэнтры увагі // Бальшавік Беларусі. 1935. № 7. С. 67–72.
- ⁵³ Гісторыя БДУ // Звязда. 1935. 31 снежня. № 298 (5374).
- ⁵⁴ Там жа.
- ⁵⁵ Чырвоная змена. 1936. 17 красавіка. № 81 (2781); Рабочий. 1936. 18 апреля. № 88 (2326).
- ⁵⁶ Архіў КДБ РБ. Спр. 10175 С. Л. 41–45.
- ⁵⁷ Чырвоная змена. 1936. 8 чэрвеня. № 118 (2818); Там жа. 26 кастрычніка. № 232 (2932); 15 лет БГУ // Рабочий. 1936. 27 октября. № 243 (2482); Там жа. 1 ноября. № 247 (2486).
- ⁵⁸ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 670. С. 32; Там жа. Спр. 671. Л. 2–3.
- ⁵⁹ Архіў КДБ РБ. Спр. 10175 С. Л. 3.
- ⁶⁰ Там жа. Л. 157.
- ⁶¹ Там жа. Л. 12, 17.
- ⁶² ЭГБ. Т. 1. С. 25.
- ⁶³ Архіў КДБ РБ. Л. 19, 23, 53, 58.
- ⁶⁴ Там жа. Л. 134.
- ⁶⁵ Там жа. Л. 90–94.
- ⁶⁶ Там жа. Л. 97–99.
- ⁶⁷ Там жа. Л. 100, 124, 128, 134, 136; Спр. 10604 С. Л. 118.
- ⁶⁸ Архіў КДБ РБ. Спр. 10175 С. Л. 180.

Гісторыя

М.І. КРАСНОУ

МАРАЛЬНЫ ІДЭАЛ МАГНАТА XVIII ст. У РЭАЛЬНЫМ ЖЫЦЦІ

Праблема выхавання маральнага ідэалу, з якога магло браць прыклад падростаючае пакаленне, была актуальна ва ўсе часы. Гэты ідэал змяняўся не толькі на працягу розных эпох, але і ў залежнасці ад грамадскага становішча выхаванца. Зразумела, што ў пачатку XVIII ст. сын селяніна і сын шляхціца выходзілі на розных маральных прыярытэтах: праца і паслушэнства былі жыццёвымі арыенцірамі аднаго, вольнасць і роўнасць – другога. Свой маральны ідэал існаваў у магнатаў, якія займалі дамінуючае становішча ў закрануты перыяд у Рэчы Паспалітай.

Уяўленне аб тым, якімі маральнымі якасцямі павінен валодаць «пан», нашчадак вядомага роду мог атрымаць вывучаючы лацінскую мову. Менавіта так вучыўся князь Міхал Казімір Радзівіл (1702–1762), вядомы таксама як Рыбанька. У рукапісным аддзеле НБ РБ захоўваюцца яго вучнёўскія запісы пад загалоўкам «*Liber diligentiarum*» (што можна перакласці як «Кніга, якая вучыць руплівасці»), датаваныя 1706 г. На разлічаных старонках змешчаны маральныя сентэнцыі – упачатку на польскай мове, услед – лацінскі пераклад. Тое, што дзеля засваення павучэння была выбрана менавіта лацінская мова, невыпадкова – гэта павінна было пацвердзіць старажытнасць, праудзіласць і значнасць сентэнцый.

Сапраўды, шмат якія навучанні сустракаюцца ў маралістаў усіх часоў і народаў. Але яны з рознай глыбінёй адлюстроўваюць ісціну той эпохі, у якую яны былі створаны. Вось чаму неабходна адчуць жыццёвую аснову выказванняў, запісаных рукой маленькага князя Радзівіла, і па-за прызначаным яму маральным ідэалам магната пабачыць канкрэтных людзей з іх годнасцю і недахопамі, жаданнямі і маральнымі пошукамі.

Час Паўночнай вайны 1700–1721 гг. стаў цяжкім выпрабаваннем для Рэчы Паспалітай: спусташэнне, разлад, эпідэміі. У ліпені 1706 г. (у год, якім датавана «*Liber diligentiarum*») бацька Рыбанькі Кароль Станіслаў Радзівіл з усёй сям'ёй пакінуў родныя мясціны, ратуючыся ад ваеннага ліхалецця. За гады вандравання яны пабывалі ў Саксоніі, Памераніі, Польшчы. У гэты час Міхал Казімір пачаў навучанне пад наглядам айца-дамінікана Градзецкага¹. Невыпадкова, што дзейнасць на карысць Радзіме выступае ў «*Liber diligentiarum*» як вышэйшая грамадзянская каштоўнасць: «Каму лёс больш гонару даў, той агульнаму дабру болей дапамогі даваць павінен»²; «Любячы Айчыны сын усе справы свае на яе карысць паварочвае, а ад згубнага для яе адыходзіць у бок»³; «Пакласці здароўе і багацце за цэласнасць Айчыны – вялікая справа, якая імені бессмяротнасць дае».

Гаротнае становішча краіны ў запісах князя Міхала Казіміра параўноўваецца з бурай, у якую трапіў дзяржаўны карабель: як марак жадае добрага

надвор'я для свайго карабля у бурным моры, «сын Айчыны падчас вайны шукае спакой для яе»⁵. І зусім не час, які губіцца у забавах і разладах, будзе залічаны яму: «Не усе гады ад нараджэння нашага у склад жыцця уваходзяць, бо толькі тыя дні вечнасць нам запіша, якія Богу і Айчыне прысвечаны»⁶. Ідэалам паводзін для маладога князя маглі служыць постаці яго продкаў – Міхала Казіміра, падканцлера і польнага гетмана Літоускага, і Мікалая Крыштофа Сіроткі, выдатных дзеячаў ВКЛ. Да пачатку XVIII ст. тып энергічнага магната, які актыўна займаецца справамі дзяржавы, робіцца рэдкасцю. Радзівылы як бы добраахвотна адыходзяць на другі план пад уплывам палітычнага і эканамічнага крызісу Рэчы Паспалітай. Як заўважыў польскі даследчык К. Барташэвіч, «...Рыбанька падчас агульнага спакою не меу магчымасці цалкам рэалізаваць свае вайсковыя таленты, нават калі імі валодаў»⁷. Эліта дзяржавы усё часцей бавіць час у банкетах і паляваннях.

Айцец Градзецкі, які, верагодна, склаў для Міхала Казіміра «*Liber diligentiarum*», добра бачыў змену жыццёвага стэрэатыпу: «...распавядаць аб вялікіх чынах продкаў сваіх прадзедаў і дзядоў, а мужнасці іх славу таіць у спадчыну не атрымаць – справа, нягодная пахвалы»; «Чужымі справамі, якія лес па паходжанні ад продкаў даць, ніхто ганарыцца не можа». Пакінуць продкамі прызначалася не для выхвалення: «Недастаткова ганарыцца імёнамі продкаў сваіх, ... іх гераічныя справы дзеля таго пакінуць, каб нашчадкі за падобныя браліся»⁸. «Прыгожая рэч нарадзіцца панам, яшчэ прыгажэй – жыццё да паходжання свайго прыстасаваць»⁹.

У маральным імператыве, які быў закладзены ў «*Liber diligentiarum*», гарманічна спалучаліся ідэалізм і рацыяналізм. Бог на нябёсах, а розум на зямлі кіруюць жыццём чалавека. Трымценне і пашана да Бога патрабаваліся ад магната нават большыя, чым ад простага смяротнага: «Кожны чалавек абавязак вялікі з першага моманту жыцця мае і, як даўжнік Бога, павінен яго праз усе дні і моманты выплаціць; асабліва, аднак, пан, ім узбагачаны дастаткам, больш за гэта ... Богу абавязаны»¹⁰.

Разам з Боскімі законамі ў жыцці чалавека дзейнічае абстрактнае «прыроднае права», якое аб'ядноўвае усіх людзей у бяспілі перад выпадкам: «І наймагутны пан праву прыроджанаму павінен падпарадкоўвацца, бо каго Бог у людскім спіску палічыў, таго ад людскіх здарэнняў не вызваліў»¹²; «Праву прыроджанаму ўсё без выключэння падлягае, якому і пан паслухмяным быць павінен»¹³.

Аднак у паўсядзённым жыцці галоўную ролю займае розум, без якога чалавек «падобны да жывёлы»¹⁴. Настаўнік маленькага князя адкінуў аджыўшую схаластычную супярэчнасць «душа-цела» і замяніў яе іншай: «розум-жаданне». Першы – вядзе да годнага жыцця (як раней душа – да выратавання), другое – губіць: «Той сапраўдным ёсць панам, хто жаданнямі сваімі кіраваць здольны»¹⁵. «Трэба мець памяркоўнасць у сваіх жаданнях, бо той праўдзівым ёсць панам, хто уладай сваёй іх падпарадуе»¹⁶. «Не заўсёды верыць трэба пачуццям сваім, якія часта ідуць супраць розуму, які, аднак, над імі ўладу мае»¹⁷.

Рэальны ж рацыяналізм людзей той эпохі выяўляўся не ў абстрактна-памяркоўным вобразе жыцця, а ў памнажэнні маёмасці. Вядомы сваімі мемуарамі Ян Хрызастом Пасэк так, напрыклад, выбіраў, з якой дзяржавай узяць шлюб. У адной былі грошы, у другой – зямля. «Хутчэй у мяне сэрца, аднак, хілілася да Сладкоускай, бо там, у яе вёсцы, казалі, не толькі жыта, але і бульба ў полі на кожным загоне, дзе яе пасадзіш, уродзіцца»¹⁸.

Рыбанька нарадзіўся ў той час, калі сярод пануючых колаў Рэчы Паспалітай пачала распаўсюджвацца прага да роскашы, дарагіх забаў і пышных свят. Таму ў сентэнцыях «*Liber diligentiarum*» з'яўляецца перасцярога супраць разрыву паміж ідэалам годнасці, які склаўся ў XVI ст., і рэальным жыццём пачатку XVIII ст. «Мець вялікія багацці – не да гонару пану, бо тыя без славы – нішто»¹⁹. «Хто больш за славу дома свайго дастатак шануе, невялікую паслугу надае яму»²⁰.

Яшчэ адна рыса эпохі, якая добра адчуваецца ў павучаннях Міхалу Казіміру, – няупэўненасць у наступным дні, недавер да фартуны (удачы). Калі зыходзіць з «*Liber diligentiarum*», нават наймагутнейшы магнат вымушаны быў рыхтавацца да любога павароту лёсу: «Не трэба верыць вялікай фартуне, бо яна нетрывалая і здрадзіць можа ў той час, калі патурае»²¹; «Шчасце мудрага – нязменнасць розуму, бо фартуна можа адабраць прыбыткі, але розумам авалодаць не здолее»²².

Наглядным прыкладам зменлівасці лёсу для тых, хто жыў у пачатку XVIII ст., магла быць магнацкая сям'я Сапегаў, яшчэ нядаўна адна з самых уплывовых у ВКЛ. Але пасля паражэння пад Альпенікамі (18.XI 1700 г.) галоўныя прадстаўнікі роду былі прысуджаны да вечнага выгнання, а іх маёнткі разрабаваны. Ды і сям'я Міхала Казіміра ў гэты час па сутнасці пераўтварылася ў бежанцаў. Таму з маленства ў Рыбанькі імкнуліся выхаванне мужа стаўленне да цяжкасцей: «Шкадаваць над цяжкасцямі, ад якіх зберагчыся не можам, – рэч, неўласцівая мудраму, які павінен цярдліва пераносіць тое, што папавіць няздольны»²³.

Не толькі стаічна філасофскія адносіны да лёсу маглі дапамагчы Радзівілу ў ліхі час. У XVIII ст. не столькі вялікія зямельныя ўладанні, як такія, адрознівалі магната ад шляхціца, колькі палітычная незалежнасць і наяўнасць вернай «кліентэлы»²⁴. Таму айцец Градзецкі шмат увагі надаў, каб навучыць Рыбаньку добраму абыходжанню з падданымі. Пад імі, хутчэй за ўсё, ён падразумяваў сялян, усіх, хто служыў Радзівілам. «З людзьмі абыходзіцца не па-людску – пану не да спадабы, які найвялікшую славу ў гэтым свеце праз тое атрымаць можа, калі з людзьмі найменшага стану так жыўе, як бы жадаў, каб з ім мацнейшы жыў»; «Не так узятая крэпасць пана абароніць, як сэрца падданных, ласцы панскай абавязанае»²⁵, «Як за мурамі, за прыхільнасцю падданных пан у бяспецы быць можа»²⁶.

Няма чаго здзіўляцца, што за магната, з якім можна было піць за адным сталом і нават абдымацца, «кліентэла» стаяла гарой на сейміках і трыбуналах – гэта вельмі цешыла «шарачковую» шляхту. Папулізм магнатаў быў палітыкай новага часу: «...дзе пераскочыць не можаш, там падлезці трэба...»²⁷. Гэтая рэкамендацыя – амаль адзіная такая ў «*Liber diligentiarum*», аднак тут ужо можна бачыць новы стэрэатып паводзін: не прыстасоўваць акалічнасці да сябе, а паспрабаваць прыстасавацца да іх самому.

Ідэальны тып «пана» у «*Liber diligentiarum*» паўстае перад намі як цэласны, яскравы вобраз. Гэта чалавек, які служыць Айчыне, справамі пацвярджае сваё высокае паходжанне, паважае Бога, не цэніць багаццяў без годнасці. Ён мудры і справядлівы. Але ў рэальнага магната гэтыя рысы цямяюць. На першы план выходзяць няупэўненасць, чаканне магчымай бяды, здольнасць прыстасавацца да абставін.

Працы айца Градзецкага не прапалі дарма. Дзённік Міхала Казіміра Радзівіла – гэта запісы набожнага і добрага сям'яніна, служачага Айчыне настолькі, наколькі дазваляюць аб'ектыўныя абставіны. Сучаснікі бачылі ў ім «праудзівага» нашчадка годнасці і талентаў продкаў,²⁸ так пісала пра яго берасцейская шляхта ў адной з соймавых пастаноў, гэтаму вучылі яго сентэнцыі «*Liber diligentiarum*». Аднак дзяржаўным справам віленскі ваявода і вялікі гетман ВКЛ аддаваў няшмат часу. Большае месца ў дзённіку займаюць забавы – без гэтага жыццё магната ўжо і не мыслілася. Пра сойм 1735 г. ён, напрыклад, коратка адзначае: «Сойм, як заўсёды, ідзе дрэнна; пасля пасяджэння – абед і вечар у сябе...; Сойм – тым жа спосабам, пасля пасяджэння – абед у сябе, пасля якога з каралём ездзілі на паляванне...»²⁹. Як бачым, складаныя акалічнасці XVIII ст. не спрыялі поўнай рэалізацыі маральнага ідэалу магната ў рэальным жыцці.

¹ Гл.: Kottubaj E. Galeria Nieswieziska portretow Radziwillowskich. Wilno, 1852. S. 433.

² *Liber diligentiarum*. Арк. 2 адв.

³ Арк. 19 адв.

⁴ Арк. 18 адв.

⁵ Арк. 16 адв.

- ⁶ Арк. 12.
- ⁷ Bartoszewicz K. Radziwillowie. Warszawa-Krakow, 1928. S. 85–86.
- ⁸ Арк. 3 адв. 4.
- ⁹ Арк. 25.
- ¹⁰ Арк. 3.
- ¹¹ Арк. 40–41 адв.
- ¹² Арк. 5 адв.
- ¹³ Арк. 15 адв.
- ¹⁴ Арк. 6 адв.
- ¹⁵ Арк. 4 адв.
- ¹⁶ Арк. 14 адв.
- ¹⁷ Арк. 6.
- ¹⁸ Pasek J. Ch. Pamiętnik. Krakow, 1928. S. 249–250.
- ¹⁹ Арк. 15.
- ²⁰ Арк. 17.
- ²¹ Арк. 5 адв.
- ²² Арк. 23.
- ²³ Арк. 20 адв.
- ²⁴ Ihntowicz I., Maczak A., Zientaka B. Spoleczenstwo polskie od X do XX wieku. Warszawa, 1979. S. 286–287.
- ²⁵ Арк. 12 адв., 13 адв.
- ²⁶ Арк. 23 адв.
- ²⁷ Арк. 37 адв.
- ²⁸ НГАБ у г. Мінску. Ф. 1705, воп. 1, спр. 58, арк. 1128.
- ²⁹ Там жа. Ф. 694, воп. 1, спр. 159, арк. 113 адв.

Л.А. КОЗИК

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В КОНЦЕ 80–90-х гг.

1989 г. принес большие изменения в политическую жизнь Польши. Первой из государств восточноевропейского блока Польша, использовав общенациональный институт «Круглого стола», сформировала 24 августа некоммунистическое правительство Т. Мазовецкого. Новые польские власти оказались перед необходимостью выработки принципиально иной внешнеполитической концепции, вытекающей из ослабления СССР, «бархатных революций» в соседних странах и уходящей в прошлое bipolarной системы мира, что приводило к изменению геополитического положения республики. В этой обстановке приоритетом внешней политики Польши стало желательное для нее вступление в Европейское сообщество, а чуть позже – и в НАТО. Об этом было заявлено уже в 1989 г. в ходе заключения договора о торговом и экономическом сотрудничестве между Польшей и ЕЭС, который положил начало установлению дипломатических отношений с Европейским сообществом.

В русле этой стратегии и в ответ на обращение Польши и Венгрии о помощи летом 1989 г. была создана новая специальная организация – так называемая «Группа 24», руководство которой взяла на себя Комиссия Европейского сообщества (КЕС)¹. По мнению Комиссии, стратегия ЕС в отношении государств Восточной Европы должна состоять в том, чтобы способствовать процессу проводимых в них экономических и политических реформ.

Для оказания помощи странам Центральной Европы в апреле 1990 г. 39 странами-учредительницами был создан Европейский Банк реконструкции и развития с капиталом в 10 млрд ЭКЮ (около 12 млрд долл.).

Финансовую помощь Польше оказывали не только международные организации, но и их страны-участницы – ФРГ, Франция, Австрия, США, Англия, Канада, Бразилия, Япония и др. Причина такого отношения к Республике Польша заключалась в том, что она являлась своего рода примером экономических и политических реформ для других стран бывшего социалистического лагеря.

На своем пути в Европейский союз Польша стремилась заручиться поддержкой Франции и Германии. Так, подписанный в ходе визита Л. Валенсы в Париж в апреле 1991 г. договор о дружбе и солидарности предусматривал обязательства французской стороны поддерживать сближение Польши

с ЕС вплоть до вступления страны в организацию. Не менее активную политику проводила и проводит Германия, которая быстро расширяла свое влияние в этом регионе, осваивая рынки центральноевропейских стран.

Результаты активной деятельности на международной арене не заставили себя ждать. Уже в декабре 1991 г. Польша парафировала условия объединения с Европейским сообществом и через несколько дней была принята в Совет Европы. Тогда же она вместе с Венгрией и Чехо-Словакией стала ассоциированным членом ЕС, одновременно было подписано соглашение об их сотрудничестве с этой европейской структурой. Уже через полгода, в мае 1992 г., Польша вместе с ЧСФР и Венгрией объявила о намерении подать коллективную заявку на вступление в Европейский союз в качестве полноправных членов. Официально же с просьбой о присоединении к Союзу она обратилась только в апреле 1994 г., получив предварительно статус «ассоциированного партнера» в Западноевропейском союзе.

Некоторые западные ученые считают, что главной внешней и внутренней целью восточноевропейских стран является возвращение в Европу, а успех в достижении демократии и свободной рыночной экономики оценивается прогрессом в вопросе членства в ЕС². Для самой Польши интеграция с западноевропейским сообществом в значительной степени связана с увеличением ее возможностей присоединения к этой культурной цивилизации, дает гарантии политической безопасности и экономического развития³.

Между тем в конце 90-х годов вопрос о принятии новых членов ЕС решается тремя государствами – Германией, Францией и Великобританией. При этом Германия является главным адвокатом Польши и выступает за ее скорейшее присоединение к Союзу. Свое стремление германская сторона трактует как уплату исторического долга, перенесение территории потенциальной нестабильности на 600 км на Восток и облегчение хозяйственной экспансии немецких фирм. Франция и Великобритания тоже выступают за ускоренное расширение ЕС, но основная причина – стремление ограничить влияние ФРГ в этом регионе⁴.

Однако вопрос принятия Польши в Европейский союз остается открытым и поныне. Ее экономика и правовые нормы окончательно еще не адаптированы к европейским стандартам. И хотя польский президент указывает на то, что 70 % экономики занимает частный сектор, отлажена и хорошо действует налоговая система, в стране остаются неразрешенными задачи в области сельского хозяйства и промышленности⁵. Если страны ЕС закроют на существующие проблемы глаза и возобладает чисто «технический сценарий», то присоединение произойдет в 2002 г. Если нет – то не раньше 2005–2006 гг. Польша настойчиво идет к поставленной цели и во многом вопрос ее вступления в ЕС связан с другим, не менее важным для поляков – вступлением в НАТО.

Впервые открытое высказывание о необходимости обеспечения гарантий безопасности со стороны НАТО прозвучало еще на учредительной встрече глав государств Вышеградской группы в Кракове в октябре 1991 г.

Среди причин, побуждавших Польшу вступить в НАТО, следует выделить две наиболее важные. Во-первых, став полноправным членом Альянса, у нее появлялась бы возможность быстрее быть принятой в Европейский союз. Вторая – тесно связана с политической нестабильностью в России, которая, по мнению поляков, так и не избавилась от своих великодержавных замашек. В последнее время А. Квасьневский в качестве аргумента говорит о возрастающей угрозе терроризма и межэтнических конфликтов, с которыми невозможно не считаться в современных условиях⁶.

В июле 1991 г. окончательно оформился роспуск Организации Варшавского договора. Казалось, что в ближайшее время и НАТО объявит о прекращении своей деятельности (ведь об этом шла речь еще в феврале 1990 г. на встрече министров иностранных дел 23 стран-участниц НАТО и ОВД). Но руководство Альянса не спешило принимать такое решение, а августовский путч 1991 г. в Москве напрочь отбросил все сомнения. предска-

зять, как будут развиваться события в СССР, было очень сложно. Неудивительно, что центральноевропейские страны, и в первую очередь Польша, также были напуганы ходом событий в Москве. Их стремление укрыться под НАТОвский «зонтик безопасности» было вполне понятным и объяснимым, ведь никто не мог поручиться за будущее начатых в СССР реформ.

Результаты парламентских выборов 1993 г. в Польше и победа Союза демократических левых сил заставили западные страны насторожиться. Победа на президентских выборах 1995 г. А. Квасьневского, казалось бы, означала поворот в реформировании польского общества. Тем не менее польский президент заверил своих западных коллег в преемственности нового курса, заявив, что стремление вступить в ЕС и НАТО по-прежнему остается первоочередной задачей его государства.

К этому времени Польша приняла программу «Партнерство во имя мира» и создала свое бюро при штаб-квартире НАТО, делегировала своих офицеров в Координационный комитет партнерства, который размещается в штаб-квартире Объединенных Вооруженных сил НАТО в Европе (SHAPE), утвердила в Брюсселе индивидуальную программу Партнерства в НАТО⁷. Польские Вооруженные силы приняли участие в военных маневрах армии Альянса в Балтийском море и на территории своего государства.

В январе 1996 г. состоялась первая поездка А. Квасьневского в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, а в июне того же года в Варшаве прошла встреча на высшем уровне, на которой присутствовали представители 30 стран, а также генеральный секретарь НАТО Х. Солана и высокопоставленные чиновники из Брюсселя⁸.

Поворот в развитии событий произошел 8 июля 1997 г. на конференции представителей НАТО в Мадриде. Польша, а также Венгрия и Чехия получили официальное приглашение вступить в Североатлантический альянс. Официальная церемония вхождения этих стран в НАТО состоялась 12 марта 1999 г. в американском городе Индепенденс. Это событие бурно отмечалось в самой Польше, где еще в начале 1999 г. генерал Генерального штаба РП Хенрик Шумский указывал на то, что вступление страны в НАТО одобряют все политические партии и от 70 до 80 % населения⁹.

Конечно, этот шаг требует от польского правительства проведения военной реформы. Руководство НАТО поставило перед Польшей 65 целей, которые необходимо достигнуть в пятилетний срок, к моменту вступления 17 из них должны были выполняться. По подсчетам американских экспертов, за присоединение к Альянсу и связанную с этим модернизацию своих вооруженных сил Польше, Чехии и Венгрии придется потратить от 10 до 13 млрд долл., которые будут выплачиваться в течение 12 лет¹⁰.

Невзирая на это, после Мадрида были официально оформлены заявки от приглашенных, и с декабря 1997 г. началась процедура ратификации их членства в НАТО каждым из 16 участников. Уже к концу октября 1998 г. за принятие новых членов высказались все 16 государств, а в декабре в штаб-квартире НАТО был подписан протокол об изменении Вашингтонского договора 1949 г. в вопросе принятия новых членов, и с 12 марта их стало 19.

Может показаться, что Польша добилась поставленной цели достаточно легко и относительно быстро. Во многом это не так. В своем стремлении вступить в НАТО эта страна встретила серьезное сопротивление со стороны России. Еще в декабре 1993 г. в Брюсселе президент Российской Федерации Б. Ельцин фактически наложил вето на стремление государств Центральной Европы вступить в НАТО, что с польской точки зрения означало грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства¹¹. Такой шаг российских политиков во многом объясняет их стремление сохранить доминирующее влияние России в этом регионе, так как в случае расширения НАТО ей грозит политическая и военная изоляция в Европе¹². Такой подход к решению этой проблемы усложнил и без того непростые отношения между двумя государствами. Камнем преткновения между Польшей и Российской Федерацией стал вопрос о выводе советских войск с тер-

ритории польского государства. В течение двух лет шла разработка договора, который, наконец, был подписан 26 октября 1991 г. В нем указывалось, что окончательный срок вывода советских войск – конец 1993 г.

Перед руководством двух стран стояла еще одна проблема – российский долг Польше, при обсуждении которой в польском парламенте неоднократно раздавались требования выплаты компенсаций семьям убитых польских офицеров в Катыни в 1940 г., а также всем пострадавшим от сталинской системы. Подписанный в апреле 1992 г. протокол об урегулировании имущественных, финансовых и других вопросов, связанных с выводом войск бывшего СССР, не решил проблему долга в российско-польских отношениях. Оба государства отказывались платить по счетам. Выяснение отношений затянулось до 1995 г. до выработки соглашения о взаимном списании долгов обеими сторонами.

Твердая позиция России выразилась и в том, что ее бывшие сторонники по ОВД получили приглашение вступить в НАТО не раньше, чем она сама добилась подписания в мае 1997 г. в Париже основополагающего акта между Россией и НАТО.

В отношениях Польши с Россией и странами Запада немаловажное место занимали и занимают региональные аспекты, и в первую очередь отношения с ближайшими соседями, странами бывшего соцблока, где основное значение имеют Венгрия, Чехия, Словакия, Украина и страны Балтии.

В январе 1991 г. в г. Вышеграде состоялась встреча министров иностранных дел Чехословакии, Венгрии и Польши. В феврале того же года встреча президентов В. Гавела, Л. Валенсы и премьер-министра Венгрии Й. Анталла завершилась подписанием декларации, в которой подчеркивалось, что схожесть общественно-политической ситуации в трех странах стимулирует их добиваться согласованных целей, и провозглашалось создание Вышеградской группы.

Многие зарубежные исследователи считают, что это объединение было вызвано стремлением треугольника Прага–Будапешт–Варшава усилить свой международный авторитет среди стран Запада. Один из них – Х. Миэл высказывается в пользу того, что региональное сотрудничество является не более чем второсортным в деле присоединения к ЕС, и потому оно не встречает большого энтузиазма¹³. Тем не менее ряд стран Центральной Европы высказал желание вступить в это региональное объединение.

Наибольшее же мировое признание получило решение об образовании Центральноевропейской свободной торговой зоны (CEFTA), которая формально начала действовать с марта 1993 г. Польша является активной участницей не только вышеназванных объединений, но и таких, как Центральноевропейская инициатива, Совет государств Балтийского моря, Карпатский регион Европы и др. К концу 90-х годов все более четко обозначился так называемый «европейский сепаратизм», что нашло отражение в создании на территории Польши в сентябре 1998 г. 48-тысячного интернационального военного корпуса «Норд-ост»¹⁴. Россия, отказавшись от присоединения к этому балтийскому корпусу, таким образом отделилась не только от Польши, но и от стран Европейского сообщества.

Достаточно активно развиваются отношения Польши с Украиной и Литвой. На протяжении семи лет польские политики, проводя свою восточную политику, делают акцент на сотрудничестве с Украиной, основной задачей которого является стремление вывести Киев из сферы влияния Москвы. Президент А. Квасьневский в ходе вильнюсской встречи 1997 г. президентов Польши, Украины, Латвии, Литвы и Эстонии выразил заинтересованность в безопасности Украины и стабильности в этом регионе. В свою очередь в этой стране считают, что сотрудничество с Польшей, которая вырвалась вперед в вопросе интеграции в ЕС и НАТО, значительно повысит их шансы в достижении внешнеполитических целей. Особое же внимание уделяется вопросам военного сотрудничества двух стран. Уже сформирован совместный батальон для проведения миротворческих операций, со-

стоящий из двух польских и двух украинских рот.¹⁵ Таким образом, польско-украинское сотрудничество уверенно набирает обороты, о чем свидетельствует обращение А. Квасьневского к МВФ, ЕБРР и Всемирному банку с просьбой поддержать украинские экономические реформы.

Совсем иначе складываются отношения Польши с Беларусью. Польское правительство настораживает российско-белорусское сближение, а также его негативное отношение к ходу проводимых здесь реформ. Если в начале 1990-х гг. Беларусь провозгласила курс на сближение и сотрудничество с Польшей и странами Запада, то с середины 90-х гг. ее внешнеполитические установки изменились, тем не менее новый курс не помешал развитию экономического сотрудничества двух стран.

Можно утверждать, что Польша свой выбор сделала еще в конце 80-х гг., а к концу 90-х достигла немало в осуществлении поставленных целей. Польское правительство активно участвует в общеевропейских начинаниях в деле поддержания стабильности и порядка в Европе. Являясь участницей объединений как регионального, так и мирового уровней, Польша все чаще заявляет о себе как о значимом члене мирового сообщества.

¹ См.: Безопасность будущей Европы. М.: Наука, 1993. С. 53.

² См.: Vachudova M. A. Tim Snyder. Are Transitions Transitory? Two Types of Political Change in Eastern Europe Since 1989 // East-European Politics & Societies. Winter, 1997. Vol. 22. No. 1. P. 31.

³ См.: Dobroczynski M. Pomiedzy Rosia a Zachodem. Międzynarodowa pozycja Polski. Torun, 1992. S. 117.

⁴ См.: Bielecki J. Kto glosuje za Polska? // Rzeczpospolita. 1998. 8 lipca. S. 7.

⁵ См.: Польша готова помочь России вступить в НАТО. Президент Республики Польша Александр Квасьневский отвечает на вопросы «Известий» // Известия. 1999. 12 марта. С. 4.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ См.: Teresa Łos-Nowak. NATO: Prospektywny model bezpieczeństwa zewnętrznego Polski // Studia historyczne i politologiczne Pod redakcją R. Gellesa i Wolanskiego M.S. Wrocław, 1997. S. 479.

⁸ См.: Sokołowski A. Niemcy w polityce Aleksandra Kwasniewskiego // Studia historyczne i politologiczne. Pod redakcją R. Gellesa i M.S. Wolanskiego. Wrocław, 1997. S. 435.

⁹ См.: Юсин М. «МиГи» и «Су» еще летают в польском небе. В Варшаве мечтают об их замене, но денег на это нет // Известия. 1999. 27 января. С. 3.

¹⁰ См.: Polska w NATO za 3 miesiące // Rzeczpospolita. 1998. 17 lipca. S. 5.

¹¹ См.: Михник А. («Газета wyborcza»). Не играть с Россией // Известия. 1995. 5 мая. С. 3.

¹² См.: Kosciuk L. Prognoza reakcji Rosji na rozszerzenie NATO. Warszawa, 1996. S. 5.

¹³ См.: Miall H. Shaping a New European Order. The Royal Institute of International Affairs. New York, 1994. P. 92.

¹⁴ См.: Виноградов Б. Германия и Польша берут курс на «Норд-ост» // Известия. 1998. 9 декабря. С. 3.

¹⁵ См.: Юсин М. Указ. пр.

А.Г. ЗЕЛЬСКИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БІТВЫ НА РАЦЭ АМНЯЁН У КРЫНІЦАХ І ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Бітва на рацэ Амняён, што адбылася вясной 88 г. да н. э., была першым буйным боем І Пантыйскай (Мітрыдатавай) вайны – 89–85 гг. да н. э. Менавіта пасля яе тэатр ваенных дзеянняў значна пашырыўся і ахапіў усю Малую Азію, Балканскі паўвостраў, Чорнае і Эгейскае моры. Вайна, якая пачалася як невялікі канфлікт, амаль адразу набыла вялізарныя памеры. І гэта таксама было адным з вынікаў сутыкнення на рацэ Амняён. Але сама бітва неяк прайшла міма увагі гісторыкаў і спецыялістаў па ваеннаму мастацтву. Хаця па сваіх асаблівасцях і выніках яна можа стаць у адзін шэраг з вядомымі бітвамі старажытнасці.

Да пачатку І ст. да н. э., як сведчаць Страбон (XII, 3, 1) і Апіян (Mithr., 15), уладанні пантыйскага цара Мітрыдата VI Еупатара выраслі з параўнальна невялікага царства да вялікай дзяржавы і ахапілі значную частку Малой Азіі і амаль усё узбярэжжа Понта Эуксінскага.

Заваёўніцкая палітыка Мітрыдата VI і яго актыўная дыпламатычная дзейнасць выклікалі усёўзрастаючую занепакоенасць Рыма. Апіян паве-

дамляе (Mithr., 10), што рымляне самі з зайздасцю глядзелі на краіну, падуладную Мітрыдату, і жадалі падзяліць яе на некалькі частак.

У 99 г. да н. э. у Малую Азію накіраваўся рымскі палкаводзец Гай Марый. Мэтай яго падарожжа, на думку нямецкага гісторыка Т. Момзена, было імкненне падтрымаць палітычны аўтарытэт, які пахіснуўся на радзіме¹ і, як піша Плутарх (Mithr., XXXI), «узбудзіць цароў і падбухторыць Мітрыдата да вайны». Гай Марый лічыў, што ў выпадку вайны ён стане палкаводцам і зможа гэтакім чынам паправіць свае палітычныя і грашовыя справы. Прыязна прыняты Мітрыдатам, Гай Марый параіў цару маучаць і рабіць, што яму загадваюць, або збіраць сілы. Гэты візіт яшчэ больш умацаваў недавер і варожасць Мітрыдата да Рыма.

У сярэдзіне 90-х гг. да н. э. усё Кападакійскае царства апынулася пад уладай Мітрыдата. Т. Момзен адзначае, што Нікамед III, цар Віфініі, які таксама імкнуўся захапіць Кападокію, звярнуўся па дапамогу да Рыма².

Рэакцыя рымскага сената выявілася ў прызнанні царом Кападокіі прарымскі настроенага Арыёбарзана Філарамея³. Аднак Мітрыдат не збіраўся саступаць рымлянам Кападокію. Ён схіліў армянскага цара Тыграна II да сяброўства і саюзу і прапанаваў яму, як больш вольнаму ў сваім становішчы ў адносінах да рымлян, накіраваць войскі ў Кападокію, што падкрэслілі Т. Момзен і англійскі даследчык Е. Уіл⁴. Армянскія войскі хутка авалодалі Кападокіяй, аднавіўшы ўладу стаўленіка Мітрыдата. Тады рымскі сенат загадаў прапрэтару правінцыі Кілікія Луцыю Карнэлію Суле аднавіць на прастоле Арыёбарзана. Войскі Сулы і азіяцкіх саюзнікаў, як піша Плутарх (Sulla., V), выцеснілі з Кападокіі намесніка Мітрыдата Гордыя разам з армянскімі атрадамі, перабіўшы шмат кападакійцаў.

У 92 г. да н. э. Сула пакінуў правінцыю Азія. У хуткім часе пасля гэтага памёр састарэлы цар Віфініі Нікамед III (ля 91 г. да н. э.). Рымскі сенат прызнаў царом яго сына Нікамед IV Філапатара. Аднак яго малодшы брат Сакрат, абапіраючыся на пантыйскія войскі, перахапіў уладу над Віфініяй. Як адзначае Апіян (Mithr., 10), пасля гэтага Сакрат і военачальнік цара Тыграна II Мітраас выкінулі з Кападокіі стаўленіка рымлян Арыёбарзана і пасадзілі на трон у ей Арыярата. Гэты час быў адзначаны найбольшымі дыпламатычнымі поспехамі Мітрыдата ў Малой Азіі. Цяпер улада пантыйскага цара распаўсюджвалася, акрамя уласна Понта, Пафлагоніі і Галатыі, яшчэ фактычна на Віфінію і Кападокію. Такім чынам, Мітрыдат валодаў ужо амаль усёй Малой Азіяй. І хаця знешне ён выглядаў толькі як сведка усіх падзей, рымляне адчувалі, што менавіта ён з'яўляецца той галоўнай фігурай, якая рушыць усе падзеі на Усходзе. Так ацаніў ролю цара савецкі гісторык С.Л. Утчанка.

Нікамед I Арыёбарзан звярнуўся па дапамогу да Рыма. Але рымлянам у той час было не да падзей у Малой Азіі. У Італіі ўжо ішла Саюзніцкая вайна (91–88 гг. да н. э.), прычым падзеі разгортваліся не на карысць рымлян. І усё ж сенат, каб зусім не страціць кантроль над царствамі ў Малой Азіі, скіраваў туды пасольства, на чале якога стаяў Маній Аквілій.

Апіян (Mithr., 11) кажа, што аказаць неабходную дапамогу для вяртання на прастол цараў Нікамед I Арыёбарзана было даручана таксама Луцыю Касію, намесніку ў Азіі, і цару Мітрыдату. Ад адкрытага супраціўлення Мітрыдат устрымаўся, але і ўхіліўся ад адпраўкі патрабаваных войскаў. Тады Маній Аквілій і Луцый Касій пры дапамозе рымскіх войскаў і атрадаў, набраных сярод галатаў і фрыгійцаў, вярнулі Нікамед у Віфінію, а Арыёбарзана – у Кападокію.

Чаму ж Мітрыдат не аб'явіў вайны ў той час, калі Саюзніцкая вайна была ў самым разгары?⁶ Т. Момзен тлумачыць гэты факт адсутнасцю ў пантыйскага цара палітычнага разліку і дзяржаўнай мудрасці⁷. Але на справе яго царства не было падрыхтавана як след да вайны. Усю І Пантыйскую вайну, як пішуць Апіян (Mithr., 49) і Плутарх (Sulla., XI), Мітрыдат правёў удалечыні ад тэатра ваенных дзеянняў, у Пергаме, збіраючы сродкі і армію

для вайны. Цар умацоуваў дзяржаву, добра разумеючы, што калі толькі у Рыма развяжучца рукі, то ён (Рым) з усёй магутнасцю абрушыцца на яго.

Рымскія паслы у Азіі настойвалі на адкрыцці Нікамедам IV у Віфініі і Арыёбарзанам у Кападокіі ваенных дзеянняў супраць Мітрыдата. Але цары вагаліся, баючыся распачынаць вайну. Тады Маніі Аквілій прымусіў Нікамеда, які быў вінен вялізарныя сумы грошай за дапамогу асабіста паслам, военачальнікам, рымскім ліхвярам. Так Апіяны дакладна вызначылі віну рымскага пасольства ў развязванні канфлікту (Mithr., 11). Віфінія аб'явіла вайну. Але і тады, калі караблі Нікамеда занялі пралівы і перарэзалі марскія шляхі, а яго войскі спусташалі пантыйскія землі да г. Амастрыі (App., Mithr., 11–12, 14; Sall., Histor., VI, 10), Мітрыдат прытрымліваўся сваёй палітыкі міру. Замест таго, каб выбіць віфінцаў за межы сваіх уладанняў, Мітрыдат праз пасла Пелапіда звярнуўся са скаргай да рымскіх паслоў. Пелапід, прыгадаўшы ранейшыя крыўды, што нанеслі рымляне і іх саюзнікі Мітрыдату, прасіў, каб рымляне ці уступіліся за цара Мітрыдата, ці дазволілі яму абараняцца ўласнымі сіламі (App., Mithr., 12, 14). Адказ рымлян быў ужо вырашаны. Яны заявілі, што не хочуць, каб Мітрыдат меў непрыемнасці ад Нікамеда, і не пацярпаць, каб супраць Нікамеда была ужыта сіла. Такая крывадушніцкая палітыка рымскага пасольства вывела б любога з сябе, не тое што такую кіпучую асобу, як Мітрыдат. Свайму сыну Арыярату цар аддаў загад увайсці ў Кападокію. Адначасова ён ізноў накіраваў да рымлян Пелапіда з заявай, што цар дзейнічае ў мэтах абароны. Апіяны падкрэслівае моц і палітычную волю Мітрыдата (Mithr., 15–16), Пелапід, прыгадаўшы, у сувязі з гэтым запатрабаваў канчатковых тлумачэнняў. Аднак пагрозы Пелапіда зусім не напалохалі рымлян. Як падкрэслівае сучасная англійская гістарыяграфія, вайна была неад'ёмнай часткай жыцця рымлян і да таго ж вельмі прыбыткавай справай⁸. Адказ быў такі, які можна было чакаць. Рымляне загадалі Мітрыдату пры ўсіх абставінах устрымацца ад вайны з Нікамедам. Перамовы зайшлі ў тупік. Як слушна адзначыў Т. Момзен, «хаця ні рымскі сенат, ні цар Мітрыдат, ні цар Нікамед не жадалі канчатковага разрыву, Маній Аквілій жадаў яго, і вайна пачалася»⁹ (восень 89 г. да н. э.).

Маній Аквілій давёў справу да разрыву з Мітрыдатам, не чакаючы рашэння сената, таму што момант быў зусім нязручны. Пры тых ваенных і фінансавых цяжкасцях, якія адчуваў Рым у сувязі з Саюзніцкай вайной, рымская армія магла высадзіцца ў Азіі не раней лета 88 г. да н. э.

Пасля таго як скончыліся перамовы, Маній Аквілій і Луцый Касій пачалі сцягваць войскі да межаў Понта і Кападокіі. Адначасова працягваўся хуткі збор войскаў у Віфініі, Пафлагоніі і Галатыі.

На аснове сведчанняў антычных аўтараў мы можам зрабіць выснову, што стратэгічная задума рымлян была простая: распалажыўшыся трыма асобнымі групоўкамі, нанесці удары па Кападокіі і Понту, прымусіць Мітрыдата да капітуляцыі. У адваротным выпадку можна было б утрымліваць стратэгічныя пазіцыі, каб не дапусціць пантыйскія войскі ў правінцыю Азія і, дачакаўшыся прыбыцця легіёнаў з Італіі, разбіць непрыяцеля.

Апіян (Mithr., 17) пакінуў нам дакладныя звесткі, што Луцый Касій стаў лагерам у сярэдзіне Віфініі і Галатыі, Маній Аквілій заняў пазіцыі на мяжы Віфініі з Понтам – там, дзе Мітрыдату быў найбольш лёгкай шлях для уварвання ў Віфінію. Другі военачальнік Опій прыкрываў межы Кападокіі. Кожны з іх меў па 4000 коннікаў і ля 40000 пяхоты. З мора падтрымліваў сухапутныя сілы і ахоўваў уваход у Понт рымскі флот, якім камандаваў Мінуцый Руф і Гай Папілій. Базай флота была марская гавань Візантыя (App., Mithr., 17). Разам з рымлянамі дзейнічала войска віфінскага цара Нікамеда, пад камандаваннем якога было сабрана 50000 пяхоты і 6000 конніцы.

Мітрыдат да вайны змог падрыхтаваць 250000 пяхоты і 40000 конніцы. Каля 10000 коннікаў прывёў з Малой Арменіі яго намеснік, сын цара Аркафій, Кратэр – 130 баявых калясніц. На моры дзейнічаў флот, які налічваў 300 баявых суднаў з крытай палубай і 100 бірэм. Галоўнае кіраўніцтва арміяй ажыццяўляў цар. Ён жа непасрэдна камандаваў большай часткай

войска. Асобнымі атрадамі камандавалі военачальнікі Мітрыдата браты Архелай і Неапталем, фаланга была ў падпарадкаванні Дарылая (App., Mithr., 17).

На нашу думку, усе вышэйпрыведзеныя лічбы колькасці войскаў яўна перабольшаны Апіянам (асабліва войскаў Мітрыдата), але ў цэлым адпавядаюць верагоднай расстаноўцы сіл.

Т. Мемнон (XXXI, 1) прыводзіць значна меншую лічбу колькасці войскаў Мітрыдата – 200000 чалавек і паведамляе, што з іх Архелаю падначальвалася 40000 пяхоты і 10000 конніцы.

Дарэчы, на падліках расійскага вучонага Я. Молева, армія ў 200000 чалавек патрабавала на сваё утрыманне ад 22 да 33 талантаў штодня. Толькі на плату 80-тысячнай арміі Дарылая штодня патрабавалася ад 9 да 13 талантаў (лічачы аплату кожнага гапліта ад 4 аболаў да 1 драхмы штодзень). Просты падлік паказвае, што тыя 200 талантаў даніны, якія Мітрыдат атрымліваў з Баспора штогод (Strab., VII, 4, 6), маглі быць выдаткаваны за 20 дзён¹⁰. Усё гэта сведчыць больш на карысць дадзеных Мемнона.

Антычныя аўтары нічога не паведамляюць аб планах Мітрыдата. Логіка ж развіцця далейшых падзей магла быць наступнай. Напэўна, даведаўшыся аб месцах размяшчэння войскаў непрыяцеля праз сваіх разведчыкаў, Мітрыдат вырашыў нанесці удар першым, разбіць праціўнікаў паасобку, авярнушы з рук ворага стратэгічную ініцыятыву. Можна меркаваць, што нейкую частку сіл цар пакінуў для прыкрыцця межаў ад магчымага уварвання непрыяцельскіх войскаў. Як паведамляе Т. Мемнон (XXXI, 1), асноўная групоўка пантыйскіх войскаў знаходзілася ля горада Амасія, першай сталіцы Понта, чакаючы прыбыцця саюзных атрадаў.

У пачатку вясны 88 г. да н. э. войскі Нікамеда і авангард пантыйцаў на чале з Архелаем сустрэліся на адным з прытокаў памежнай ракі Галіс, Амняёне (пры сучасным Тэш Кепры)¹¹, у вобласці Даманітыда (Strab., XII, 3, 40). Pole бітвы уяўляла шырокую раўніну, толькі ў адным месцы знаходзіўся скалісты узгорак, непадалёку працякала рака Амняён (App., Mithr., 18).

Нікамед камандаваў усё тымі ж 50000 пехацінцаў і 6000 коннікаў (App., Mithr., 17). Што тычыцца колькасці авангарда пантыйскай арміі, то тут ёсць пэўныя разыходжанні. Згодна Мемнону (XXXI, 1) – 40000 пяхоты і 10000 конніцы. Апіян (Mithr., 18) аб колькасці не гаворыць, паведамляючы толькі, што ўзначальваючыя войска Архелай і Неапталем мелі толькі лёгкаўзброеных воінаў, 10000 коннікаў царэвіча Аркафія і некалькі баявых калясніц. Гэта пацвярджаюць дадзеныя Мемнона аб колькасці конніцы ў войску пантыйцаў. Але Апіян (Mithr., 19) дадае таксама, што армія Нікамеда колькасна значна перавышала пантыйскае войска. Баявое пастраенне хутчэй за ўсё было традыцыйным: на флангах – конніца, у цэнтры – пяхота.

Выходзячы з апісання бітвы, якое зрабіў Апіян, выдзелім тры этапы.

І этап. Каб не быць акружанымі віфінцамі, якія колькасна пераважалі, з левага фланга, Неапталем накіраваў невялікі атрад на скалісты круты узгорак, які замацаваўся на ім. Такім чынам, флангі пантыйскіх войскаў былі прыкрыты з правага фланга ракой, з левага – узгоркам. Хутчэй за ўсё пантыйскія военачальнікі меркавалі пратрымацца да падыходу галоўных сіл, за авангардам ішла фаланга (App., Mithr., 18), а затым даць рашаючы бой.

Верагодна, бачачы сваю перавагу, Нікамед вырашыў знішчыць спачатку перадавыя войскі пантыйцаў, а потым альбо працягнуць наступ, альбо замацавацца ў лагеры. Віфінцы перайшлі ў наступ і моцным ударам скінулі з узгорка пантыйскі атрад. Неапталем, баючыся флангавага удару і акружэння, імкліва кінуўся сваім на дапамогу. Разам з яго салдатамі віфінцаў атакавала і конніца Аркафія (App., Mithr., 18).

Заўважыўшы гэты манеўр пантыйцаў, Нікамед кінуў супраць іх свае асноўныя сілы. Ля узгорка адбыўся страшэнны бой з «вялікім кровапраліццем» (App., Mithr., 18). Карыстаючыся перавагай у сілах, войска Нікамеда пачало перамагаць.

II этап. Пантыйцы, не вытрымаўшы націску, пачалі адыходзіць і нават месцамі бегчы з поля бою. Віфінцы праследавалі адступаючага праціўніка, пры гэтым неасцярожна адкрылі свой левы фланг, што і выкарыстаў Архелай. Ён ударыў па флангу войска Нікамеда і прымусіў яго развярнуцца супраць сваіх атрадаў. Прыняўшы бой, Архелай пачаў паступова адыходзіць і, стрымліваючы націск ворага, даў магчымасць Неапталему і Аркафію спыніць адыходзячых воінаў.

III этап. Калі Архелай заўважыў, што правы фланг пантыйцаў спыніўся і перастроіўся, ён перайшоў у наступленне з выкарыстаннем баявых калясніц, удар якіх быў страшэнны, іх косы пачалі рассякаць віфінскіх салдат на часткі, ствараючы жахлівае відовішча. Віфінцаў ахапіла паніка, і яны змяшалі свае рады. Архелай імкліва атакаваў з перадавой лініі фронту, а злева фланга і тылу – атрады Неапталема і конніца Аркафія, якія хутка перастроіліся. Лёс віфінскай арміі быў вырашаны: змяшаўшыся, войска яшчэ некаторы час абаранялася, але большая частка акружаных была знішчана, а Нікамед з невялікім атрадам уцёк з поля бою, і салдаты пачалі здавацца ў палон. Падышоўшы да поля бітвы фаланзе Мітрыдата, як паведамляе Апіян (Mithr., 18), так і не давялося уступіць у бой.

У якасці трафееў пераможцам дастаўся увесь лагер Нікамеда з вялікай колькасцю грошай і аграмаднай колькасцю палонных, якіх Мітрыдат пашкадаваў і, даўшы грошай на дарогу, адпусціў дамоў, стварыўшы сабе сярод ворагаў славу літасцівага і міласэрднага (App., Mithr., 18).

Бітва на рацэ Амняён мае свае асаблівасці. Па-першае, сустрэчны характар бітвы – пантыйскае войска прама з маршу пайшло ў бой. Віфінцы ж мелі лагер і магчымасць падрыхтавацца да бою. Па-другое, падчас бою віфінцы былі прымушаны манеўрамі пантыйскіх войскаў увесь час перастройвацца то супраць Неапталема, то супраць Архелая, губляючы час і несучы вялікія страты. Па-трэцяе, асноўныя сілы арміі Мітрыдата не прынялі удзел у бітве, дзе змагаліся толькі авангардныя часткі пантыйцаў. Па-чацвёртае, перамогу «атрымала войска нешматлікае над пераузыходзячым яго колькасцю праціўнікам, дзякуючы военачальнікам і мужнасці войска» (App., Mithr., 19). Асаблівасцю падзеі з'яўляецца і вызваленне Мітрыдатам ваеннапалонных, зразумела, з далёкім палітычным разлікам. Дарэчы, Мітрыдат і пазней практыкаваў дараванне ваеннапалонным свабоды (App., Mithr., 19) на тэрыторыі Малой Азіі.

Перамога ў бітве на рацэ Амняён мела значныя вынікі. Рымляне і іх саюзнікі апынуліся раз'яднанымі. Паражэнне моцна падзейнічала на баявы дух усіх рымскіх войскаў, асабліва набраных з мясцовага насельніцтва. Выхапіўшы з рук рымлян стратэгічную ініцыятыву, Мітрыдат сам навязваў праціўніку бой, не даючы яго войскам аб'яднацца. Пасля бітвы пантыйскай войскай, па сведчанні Страбона (XIII, 3, 40), з ходу захапілі Віфінію і авалодалі Малой Азіяй аж да Карыі і Лікіі. «Імклівы націск», «уварванне», «нечаканы віхор Пантыйскай вайны» – так называюць рымскія гісторыкі баявыя дзеянні пантыйцаў у Малой Азіі (Eutrop., V, 3; App., Mithr., 20; Flor., I, 40, 5).

Як паведамляе Апіян (Mithr., 19–21), Мітрыдат разбіў ушчэнт раз'яднаныя рымскія войскі і хутка авалодаў правінцыяй Азія і пачаў рыхтавацца да пераносу баявых дзеянняў на Балканскі паўвостраў. Вайна працягвалася.

Пасля бітвы на рацэ Амняён стратэгічная ініцыятыва на некаторы час перайшла на бок пантыйскай арміі. Вайна, развязаная ў Малой Азіі па ініцыятыве рымскага камандавання, павярнулася не на карысць рымлян. Бітва на рацэ Амняён уяўляе сабой узор тактычнага майстэрства, умелага выкарыстання рэльефу мясцовасці, узаемадзеяння войскаў, умелага кіравання боем.

¹ Гл.: Моммзен Т. История Рима. М., 1937. Т. 2. С. 198.

² Гл.: Там жа. С. 262.

³ Гл.: Бикерман Г. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 200.

⁴ Гл.: Моммзен Т. Указ. твор. Т. 2. С. 262; Will E. Histoire politique du Monde hellénistique. Nancy, 1967. Т. 2. Р. 397.

- ⁵ Гл.: Утченко С. Л. Древний Рим. События, люди, идеи. М., 1969. С. 32.
⁶ Гл.: Нечай Ф. М. Рим и италийцы. Мн., 1963. С. 145.
⁷ Гл.: Моммзен Т. Указ. твор. Т. 2. С. 264.
⁸ Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Ed. 2. Oxford, 1968. P. 17, 18, 20;
Harris W. V. War and imperialism in Republic Rome. 327–70. D.C. Oxford, 1979. 9f, 54f.
⁹ Моммзен Т. Указ. твор. Т. 2. С. 266.
¹⁰ Гл.: Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание черноморской державы. Саратов, 1976.
С. 62.
¹¹ Гл.: Моммзен Т. Указ. твор. Т. 2. С. 267.

О. В. ПЕРЗАШКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О ДАСЬЮ КАК СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РИГВЕДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблемы социальной организации общества, нашедшие отражение в древнейшем арийском письменном памятнике – Ригведе – привлекают внимание исследователей уже более века. Одним из существенных вопросов здесь является понимание тех социальных структур, которые именуются в текстах памятника варнами, т. е. ариев и тех, которые упоминаются как «даса» или «дасью». В настоящей работе речь пойдет именно о дасью.

В известных автору исследованиях основные позиции по этому вопросу о дасью выглядят, следующим образом.

1. Дасью – это название, данное ариями коренному населению Индии. Причем в основе такого понимания лежит либо только «визуальный» фактор – цвет кожи (раса), который у ариев светлый, а у дравидов темный¹, либо целая группа этнических признаков: религиозная принадлежность, различие в языке и расе (например, форме носа или рта)².

2. Дасью – это ригведийское название древних иранцев, что основывается либо на данных лингвистики³, либо мифологии⁴.

Представляется целесообразным предложить свое видение проблем понимания дасью в ригведийском обществе, основанное на результатах текстового анализа. Позволим себе только два предварительных замечания.

Во-первых, вопрос расового единства доарийского населения Индии, который имеется в виду сторонниками разделения ригведийского общества на ариев и дасов (дасью) по какому-либо из внешних признаков дравидийской расы. Согласно результатам исследований этнической ситуации на южноазиатском субконтиненте, и в том числе на территории Пенджаба в бассейне Инда и его притоков, во второй половине II тыс. до н. э. (т. е. в том регионе, где создавалась Ригведа) приходившие сюда индоевропейцы-арии вступали в контакт не только с темнокожими веддоидами (относящимися к австралоидной расе) и дравидами (представителями южноиндийской европеоидно-австралоидной переходной группы), но и с австроазиатами (представителями южноазиатской монголоидно-австралоидной переходной группы), появившимися здесь не позднее IV тыс. до н. э., по всей видимости, из Китая, чье внешнее сходство с веддоидами и дравидами в это время являлось, вероятно, далеко не столь очевидным, чтобы их можно было зачислить в одну варну по этому признаку⁵. Следовательно, поскольку речь идет как минимум о трех расах, практически маловероятно, чтобы внешние расовые признаки являлись для создателей Ригведы основанием для классификации своего социального космоса по принципу бинарной оппозиции.

Во-вторых, весьма серьезным аргументом против того, что дасью использовались создателями Ригведы как название коренного населения в целом, является наличие в этом памятнике для обозначения тех, кто противостоит ариям (или их части, что еще более затрудняет доказательство понимания ариями доарийского населения как единого целого), термина «пани», являвшегося скорее всего этнонимом дравидийского происхождения, что убедительно доказал Н. В. Гуров⁶.

Как и в случае с любыми инокультурными феноменами, нам представляется, что определение *дасью* имеет смысл только после воссоздания его прагматического поля в целом. Поэтому перейдем к текстам Ригведы.

Дасью выступает в Ригведе следующим образом.

а) Обозначение противостоящих арию или угрожающих ему без указания сферы [Rv I 103,3; Rv III 34,9; Rv V 70,3].

На наш взгляд, в этих текстах имеет место соотнесение ариев, почитателей Индры, Митры и Варуны, со сферой светлого и указание на противостояние *дасью*. Существенным также является признание, что уничтожение *дасью* приводит к укреплению варны ариев, т. е. не только всей совокупности ариев, но и всей сферы их жизнедеятельности⁷.

б) Обозначение противостоящих людям, ариям или авторам гимнов Ригведы в «ритуальной сфере» [Rv I 51,8-9; Rv I 101,5; Rv I 175,3; Rv IV 16,9; Rv V 7,10; Rv VI 14,3; Rv VIII 70,11; Rv IX 41,2; Rv X 22,8].

Религиозная семантика *дасью* как следующего несправедливым религиозным правилам (ритуально чужого) в данном случае очевидна, и со времен «Ведийского индекса» является хрестоматийной при определении *дасью*⁸. Для выяснения всех обстоятельств в рамках относительной хронологии частей Ригведы мы предлагаем следующий ряд: бездеятельный, безбожный, несоюзник, инообетный, необетный, безбрахманский, безмысленный, нежертвующий, безобетный.

Кроме ставших уже классическими вышеприведенных определений *дасью*, тексты предоставляют нам возможность выделить еще некоторые, не приведенные авторами «Ведийского индекса». Это – неподдерживающий, ненасыщающий, бесчеловечный, недружественный, чародействующий.

Из приведенных в этом ряду для нас наиболее интересен «чародействующий» [Rv IV 16,9], как принципиально отличающийся от остальных, поскольку он не несет формального отрицания какого-либо из компонентов, составляющих ритуал ария.

в) Обозначение противостоящего арию или угрожающего ему в «неритуальной сфере» [Rv II 11,19; Rv VI 23,2; Rv VIII 19,36].

С помощью Индры арии победили сторонников сына Тваштара, который, возможно, мог быть разным (менять облики), что и расценивалось ариями как неестественное действие. Как известно, у ригведийских ариев не было поклонения оборотням, их боги, как правило, не отмечались как обладающие искусством перевоплощения, поскольку в абсолютном большинстве не имели определенного физического облика, а их конкретные формы – используемые в мифотворческих целях метафоры. В этом случае *дасью* следует понимать как сторонников неестественных действий.

Отметим также указание на существование политического противостояния между сторонниками Индры, определенными как «свои», и *дасью*, которые именуются как «неподчиняющиеся, неподдающиеся, упрямые».

Встречающееся в тексте выражение «гроза *дасью*» – имя или одно из имен рассматриваемого здесь человека-ария, который, вероятно, был риши⁹. Тот факт, что именно риши, создатель и певец священных гимнов Ригведы, является грозой *дасью* также и в «неритуальной» «политической» сфере, с одной стороны, указывает на известную условность разделения сфер жизнедеятельности ригведийских ариев даже по принципу диады: на «ритуальную сферу» и «неритуальную сферу», что подтверждает космологичность ригведийских текстов; а с другой – на наличие в понятии «*дасью*» для авторов текста как минимум «ритуальной» составляющей.

Таким образом, изучение текстов Ригведы, описывающих «неритуальное» противостояние ариев и *дасью* на социальном уровне, дало нам следующие результаты.

Дасью в «неритуальной» сфере называются:

– те люди, которые поклоняются оборотням и совершают неестественные, с точки зрения ариев, действия, причиняющие ариям вред;

– тот человек, которого можно политически победить с помощью священных гимнов Ригведы.

Кроме того, имеется одно определение *дасью* как политического противника: «неподчиняющегося, неподдающегося, упрямого».

г) Обозначение противостоящих непосредственно богам (космологическая сфера) [Rv I 33,4; Rv I 117,21; Rv II 11,18; Rv III 34,6; Rv IV 16,10; Rv V 30,9; Rv IV 16,12; Rv IV 28,4; Rv V 29,10; Rv V 31,5; Rv VI 18,3; Rv VII 5,6; Rv VII 6,3].

Вероятно, что в текстах речь идет о некоем владельце множества коров, который сам активно противоборствовал Индре и с которым были связаны те, кто не приносил жертв. Если следовать некоторым индийским комментаторам, то этим владельцем коров был Вритра, а «прежние» – одно из устойчивых обозначений его сторонников¹⁰. Однако, согласно Дайананде, «прежние» необязательно связаны с Вритрой, но обозначают всякого нехорошего человека вообще, а неоднократное упоминание в гимне коров и пани указывает на то, что скорее всего речь идет о Вале, который, несмотря на его вполне индоевропейское имя, возможно, являлся местным неиндоевропейским божеством *пани*¹¹. Корреляции же с непринесением жертв и отсутствием обетов определяют понимание этого «богатого» как ритуально чужого, поскольку упоминание действия, деятеля и того, на что направлено действие, одним словом для ведийского языка является нормой¹².

Для определения значения *дасью* в Rv I 117,21 нам представляется целесообразным рассматривать здесь следующие понятийные ряды:

а) инструменты действия Ашвинов: плуг и молния¹³;

б) объекты действия Ашвинов: зерно, польза, *дасью*, свет.

Поскольку объекты действия явно обозначают не конкретные вещи, а они таковые, то текст следует понимать в космологическом плане, а именно как указание на создание Ашвинами космоса (кормящей пашни, света) из хаоса (неупорядоченной земли, тьмы), и *дасью* здесь следует понимать как «вообще всякий, кто не приносит пользы арию и связан со сферой мрака».

Нам представляется, что речь в данном случае идет о чарошее, который чем-то скорее всего способен превращаться в паука (являлся оборотнем) и за свои действия по сокрытию света паутиной, т.е. за свои несправедливые (чуждые ритуалам авторов Ригведы, сторонников Индры) деяния, подвергся наказанию Индрой и оказался несправедливым (ритуально чужим).

Данный фрагмент является подтверждением высказанного нами выше предположения о том, что Индра использовал для борьбы с *дасью* волшебство как их же оружие, превосходя, естественно, их в этом, как и во всем остальном. *Дасью* можно понимать здесь как «чародей, волшебник». Отметим также еще одну характеристику *дасью* – «кривой, ложный».

Намучи, вероятно, за превращение женщин в воинов, что, с точки зрения авторов гимна, являлось, несомненно, аномалией, а следовательно, чародейством, назван здесь действующим вне принятых среди создателей Ригведы правил (следующим демонам).

Тексты также указывают на противостояние Индры и его возницы Кутсы, с одной стороны, и Шушны, Куявы (дословно «плохое зерно», «порочный», «зловредный») и тысяч *дасью* – с другой. Соотнесение с Шушной и Куявой может, на наш взгляд, являться результатом того, что приверженность названным антигероям, вероятно, носила массовый характер либо делала людей обладающими их качествами, либо, по мнению ариев, приводила к тем же результатам, что и действия непосредственно самих Шушны и Куявы (засуха, порча урожая и т. д.). Итак, *дасью* здесь «осушитель», «истощитель», «порочный» и «зловредный».

К уже известным определениям *дасью* добавим еще три – «наихудший», «обесславленный», или «опороченный», и «враг». За этим можно видеть и противопоставление «недышащих» *дасью* и «дышащих» людей-ариев.

Текст (Rv V 29,10) содержит второе после «черной кожи» (но более раннее по времени) «классическое» определение *дасью* как «безносых», кото-

рое авторы «Ведийского индекса» трактуют как основание для закрепления за *дасью* расовых признаков местного доарийского населения, чему следует большинство последующих исследователей Ригведы¹⁴. Нам представляется, что не менее обоснованно видеть тут еще один пример противопоставления «недышащих» *дасью* и «дышащих» ариев.

Еще одно достаточно известное и показательное определение *дасью* в этом фрагменте – «скверноречивые». Это определение может являться намеком на противостояние «речей» *дасью* гимнам ариев, если, учитывая наличие в тексте «священной речи», которая обладает космогоническими функциями, и сюжет мифа о завоевании Солнца, признать, что *дасью* здесь выступает как владеющий ложной священной речью (злой колдун).

Намек на выжимание сомы (Rv V 31,5) может являться указанием на значение здесь *дасью* как противостоящих Индре в «ритуальной сфере».

Несмотря на некоторые проблемы в понимании текста (Rv VI 18,3), нам представляется возможным заключить, что речь идет не о *дасью*-земледельцах, а о *дасью* и земледельцах, причем первые, возможно, мешали каким-то образом покорению вторых ариями.

Можно говорить и о космическом противостоянии света (Агни) и тьмы (*дасью*), т. е. *дасью* во мн. ч. выступает как собирательное «тьма».

Учитывая вышесказанное о *лани*, нет сомнения, что за свои религиозные привязанности и ритуальные правила они отнесены авторами гимна (Rv VII 5,6) к *дасью* – «ритуально чужим».

К имеющимся определениям *дасью* добавим: «бессильный», «связыватель», «путатель», «неверящий», «безверный», «непреданный», «безрадостный», «далекий», «враждебный», «чужой», «западный». Отметим также упоминание «безжертвенный» и «нежертвующий».

Подведем итог. В предлагаемом ряду приведены все выявленные нами определения характеристики *дасью* с указанием «сферы применения» каждого термина.

Космологическая: кривой, ложный, истощитель, зловредный, недышащий, враг, обесславленный, безносый, скверноречивый, бессильный, путатель, неверящий, безрадостный, далекий, чужой, безжертвенный, нежертвующий, прежний.

Ритуальная: безбрахманский, чародействующий, безобетный, ненасыщающий, неподдерживающий; безобетный, несоюзник, необетный, безбожный, инообетный, нежертвующий, бездеятельный, безмысленный, бесчеловечный, недружественный.

Неритуальная: неподчиняющийся.

Как показано выше, кроме явно присутствующих в тексте характеристик *дасью*, следует выделять еще и «скрытые», выделенные нами на основании прагматического описания. Вот они:

- следующий неправедным религиозным правилам;
- следующий демонам (ложным богам);
- противостоящий варне ариев;
- сторонник неестественного действия;
- боящийся священных гимнов;
- причиняющий ариям вред;
- всякий, кто не приносит пользы арию;
- связанный со «сферой мрака»;
- оборотень;
- чародей, волшебник;
- неправедный;
- действующий вне принятых среди ариев правил;
- владеющий ложной священной речью;
- противник богов;
- тьма.

Как следует из вышеизложенного, определяющим критерием для выделения в ригведийском обществе варны *дасью* являлась религиозная принадлежность, а не расовые или иные внешние признаки.

Таким образом, социальное объединение *дасью* включало людей, тех, которые: во-первых, исповедовали определенную религию, включавшую в себя следование змееподобным богам, враждебным арийским, и совершение религиозных ритуалов и магических действий, чуждых ариям; во-вторых, противостояли ариям с помощью чародейства.

¹ Елизаренкова Т. Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 453–456; Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 147–148.

² Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects, I. Delhi, 1958. P. 347–348; Медведев Е. М. К вопросу о формировании кастовой системы в Индии. Возникновение варны шудра // Вестник МГУ. Востоковедение. 1978. № 3. С. 18–19.

³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. 1995. С. 211; Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 69–70.

⁴ Macdonell A. A. Vedic Mythology. Strassburg, 1897. С. 156.

⁵ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 114–158; Медведев Е. М. Указ. соч. С. 17–18.

⁶ Гуров Н. В. К этимологии ведического *pañi-* // Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979. Т. 1. С. 145–154.

⁷ Поскольку слово *dasyu-* стоит во множественном числе, то наверняка можно утверждать лишь то, что уничтожение любого числа *дасью* приносит такой результат.

⁸ Macdonell A. A., Keith A. B. Op. cit, I. Delhi, 1958. P. 347–349.

⁹ Ригведа. Мандалы V–VIII / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой М., 1995. С. 681.

¹⁰ R gveda - Sa m hit ā with English Translation by Svami Satya Prakash Sarasvati and Satyakam Vidyalankar. New Delhi, 1977. Vol. 2. С. 463.

¹¹ Гуров Н. В. Указ. соч. С. 152.

¹² Bapoo T. Санскрит. М., 1976. С. 112–116.

¹³ R gveda - Sa m hit ā Vol. 2. С. 401.

¹⁴ Macdonell A. A., Keith A. B. Op. cit, I. Delhi, 1958. P. 347–348; Медведев Е. М. Указ. соч. С. 19.

Л. В. ВОНСОВИЧ

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ

К середине XIII в. королевская власть в Германии утратила свое значение центрального органа управления, сохранив за собой лишь формальное положение сюзерена над фактически независимыми вассалами-князьями. Две Прагматические Санкции Фридриха II (1220 и 1232 гг.) закрепили основные признаки княжеского верховенства, «сделав епископов и знать законными государями их территорий»¹: князья обладали высшей юрисдикцией и правами военкомандующих в своих владениях; им принадлежала часть законодательной власти и административно-полицейские функции, право применять принудительную власть; они имели право постройки укреплений, чеканки монет и т. д. Дарованные князьям Фридрихом II привилегии означали наступление нового периода в истории Германии, характеризовавшегося феодальной раздробленностью, децентрализацией политической власти, образованием замкнутых территориальных княжеств, что создавало предпосылки для установления княжеского абсолютизма в будущем.

С прекращением династии Штауфенов в Германском государстве наступило междоусобице (1254–1273 гг.), когда королевская власть фактически не имела реальной силы в стране и перестала выполнять свои функции. На германский престол избирались люди, не имеющие «ни характера, ни внешней силы, ни ресурсов, дабы влиять на политику государства»². Коро-

левский сан в эпоху междоусобиц утратил национальный характер, на что указывают неоднократные попытки немецких князей предлагать его иноземным правителям вроде английского принца Ричарда Корнуольского (1257–1272 гг.) или кастильского короля Альфонса X (1257–1275 гг.). Коронные земли и регалии были расхищены князьями, тирания и насилие достигли невиданных для Германии размеров, наступил период кулачного права (Faustrecht), характеризующийся господством феодальных усадеб и неограниченной ничем анархии.

Во время междоусобиц наметился распад королевства на отдельные территориальные княжества, которые к XIV в. превратились в замкнутые политические образования. Западная часть Германии была раздроблена на мелкие и мельчайшие княжества и имперские города. В восточной части складывались крупные территории: Бавария, Австрия, Бранденбургская марка, Пруссия. Внутри этих образований начался бурный процесс централизации: князья подчинили себе все население, проживающее на их территории, собирали налоги, пользовались доходами от ремесла и торговли; они упразднили вассально-ленную систему и создали наемные войска; ими была построена соответствующая структура государственного управления и введено единое княжеское (земское) право. Также были оформлены собственные сословно-представительные органы-ландтаги, состоявшие из местного духовенства, дворянства и представителей земских городов и не имевшие никакой связи с центральной властью. Княжества представляли собой обособленные территории, на которых их владельцы осуществляли всю полноту верховной власти над поземельно- и лично-зависимым населением. Таким образом, социально-экономические сдвиги, создававшие условия для централизации государственного строя, в Германии были использованы князьями, ставшими строителями современного государства. По мнению Н.Ф. Колесниченко, «они сделали большое историческое дело – упразднили анархию и создали условия для развития немецкого хозяйства и культуры»³, выполнив ту миссию, которую не смогла осуществить королевская власть в масштабе всего Германского государства. Объединение страны происходило не вокруг центра, общего для всей Германии, а вокруг многих княжеских центров.

В период XIII–XV вв. в немецком обществе выработалось представление о государстве, определенное К. Лампрехтом термином «трансперсональное»⁴, отрешенное от личности монарха, у которого была отнята одна из главных прерогатив – представлять государственное единство. Главной целью магнатов было удержать монарха в его беспомощном положении, поэтому они вручали королевскую власть обычно какому-нибудь мелкому князю, вроде Рудольфа Габсбурга или Адольфа Нассау, то есть представителям их собственного княжеского сословия, равным им по политическому статусу, и следили за тем, чтобы власть короля не сделалась наследственной в одном семействе. Территориальные владельцы обязывали каждого монарха уважать их вольности, требовали новых привилегий в награду за свои голоса. Так, в обмен на королевский престол магнаты заставили Адольфа Нассауского (1292–1298 гг.) подписать избирательную капитуляцию, ставившую его под полный контроль князей-избирателей. За нарушение условий капитуляции Адольф был низложен как «недостойный королевской власти и отвергнутый богом за свои злодеяния».

В этой обстановке задача объединения страны путем подчинения могущественных территориальных князей становилась для немецких императоров непосильной, и со времени междоусобиц она была снята с политических расчетов германской монархии. Королевская политика с этого времени была направлена на создание крупных фамильных владений, главы которых, не пользуясь реальной властью в стране, стремились использовать пребывание на престоле лишь для того, чтобы приобрести и расширить собственные наследственные территории. Первые представители Габс-

бургской и Люксембургской династий – действительные собиратели земель, напоминающие удельных князей, – понимали, что при финансовом бессилии империи король без твердой территориальной власти будет только тенью государя. Так, Рудольф I Габсбург (1273–1291 гг.), имевший небольшие владения в Эльзасе и Швейцарии, усмотрел будущее своей династии не на путях старой имперской политики, а в создании базы своего могущества в Германии. Он отнял у чешского короля Австрию, ставшую ядром родовых земель его дома, Штирию, Каринтию, создав тем самым крупное наследственное княжество Габсбургов. Аналогично действовал и Генрих VII Люксембург (1301–1313 гг.), для которого главным средством упрочения своего положения на германском престоле стало приобретение родовых территорий, которые король нашел для себя в Чехии. Он женил своего сына Иоанна на наследнице чешского престола и передал ему Чехию как имперский лен, обеспечив тем самым своей династии наследственные права на Чешское королевство и титул курфюрста империи. Людвиг Виттельсбах (1314–1347 гг.), получив германский престол, вел себя, как и его предшественники, проявив особую жадность в приобретении новых территорий. Он лишил пфальцскую линию Виттельсбахов их права на Нижнюю Баварию и тем самым объединил под своей властью все владения своего рода, добавив к ним и Голландию, женившись на ее наследнице. Приведенные факты говорят о том, что немецкие короли со времени междуцарствия выступали, прежде всего, как владетельные князья и реально располагали только теми средствами, которые давали им наследственные земли.

Приобретение родовых территорий германскими королями могло значительно усилить их власть в стране и должно было уравнивать ее с подобными и весьма многочисленными властями территориальных князей. При помощи крупных наследственных владений короли могли перейти к прочному владычеству над значительно большей территорией. Однако такого не произошло, так как со времени междуцарствия в Германии окончательно утвердился выборный принцип немецкой монархии. Князья избирали королей из разных родов, каждому из которых приходилось начинать свое правление с создания новой территориальной власти, что исключало возможность создания компактного и стабильного королевского домена, который в других странах в тот период являлся основой монархии. Также при выборах каждый кандидат был вынужден покупать свой сан ценой прав, которые принадлежали его предшественникам, и должен был повторить эту позорную политику впоследствии, для того чтобы гарантировать избрание своего сына. Чувствуя, что его род не может рассчитывать на сохранение престола, король стремился извлечь из него как можно больше пользы в настоящем, в частности, путем продажи королевских земель и регалий.

В XIV в. на королевском престоле в Германии сменялись представители 3-х династий – Люксембурги (короли Чехии), Габсбурги (герцоги Австрийские) и Виттельсбахи (герцоги Баварии и графы Пфальца), которые в этот период занимали самое видное положение в немецком государстве благодаря своим крупным владениям, представлявшим обширные комплексы земель, превосходившие по размерам территории отдельных князей. Фактически осуществлялась смена на престоле 3-х могущественных княжеских родов, которая облегчалась тем, что с конца XIII в. до XV в. в порядке престолонаследствия принцип выборности усиливался за счет принципа наследственности. Однако между этими родами шла постоянная борьба за политическое первенство, что, с одной стороны, отрицательно влияло на устойчивость королевской власти в стране, но одновременно свидетельствовало о росте престижа этой власти.

После смерти Генриха VII Люксембурга в результате обострения политической ситуации в Германии на королевском престоле оказались сразу два монарха: Фридрих Габсбург (1314–1330 гг.) и Людвиг Виттельсбах (1314–1347 гг.), которые в течение нескольких лет вели между собой изну-

рительную борьбу, где единственным результатом было финансовое и военное истощение обоих родов, что в будущем послужило на пользу Люксембургскому дому. В результате интриг папской курии и недовольства князей Германии политикой Людвига Баварского часть немецких курфюрстов в Рензе провозгласили новым королем Германии Карла Люксембурга (1346 г.), которого многие историки, в том числе и М.А. Бойцов, характеризуют «как самого значительного государя XIV–XV вв.»⁶. Действительно, при Карле IV (1346–1378 гг.) наблюдается заметное усиление власти короля в Германском государстве, которое произошло благодаря тому, что Люксембурги к этому времени имели огромные территории, простиравшиеся от Верхнего Пфальца до Силезии и от Западной Померании до Австрии. Карл IV видел в них основу своего владычества и ресурсы для осуществления властных полномочий. На этой территории королевская власть являлась важной жизненной силой, способной решать проблемы внутреннего и внешнего развития.

С правлением Карла IV связано начало эволюции империи в качестве федеративного феодального государства, которое получило свое юридическое оформление в изданной Люксембургом в 1356 г. Золотой булле. Булла закрепила новое политическое развитие в государстве на основе признания формальных прав верховной власти при всемогуществе контролировавших ее князей-избирателей, а также зафиксировала значительную автономию княжеской власти, так как князьям было отдано верховенство в их владениях, сделавшее их подлинными хозяевами своих земель. Юридически было закреплено положение о том, что 7 курфюрстов (архиепископы Майнцский, Трирский, Кельнский, пфальцграф Рейнский, король Чехии, герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский), образующих особую коллегию, выбирают немецкого короля и вместе с ним представляют королевскую власть.

Роль Золотой буллы для истории Германии неоднозначна. С одной стороны, она закрепила олигархию крупных феодалов в немецком государстве, сложившуюся задолго до этого акта, и политическую раздробленность страны, значительно умерила власть короны. С другой стороны, новая избирательная система содержала и позитивные государственно-правовые тенденции. С помощью Буллы к концу XV в. королевская власть в Германии приобрела значительную устойчивость, но за счет вытеснения на восточную периферию империи, что еще раз подтверждает территориально-княжеский характер власти короля со времени междуцарствия.

¹ См.: Брайс Дж. Священная Римская империя. М., 1891. С. 170.

² Там же. С. 171.

³ Колесницкий Н. Ф. Проблема возникновения территориальной раздробленности в Германии (XI–XII вв.) в немецкой историографии // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 180.

⁴ Лампрехт К. История германского народа. М., 1895. Т. 2. С. 380.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Бойцов М. А. Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 25.

І.А. ЕУТУХОУ

АДЛЮСТРАВАННЕ ПОЗНЕАНТЫЧНАГА МЕНТАЛІТЭТУ У ПЕРАПІСЦЫ СІМАХА І ПРЭТЭКСТАТА

Ветыцый Агорый Прэтэкстат (пам. 384 г.) быў адной з ключавых фігур у палітычным жыцці заходняй часткі Рымскай імперыі – праконсул Ахайі (361 г.), прэфект Рыма (367–368 гг.), удзельнік пасольства сената да імператара Валентыніяна (Амм. XXVIII, 1), прэфект прэторыя (384 г.), квіндэцэмпір, аугур, пантыфік Весты¹. Гэты чалавек, па словах Аміяна, арганічна аб'ядноўваў у сваёй асобе высакародны лад думак і рымскую ганарлівасць (Амм. XXII, 7, 6).

Комплекс перапіскі Сімаха і Прэтэкстата складаецца з 12 лістоў (I, 44–55)², якія папярэдне, хаця і з дастаткова вялікай ступенню суб'ектыўнасці, могуць быць размеркаваны па двух умоўных групах па храналагічных і стылістычных прызнаках: 1) лісты 376–378 гг. (I, 44, 49, 50, 52), 2) лісты 380–385 гг. (I, 45–48, 51, 53–55). Пры першым чытанні у больш ранніх лістах адчуваецца сяброўскі характар перапіскі з прыметным адценнем афіцыйнасці, у больш позніх – сяброўскі характар, блізкі да амікашонства.

Праведзены аналіз паказвае, што комплекс лістоў Сімах – Прэтэкстат займае прамежкавае становішча паміж комплексамі перапісак: сяброўскай – Сімаха з Аусоніем і дзелавой – Сімаха з Пробам. Аналіз дазваляе не толькі удакладніць высновы, якія былі зроблены раней, але і прасачыць пэўную дынаміку (пераход ад афіцыйнага тону да сяброўскага) у міжасабовых адносінах прадстаўнікоў заходнерымскай нехрысціянскай арыстакратыі.

Афіцыйны характар у комплексе мае ліст сорак дзевяты, дзе Сімах выконвае ролю інфарматара («... Вы просіце у мяне самых дакладных навін пра гэтую трывожную сітуацыю»). Ён вельмі дэталёва паведамляе пра ахвяры багам і іх вынікі (у дадзеным прыкладзе вынікі былі адмоўныя, таму ахвярапрынашэнні працягваліся), а таксама гарантуе прадстаўленне аперацыйнай інфармацыі пры магчымым змяненні сітуацыі у лепшы бок (I, 49).

Афіцыйны характар з адценнем сяброўскіх адносін маюць сорак чацвёрты і пяцьдзесят другі лісты, першы з якіх выконвае суправаджальную ролю ліста да прамовы Сімаха Pro Trygetio у рымскім сенате (9 януарыя 376 г.), другі – мае падзяку за выказаную Прэтэкстатам станоучую ацэнку.

Сюжэтная лінія сорак чацвёртага ліста выглядае наступным чынам. У самым пачатку Сімах уключае свайго адрасата у найбольш блізкае кола зносін. Потым ідзе дэталёвае апісанне падзей, якія прывялі ўрэшце рэшт да выступлення у сенате. У заключэнні Сімах просіць Прэтэкстата даць ацэнку прамове (I, 44).

Пры азнаямленні з матэрыялам складаецца уражанне, што тут чытач мае справу са звычайнай кампліментарнасцю. Сама па сабе пазіцыя Прэтэкстата не вельмі цікавая, яна прадказальна станоучая і адназначна накіравана на пачаткам ліста, дзе згадваецца пра шматлікія віншаванні, якія паступаюць апошнім часам на адрас Сімаха і чуткі пра якія ўжо дасягнулі Прэтэкстата. Аналагічную мэту мае і заканчэнне ліста, дзе ёсць спасылка на меркаванні, ужо выказаныя сенатам.

Дадзеная выснова, аднак, мае толькі характар папярэдняй ацэнкі. З улікам назірання Джона МакГэчы пра тое, што копіі прамовы Pro Trygetio былі таксама накіраваны Сіагрыю, Юліяну і Нестэрыю, можна меркаваць, што гаворка тычыцца не столькі кампліментарнага пацвярджэння станоучага водгуку сената, колькі публічнай ратыфікацыі сваёй прыналежнасці да пэўнага кола людзей.

Аб тым, што азначаная ратыфікацыя адбылася, сведчыць наступны тэзіс Сімаха з пяцьдзесят другога ліста: «Тое, што мая прмова Вам вельмі спадабалася, радуе мяне не менш за добразычлівую думку сената, гэтай лепшай часткі роду чалавечага, калі ён яе пачуў» (I, 52).

Аднак узнікае цалкам прыроднае пытанне пра мэтанакіраванасць ратыфікацыі, звязанай з тым, што да складу рымскага сената уваходзілі не толькі прыхільнікі традыцыйнага веравызнання, але і хрысціяне. Успрыняцце сенатараў цалкам як эліты чалавецтва дазваляе вызначыць больш вузкае кола як «эліту эліты», ці сапраўдную рымскую арыстакратыю. Ускосным аргументам на карысць выказанаму меркаванню служыць прыведзеная вышэй ацэнка Прэтэкстата, дадзеная Аміянам Марцалінам.

Вылучэннем спачатку «эліты чалавецтва», потым «эліты эліты» працэс усталявання сяброўскіх адносін не заканчваецца. Яго апошнім этапам стане персаніфікацыя, аб якой сведчыць пяцідзесяты ліст Сімаха, апошні з ранняга перыяду.

У гэтым пасланні Прэтэкстат атрымлівае ад свайго візаві заўвагу за тое, што адрасаваў ліст адначасова і Сімаху, і яго бацьку: «... Вы адправілі

толькі адно пасланне майму бацьку і мне, і, звыш таго, ліст вельмі кароткі» (I, 50, 1). Сімах у прынцыпе быў згодны з прапанаванай мадэллю паводзін, якая, выдавочна, уключала яго разам з бацькам да складу «эліты эліт»: «Вы мне скажыце, што для (майго) гонару было б важна, каб я быў аб'яднаны са сваім бацькам. Безумоўна, ёсць рэчы, якімі б я жадаў карыстацца альбо разам з маім бацькам, альбо на роўных з ім» (Ibid. 2). Пры гэтым Сімах настойліва праводзіць лінію на неабходнасць большай вызначанасці і дакладнай персаніфікацыі сяброўскіх адносін: «...Любоў да мяне павінна быць накіравана на маё імя» (Ibid.).

Пэўны паварот у адносінах паміж Сімахам і Прэтэкстатам ва ўмацаванні іх сяброўскіх адносін назіраецца ў пяцідзесятым чацвёртым лісце, дзе Сімах выказвае свайму адрасату шчырую падзяку за выяўленыя ім шкадаванні ў сувязі са смерцю брата. Прычым у лісце спецыяльна падкрэслівалася вялізарнае значэнне паслання для аднаўлення душэўнай раўнавагі (I, 54).

Астатнія лісты 80-х гг. рэпрэзэнтуюць шырокі псіхалага-эмацыянальны спектр сяброўскіх адносін, у якіх выказваюцца шчырыя шкадаванні ў сувязі з цяжкай хваробай яго жонкі. Калі зыходзіць з надпісу на помніку, яна займала віднае месца ў шматлікіх рымскіх містэрыяльных культых: «Фабіі Аконіі Пауліне, святлейшай матроне, дачцэ Акона Катуліна, святлейшага мужа, былога прэфекта і ардзінарнага консула, жонцы Веція Прэтэкстата, святлейшага мужа, прэфекта і абранага консулам, прысвечанай у Элеусіне ў містэрыі бога Вакха, Цэрэры і Коры, прысвечанай у Лерне ў містэрыі бога Лібера, Цэрэры і Коры, прысвечанай на Эгіне ў сакраменты багінь, жрыцы таўраболій, жрыцы ісіды, гіерафантэры багіні Гекаты і шануемай грэкамі багіні Цэрэры» (Dess. № 1260). Рэлігійная дзейнасць Пауліны дазволіла Сімаху падкрэсліць, што яна аднолькава дарагая ім абодвум (I, 48).

У пяцідзесятым першым лісце (383 г.) можна адшукаць папρόкі на адрас Прэтэкстата ў сувязі з яго самаўхіленнем ад палітычнай актыўнасці. Больш таго, Сімах лічыць магчымым супрацьпаставіць дзве мадэлі паводзін. Ён асабіста адкінуў усе свае планы, тэрмінова вярнуўся ў Рым: «Пры агульнай бядзе мой спакой падаўся мне ганебным», – і прызваў, каб Прэтэкстат зрабіў таксама (I, 51). Ліст пяцідзесяты чацвёрты, напісаны ў наступным 384 г., сведчыць пра выхад сяброў на роўнаўплывовыя ролі ў дуэце. Ад папрокаў Сімах пераходзіць да правядзення самастойнай лініі. На фоне традыцыйных і абавязковых запэўніванняў у шчырым сяброўстве гучыць адмова скарыстацца яго парадамі на конт прымірэння з адным з іх агульных знаёмых.

Пра значную ступень самастойнасці Сімаха сведчыць і яго пераход на ментарскі тон: «Мне не падабаецца адчуваць недахоп у квяцістых выразах: той, хто піша каротка, хутчэй выяўляе сваю пагарду, чым ветлівасць. Я не жадаю такіх лістоў, якія па кроплі раняюць словы з вуснаў, якія ледзьве рухаюцца» (I, 45, 1); «Калі толькі ў ляхах ты не наведваеш Апалона, як гэта рабіў калісьці пастух Гесіод, якога увянчалі паэтычнымі лаўрамі Музы. Адсюль, магчыма, (паходзіць) гэты архаічны стыль, які ў тваіх лістах спалучаецца з сучаснымі думкамі. Быццам ты, пазабыўшы пра забавы больш шляхетныя, цікавіся толькі вузламі сетак, пер'ямі пудзіл, нюхам сабак, карцей кажучы, усімі прыёмамі псовага палявання. Таму, калі ты будзеш мне пісаць, помні пра тое, каб стрымаць сваё красамоўства. Няхай твая мова будзе проста і нявымушанай дзеля таго, каб цябе не прынялі за паляўнічага» (I, 53, 2). Наступны ж фрагмент ліста сорок сёмага можна успрымаць як лёгка здзек: «Я не сцвярджаю, што ты заплываеш тлушчом падчас вакацый і што твае асалоды ахладзілі тваю доблесць» (I, 47, 2).

Асобае месца ў комплексе перапіскі Сімах – Прэтэкстат належыць лісту сорок шостаму, які дазваляе унесці дастаткова значныя ўдакладненні ў агульную схему цыркулявання інфармацыі, сфармуляванай на падставе аналізу перапіскі Сімаха з Аўсоніем і Пробам.

Комплекс Сімах – Аўсоній паказваў, што інфармацыя павінна быць: 1) аператыўнай, 2) дакладнай і зыходзячай ад першай асобы, 3) не быць

празмернай. Комплекс Сімах – Проб дапаўняе да дадзенай схемы яшчэ адну рысу – выяўленне лаяльнасці да дзяржаўнай улады на усіх яе узроўнях.

Аналізуемы ліст дазваляе удакладніць апошнія дзве характарыстыкі. У комплексе Сімах – Аусоній абмежаванне аб'ёму перадаваемай інфармацыі выступае вынікам пэўных псіхалагічных варункаў: трэба пазбегнуць празмернай загрузкі сяброў сваімі праблемамі. У лісце сорак шостым ідзе прамая гаворка пра падзел інфармацыі на пісьмовую і вусную: «Я не буду выкладаць у гэтым пасланні усё дзеля таго, каб майму брату яшчэ засталося, пра што цябе распавесці. Даведайся ж пра сутнасць праблемы і асноўныя моманты справы, а ён дэталёва адкажа табе на пытанні» (I, 46, 1).

З наступнага тэксту ліста можна бачыць, што да адкрытай (афіцыйнай, ці фіксуемай у пісьмовай форме) інфармацыі адносяцца вельмі агульныя тэзісы пра рэлігійную практыку рымскага жрэцтва, якія у прынцыпе не выклікаюць адмоўнага стаўлення імператара-хрысціяніна: важнасць рытуалаў, рашэнне пра наданне культавым дзеянням публічнага характару, інфармацыя пра арганізацыю шыкоўных свят.

Застаецца невядомым, што менавіта з гэтых тэзісаў і у якім кірунку будзе дапаўняцца закрытай (канфедыцыяльнай, ці вуснай) інфармацыяй. Хаця сам факт таго, што перадача адбудзецца, у лісце фіксуецца так: «Я загадаў ...каб ён раскажа табе усё, пра што ты пажадаеш даведацца» (Ibid. 2). У самых агульных рысах паведамляецца пра асноўны змест будучага абмеркавання: «Калі ты яшчэ не азнаёміўся з імператарскім вердыкам, ён раскажа табе пра яго змест і прааналізуе яго табе» (Ibid.). Апошняя фраза, як уяўляецца, падкрэслівае пасіўную ролю брата Сімаха.

Такім чынам, перамяшчэнне фіксацыі ацэнкі дзеянняў імператарскай улады з пісьмовай формы ў вусную дазваляе выканаць асноўную умову адкрытай інфармацыі – выяўленне лаяльнасці да дзяржаўнай улады.

У выніку праведзенага аналізу перапіскі Сімаха з Аусоніем, Пробам і Прэтэкстам можна зрабіць выснову пра агульную накіраванасць познеантычнай нехрысціянскай ментальнасці. З улікам таго, што адной з функцый менталітэту з'яўляецца адаптацыя чалавека ў сацыяльным асяроддзі, можна выказаць наступныя меркаванні:

- 1) нехрысціянская частка рымскай арыстакратыі успрымала сябе ў якасці «эліты эліт роду чалавечага»;
- 2) яе асноўнай мэтай была ўнутраная кансалідацыя дзеля супрацьстаяння хрысціянскаму асяроддзю, якое пастаянна пашырала свой уплыў;
- 3) замкнёнасць у абмежаваным коле прывяла арыстакратыю да стану выміраючай касты.

¹ Гл.: Howe G. *Fasti sacerdotum P.R. Publicorum aetatis imperatoriae*. Lipsiae, 1904. P. 23, 31, 38.

² Гл.: Symmaque. *Lettres*. T. 1 (Livres I–II) / Texte et, trad. et comm. par J.P. Callu. Paris, 1972. P. 107–116.

³ Гл.: McGeachy J.A. *Quintus Aurelius Symmachus and the Senatorial Aristocracy of the West*. Chicago, 1942. P. 18.

Е.Е. МАРЧЕНКОВА

ИННОВАЦИИ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Настоящее время характеризуется значительным переосмыслением понятия социального прогресса, который уже не является простым воплощением экономического роста и индустриальной динамики. Проблемы общественного развития должны анализироваться как многофакторные, и особое значение здесь приобретают культурные детерминанты в контексте органического синтеза с необходимыми инновационными изменениями. Нововведения должны «уживаться» с определенными традиционными ценностями, которые либо остаются защищенными в качестве элемента культурного наследия, либо получают расширенное толкование как сопоставимые с прогрессивными ценностями. В связи с этим особую актуальность приобретают теории социальной модернизации, в которых пристальное внимание уделяется специфике культурных традиций, их значимости как одного из важных факторов общественного развития. Современная парадигма социодинамики в рамках концептуальных программ модернизации, как правило, базируется на следующих предпосылках: складывающиеся в обществе социокультурные типы и ценностно-смысловые приоритеты являются основой его устойчивости и стабильности, занимают особое место в процессах регуляции хозяйственной и политической жизни; процессы социальной модернизации характеризуются многовекторностью институциональных, символических, идеологических интерпретаций в различных типах социума; важными факторами социальной модернизации являются характер устоявшихся общественных институтов и элит, степень их восприимчивости к инновациям и способность к поддержанию традиций.

Одной из актуальных исследовательских задач на нынешнем этапе общественного развития является определение оптимального соотношения культурных традиций и инноваций, поиск наиболее перспективных вариантов взаимодействия факторов преемственности и модернизации в конкретных условиях функционирования той или иной социальной системы.

В первую очередь необходимо отметить, что понятия инновации и традиции отличаются известной конвенциональностью, характеризуются определенной неоднозначностью интерпретаций. Не менее сложным является понятие социальной модернизации, которое предполагает наличие определенных признаков в системно-формационном, экономическом, социальном, политическом и духовном аспектах.

Один из авторов теории социальных трансформаций Ш. Эйзенштадт определяет модернизацию как «процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и в Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век, а затем распространились на другие европейские страны, а в

девятнадцатом и двадцатом веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты»¹.

При таком подходе материальными предпосылками модернизации считается успешное развитие европейского города, включая расширенное производство товаров, заинтересованность в торговле, сфера которой постоянно расширялась. Великие географические открытия XV–XVI вв. способствовали интенсивному развитию международной торговли, формированию мирового рынка, что, в свою очередь, стимулировало обновление европейской социальной структуры и появление новой модификации рыночных отношений, капитализма в Европе и колониализма вне ее пределов, прежде всего на Востоке. Капитализм и колониализм с неизбежностью вели к насильственному втягиванию всего неевропейского мира в рамки уже сложившегося экономического стандарта Запада.

В широком смысле слова социальная модернизация представляет собой специфический тип общественного развития, который, прежде всего, характеризуется определенной неустойчивостью процессов на всех уровнях социальной организации. Конкретизация данной дефиниции предполагает, в свою очередь, наличие определенных пространственно-временных характеристик реального исторического процесса. В данном случае общепризнанным можно считать следующее определение: «Модернизация – явление цивилизационного масштаба, форма, сторона перехода от традиционной цивилизации к либеральной, от общества, нацеленного на воспроизводство на основе некоторого статичного идеала, к обществу, рассматривающему повышение эффективности форм деятельности, развитие способности личности и собственное саморазвитие как основу общественной динамики»².

Модернизационные процессы в обществе неразрывно связаны с осуществлением определенных инновационных мероприятий, которые так или иначе ассоциируются с прогрессом и являются необходимым фактором эффективности социальных преобразований. В широком общественном смысле понятие нововведения, по сути близкое исходному определению модернизации, связано с особым типом социального развития, предполагающим целенаправленные изменения³. Подобные изменения предусматривают обязательное внедрение в ту или иную среду новых относительно стабильных элементов – предметов инновации. Само же нововведение представляет собой процесс – переход некоторой системы из одного состояния в другое.

Классификация нововведений позволяет в значительной мере конкретизировать структуру данного определения, выявить в нем проблемные связи в соотношении между разными типами инноваций. Следует отметить, что социальные нововведения (в отличие, к примеру, от материально-технических) характеризуются большей степенью сложности. Это обусловлено, в частности, их неразрывной связью с конкретными общественными отношениями, широкой сферой применения, неопределенностью критериев эффективности и трудностями ее количественного измерения. Поэтому большинство социальных инноваций имеет комплексный характер и является многофакторным по своей природе.

Прежде всего необходимо выделять *горизонтальные* и *вертикальные* связи в структуре инновационных процессов. В первом случае комплексная инновация представляет собой систему, состоящую из равнозначных компонентов различной природы, т. е. реализуется «механический» аспект нововведения. Во втором случае инновация рассматривается с точки зрения цепи последствий на всех уровнях социальной системы. Данный подход к понятию нововведений предусматривает всесторонний анализ объективных предпосылок инновационных изменений в той или иной социальной сфере, а также соотношения в ней факторов преемственности и перемен.

Дальнейшая детализация подобного исследования предполагает необходимость категориального оформления различных аспектов трансляции и

преобразования социокультурного опыта. В данном контексте культурная традиция является комплементарной процессу инновации в том смысле, что не всегда противостоит последней, а в определенной мере предполагает и синтезирует те или иные социальные преобразования.

Практическая реализация модернизационных мероприятий в обществе обуславливает необходимость фундаментального переосмысления целого ряда теоретических положений, углубленной трактовки природы и функционального своеобразия культурной традиции. В современной научной литературе можно выделить три основные смысловые интерпретации данной категории: исторически устойчивые *элементы социального опыта, форму его передачи и явления преемственности* во времени и пространстве. Обобщенная дефиниция традиции представлена в «Философском энциклопедическом словаре»: «Традиция (от лат. *traditio* – передача, предание), элементы социального культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени»⁴. Данное определение фиксирует основные характеристики традиции, хотя в значительной мере создает определенные трудности в интерпретации соотношений, к примеру, таких категорий, как «культурная преемственность», «обычай», «нравы», «стереотипы», «историческая память» и «традиция».

Необходимость выявления характеристик взаимосвязи культурной традиции с инновационными процессами в обществе предполагает раскрытие ее основных функций. При всей полифоничности современных интерпретаций функциональные особенности традиций можно свести к двум составляющим компонентам: 1) функция социальной стабилизации и преемственности в общественной жизнедеятельности; 2) функция необходимых условий и предпосылок для успешного осуществления инноваций⁵. Исходя из этого, традиция не только закрепляет в себе результаты прошлого опыта и является специфической формой преемственности, но и актуально создается новыми поколениями. «Традиция предстает деятельностью не столько нацеленной на трансляцию исторического наследия, сколько на выработку и отливку новых форм, которые будут передаваться не из прошлого в настоящее, а из прошлого в будущее»⁶.

Таким образом, соотношение инновации и традиции не является жесткой антитезой, поскольку традиция не представляет собой застывшее и статичное прошлое, но имеет историческую перспективу. Каждая культура обладает рядом показателей, связанных с различными уровнями цивилизационной структуры, имеющими свою собственную динамику и различные адаптационные возможности к воздействиям извне. Культурная традиция не должна рассматриваться в качестве вспомогательного и даже орнаментального аспекта социодинамики, поскольку представляет собой особый тип отношения между прошлым, настоящим и будущим.

Тем не менее важно подчеркнуть, что подобная трактовка категории традиции может способствовать искаженному пониманию ее диалектической связи с инновацией. В контексте социальной модернизации соотношение факторов преемственности и перемен имеет двойственный характер. *С одной стороны, традиция должна выступать внутренней предпосылкой для осуществления необходимых нововведений, т.е. не являться репрессивным фактором общественного развития. С другой стороны, любая социальная инновация может претендовать на эффективность лишь в том случае, если она не разрушает культурную традицию, а станет ее составным элементом.*

Данный подход к определению соотношения инноваций и традиций в условиях социальной модернизации позволяет обозначить ряд актуальных проблем, связанных с осуществлением преобразований, необходимых в конкретных государствах. В первую очередь модернизация для стран, которые пытаются «вписаться» в систему мирового экономического хозяйства, предполагает внесение в содержание культурной традиции ценностей либерализма и освоение достижений научно-технического прогресса.

Согласно теории социальных трансформаций, исторически первый тип модернизации сформировался в странах Западной Европы. Ему были свойственны не только хронологическая длительность (с XVI в. до середины XX в.), но и геополитическое, культурно-духовное и религиозное единство. Модернизация европейских государств была продиктована внутренними импульсами, поскольку принципы либерализма и научно-технические достижения являлись результатом социокультурной эволюции. В отличие от этого социальные инновации в других странах осуществлялись в основном как ответ на «вызовы» Запада. Поэтому данный тип модернизации имел вторичный, «догоняющий» характер.

Следует отметить, что в настоящее время подобная модель модернизации считается теоретически отвергнутой. Тем не менее в реальности она является наиболее распространенной, а в некоторых странах активно внедряется и сегодня. Пределы догоняющей модернизации обусловлены прежде всего социокультурными детерминантами обществ переходного типа, неравномерностью развития «центра» и «периферии», а также изменениями глобальных тенденций социодинамики, связанными с переходом к постиндустриальному (А. Тоффлер), информационному (Д. Несбит) обществу.

Итак, социальная модернизация представляет собой весьма сложный системно-исторический процесс, составляющими которого выступают комплексные преобразования всего общества, прогрессивные изменения в экономике, социальной сфере, политической системе и культурно-духовной жизни. В контексте органического взаимодействия инноваций и традиций в структуре модернизационных процессов, прежде всего, возникает проблема возможности нового синтеза внутренних и внешних факторов, экономики и социокультурной специфики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что сегодня одной из наиболее актуальных задач становится анализ специфики конкретной культуры, ее способности быть основой воспроизводства в условиях социальной модернизации.

В этом отношении весьма специфичным оказывается рассмотрение современного «положения» России (а вместе с ней и всей славянской цивилизации, в том числе и Беларуси). В структуре данной парадигмы «показательны» такие оценки модернизационных процессов, которые предполагают возврат в «мировое сообщество», в «цивилизованный мир», к «нормальной культуре» и т.п. Крайней позицией в рамках такой концепции является видение единственного эффективного выбора России как «осознание своего сегодняшнего места в структуре мировой экономики». Таким «местом» оказывается полупериферийный статус, который предполагает выбор экономического «патрона» на уровне «ядра мировой экономики». Важнейшей предпосылкой данного выбора считается преодоление стереотипов отношений власти и народа, традиций социальной и политической жизни, а также негативных особенностей российского менталитета (т. е. отличающихся от западного). Проблема модернизации в современной России также рассматривается с точки зрения существования альтернативы цивилизационного развития с учетом местной специфики, не отвергая при этом объективного существования некоторых общих закономерностей.

Данная биполярность позиций, вероятно, характеризует тенденцию нового осмысления проблем общественной динамики в контексте двух известных направлений отечественной социально-философской мысли – западничества и славянофильства. При всем разнообразии современных моделей исторического выбора для славянской цивилизации в рамках данной традиции их содержание отличается метафизическим трактованием исторического процесса и абсолютизацией его факторов независимо от места и времени. Так, на основании славянофильской традиции (при всей ее привлекательности и особой актуальности в наше время, обусловленной прежде всего необходимостью сохранения национально-культурной самобытности, высоких нравственных идеалов, интеграции общества и т. п.) представляется весьма затруднительным разработать эндогенные механизмы

социально-экономического развития, дифференциации общества, которые являются необходимыми условиями перспективной модернизации. Апелляция к патриотическим чувствам и эмоциональным состояниям может быть эффективной, но лишь в сочетании с выработкой научно обоснованных механизмов регулирования «переходными» процессами.

В последнее время все больший интерес проявляется к циклическим, волновым, ритмическим характеристикам развития общества. Подобные концепции находят опору в достаточно распространенной социально-философской традиции – теориях Д. Вико, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского. Реконструируется евразийская концепция цивилизационного развития России, согласно которой выбор направления модернизации должен осуществляться посредством возвращения к исконным национальным началам, главным из которых является православие, обеспечивающее «соборность», единение общества, сильную государственность и «правлящий отбор»⁹.

Таким образом, насущной задачей сегодня является поиск синтетической методологии, позволяющей обоснованно определять статические и динамические элементы социального развития, а также исследовать динамику субординации тех факторов, которые обуславливают национально-историческую самобытность. В рамках исследования взаимодействия культурных традиций и инноваций можно выделить два типа социокультурных систем в зависимости от соотношения в них консервативных и инновационных традиций.

Консервативная традиция в данном случае понимается как система спонтанно сложившихся факторов, препятствующих генезису, трансляции и утилизации новых образцов социального опыта, которые довлеют над обществом на протяжении многовековой истории. *Инновационная традиция* предполагает длительное воспроизводство синергетических факторов, стимулирующих деятельность двух типов, – творчество и заимствование позитивного социального опыта извне. И та, и другая традиции присущи любому обществу с различиями в их стохастических комбинациях.

Исследование составляющих традиционно-инновационной характеристики развития славянской цивилизации (начиная с естественно-географических аттракторов и кончая собственно культурными факторами) позволяет сделать вывод, что с момента зарождения русского государства важнейшей особенностью цивилизационного развития являлось доминирование консервативной традиции, воплощавшейся в различных формах.

В отечественной и зарубежной литературе приводится большое количество фактов, характеризующих политическую организацию России как волюнтаристски-мобилизационную. «Сквозным» признаком российской действительности оказывается «этакратический репрессивный монархизм вкупе с экстенсивной патриархальностью»¹⁰. Данный признак явился определяющим и на «предсовременных» этапах российского цивилизационного развития (социализм), предполагая неизбежные притязания центральной власти на право максимального контроля и распоряжения всеми ресурсами общества, и в первую очередь экономическими. Важнейшим следствием этого, как известно, стало господство внеэкономических форм принуждения и эксплуатации. При этом производитель лишался возможности накапливать материальные ресурсы, излишки которых тем или иным способом постоянно изымались и перераспределялись государством.

В тоталитарно-консервативном русле формировалась социально-психологическая и политико-культурная основа российского общества. Практическое воздействие духовных ценностей на траекторию движения славянской цивилизации опосредовано православной государственностью¹¹.

Этические ценности православия могут рассматриваться как эндогенные социально-культурные предпосылки структурной и синтетической модернизации. В контексте реформирования современного общества наиболее актуальной системой традиционных мотиваций большинство исследователей

считают этику социального служения. Предпосылки формирования данной традиции определяются широким спектром суждений об особенностях русского самосознания: от «стихийности свободы» до морального комфорта положения «государевых слуг» и «комплекса сервизма».

Проблема социокультурного обоснования современного переходного периода связана с исследованием глубинных основ славянской культуры, в которой ее сущностные самобытные элементы получают новую ценность в контексте стратегического выбора цивилизационного развития. Поэтому культура должна анализироваться в динамической перспективе с учетом максимального числа факторов преемственности и перемен. Данное исследование возможно лишь на основе оптимизации категориального статуса понятия культурной традиции, подробного изучения ее структуры и динамики с точки зрения сохранения стабильности социальной системы, способности ассимилировать те или иные трансформационные сдвиги. Проблема исследования соотношения традиций и инноваций в структуре модернизирующихся обществ предполагает анализ вариантов взаимодействия инновационных изменений различной степени сложности со структурными элементами традиционной составляющей социокультурной системы.

Необходимость преобразования исследовательских парадигм модернизации с учетом ценностно-смысловых факторов общественной динамики и многообразия исторически сформировавшихся социокультурных типов обуславливает выработку новой методологии анализа. В связи с этим в настоящее время, вероятно, наиболее корректными следует считать подходы, которые предусматривают признание первичности культуры по отношению к другим факторам общественной организации и развития. В контексте вышеизложенного всестороннее исследование проблем социальной модернизации посредством анализа взаимосвязи и взаимодействия инноваций и культурных традиций является достаточно перспективным и может в определенной мере способствовать и практической реализации актуальных программ реформирования в условиях переходного периода.

¹ Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. New York, 1966. P. 1.

² Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 4.

³ Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989. С. 28–29.

⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 692.

⁵ См.: Зеленков А. И. Социокультурный статус традиций и их роль в динамике наук // Вестн. Белорус. ун-та. 1996. Сер. 3. № 2. С. 5.

⁶ Каиров В. М. Традиции и исторический процесс. М., 1994. С. 18.

⁷ Розов Н. С. Национальная идея как императив разума // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 15–16.

⁸ См.: Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Томск, 1992. С. 90–94.

⁹ Кожин В. В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.

¹⁰ Реформы и контрреформы в России / Под ред. проф. В. В. Ильина. М., 1996. С. 57.

¹¹ См.: Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Собр. соч. М., 1993. Т. 2. С. 361.

Е.К. АГЕЕНКОВА

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПСИХИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ПРАКТИКЕ ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С БОЛЬНЫМИ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Многолетний опыт исследований психосоматических аспектов сердечно-сосудистых заболеваний и анализ приемов психокоррекционной работы с людьми, имеющими данные заболевания, позволили нам остановить выбор на методах психической саморегуляции по следующим причинам:

1. Невротические проявления в личностном профиле большинства больных ишемической болезнью сердца, инфарктом миокарда, гипертонической болезнью, наблюдаемые всеми исследователями психосоматических заболеваний, возникают, помимо других случаев, в связи с неосознаваемой привлекательностью своей болезни и рентными установками по отношению к своему болезненному состоянию. Многие из них перекладывают заботу о своем здоровье на медицинских работников, снижая при этом свои волевые качества и активность в поиске путей выздоровления¹. Это состояние определяется как «воля к болезни», «моральная капитуляция человека, отдающего себя болезни»³. И.П. Павлов писал об условной приятности или желательности болезненных симптомов.

Применение методов манипулятивных психотерапевтических технологий при данных заболеваниях может способствовать усилению уже имеющих истероидных состояний и зависимости от врачей, а приемы психической саморегуляции способны пробудить у больного «волю к здоровью».

2. Сам организм является автономной саморегулирующейся системой, способной поддерживать свое состояние в норме. Методы психической саморегуляции позволяют упразднить факторы, нарушающие его гомеостатическое равновесие и ведущие к саморазрушению.

3. Знание основных приемов и методов саморегуляции позволяет каждому человеку самостоятельно справляться с возникающими проблемами, таким образом, более полно самоактуализироваться, и поэтому их можно отнести к методам личностного роста. Излишнее же увлечение современных психотерапевтов суггестивными, групповыми и манипулятивными техниками снижает автономность личности коррегируемого пациента, что может помешать его развитию и снизить адаптивные возможности.

Подбор и апробация методов психической саморегуляции осуществлялись в работе с больными сердечно-сосудистыми заболеваниями (ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда, нейроциркуляторная дистония по кардиальному типу) в Институте кардиологии и городском кардиодиспансере.

В нашей работе проведены также анализ и классификация имеющих место практических методов саморегуляции психоэмоциональных состояний. Данные исследования выявили следующие основные методы: 1) *основанные на знании психотехники*; 2) *естественные*; 3) *основанные на ис-*

пользовании состояний стресса; 4) основанные на воспитании и самовоспитании.

Методы, основанные на знании психотехники. Основа их – тренировка способности к сосредоточению, т.е. они опираются на волевое усилие. Среди них можно выделить следующие приемы: А) *методы контроля мышления*; Б) *методы контроля функций тела*, в которых, имеются два направления: приемы *регуляции мышечного тонуса*, подразделяющиеся на *статические и динамические методы релаксации и регуляции дыхания*; В) *методы регуляции через состояние транса*.

А) *Методы контроля мышления* являются базисными для всех других техник саморегуляции. В самом простом варианте они заключаются в контроле качества картины событий, которую индивид рассматривает в воображении в средней зоне осознания, с целью невозвращения в сознание негативно окрашенных образов. Более сложные варианты метода направлены на остановку мыслительных представлений и перевод сознания из средней зоны осознания (зона воображения, фантазий) на внешнюю и внутреннюю зоны – или восприятие действительности (на процесс присутствия «здесь и теперь»)⁷. В этом подходе существует ряд тренировочных приемов. Наиболее показаны данные методы для лиц с легко возникающими состояниями тревоги и склонных к пролонгированию негативных эмоциональных состояний, что особенно выражено у больных психосоматическими заболеваниями.

Б) Формирование *методов контроля функций тела* основано на том, что психоэмоциональные состояния обязательно проявляются в изменении функционирования физиологических систем. Поэтому многие исторически сложившиеся системы психической саморегуляции основываются на регуляции двумя произвольно управляемыми функциями организма – дыхания и тонуса мышц.

Основа использования *методов регуляции дыхания* – изменение психоэмоционального состояния в зависимости от его глубины и соотношения длительности вдоха и выдоха. Более короткий выдох по отношению к вдоху активизирует как вегетативные, так и психические процессы, а более длинный – оказывает на них тормозное влияние. Опыт подсказал, что для многих прямая регуляция дыхания является затруднительной и вызывает его сбой, и в связи с этим в нашей практике были использованы некоторые оригинальные подходы для его оптимального применения.

В приемах *статической мышечной релаксации* нами выявлены некоторые противопоказания или ограничения в использовании отдельных подходов, принятых в аутотренинге, основанном на методах Шульца⁵ и Джекобсона⁶. О возникновении различного рода психологических и физиологических проблем при его применении указывали также А.М. Свядоц⁷ и В.С. Юрданов⁸. Основными противопоказаниями для отдельных контингентов лиц являются: а) «поза кучера», б) применение «ощущения тяжести» для стимулирования релакса, в) концентрация внимания на деятельности внутренних органов. Излишним, с нашей точки зрения, является прием аутосуггестии на фоне полусонного состояния с вербальным сопровождением расслабления. С другой стороны, в отличие от «санаторно-курортных» вариантов аутотренинга, нами был сделан акцент на сохранении ясности сознания и контроля за действительностью, как принято в классических приемах медитации⁹. Все эти меры потребуют выполнения определенных правил «техники безопасности» при проведении релакса, изложение которых не позволяют размеры статьи.

Поскольку проведение статической мышечной релаксации затруднительно для многих пациентов, в нашей практике были широко использованы ее *динамические* варианты, включавшие массаж, гимнастику на растяжение различных групп мышц и суставов, а также умение расслаблять тело в движении. Названные приемы достаточно разработаны с указанием их показаний и противопоказаний в лечебной физкультуре, спорте, йоге, цигун,

русских оздоровительных приемах, в методах Райха, Лоуэна, Александра и др.¹ В нашей практике мы использовали имеющиеся рекомендации.

В) *Методы саморегуляции*, основой которых являются *состояния транса*, наиболее сложны и имеют множество противопоказаний, поэтому специальный их тренинг в данном направлении не проводился. Однако при естественном входе в это состояние отдельных пациентов по показаниям давались рекомендации для его использования в психологической коррекции¹¹.

Естественные методы. К ним мы отнесли приемы, не использующие специальную психотехнику, основанную на волевом усилии. Они имеют рекомендательный, житейский характер и основаны на естественном включении индивида в природные или социальные процессы и на организации здорового образа жизни. В составлении обширного списка приемов здорового образа жизни (ЗОЖ), перечисление которых не позволяют размеры статьи, принимали участие все наши пациенты. Они же были и инициаторами включения приемов ЗОЖ в способы психической саморегуляции. Как известно, многие люди, в силу различных причин, не изучают или не пытаются освоить психотехнику волевой регуляции. В связи с этим возникает необходимость поиска и включения в разряд обсуждаемых методов правильной организации деятельности, быта и жизни в целом. При видимой простоте данных подходов для большинства людей они могут оказаться единственными в поиске самостоятельных путей выхода из негативных психоэмоциональных состояний.

Методы, основанные на использовании состояния стресса. В старину они назывались методами аскезы. Несмотря на свою экзотичность и рискованность, в настоящее время они имеют достаточное распространение как методы голодания и холодового воздействия на организм. В нашей практике они не являлись самоцелью, но при естественном переживании состояния стресса любого характера или использовании вышеуказанных нагрузок давались определенные рекомендации по их использованию. Применение данных приемов в практике показало, что в состоянии стресса быстрее происходит закрепление поведенческих стереотипов.

Методы, основанные на правильном жизненном «философском» воспитании и самовоспитании. Они, пожалуй, являются самыми важными, так как при надлежащем становлении личности первые три метода психической саморегуляции могут не понадобиться. Нами рассматривался широкий круг вопросов, касающихся проблемы интеграции личности, предложенных в различных философских и психологических теориях.

Данные подходы, использованные автором в психокоррекционной работе с больными сердечно-сосудистыми заболеваниями, помогли пациентам ослабить острые периоды заболеваний, удлинить состояния ремиссий, снизить употребление лекарств и более полно актуализировать себя в жизни.

¹ См.: Агеенкова Е. К. Особенности психологической структуры личности и психосоматических соотношений у больных гипертонической болезнью и ишемической болезнью сердца (по материалам скрининговых исследований): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1986.

² См.: Аствацатуров М. И. Избранные работы. Л., 1939.

³ См.: Тополянский В. Д., Струковская М. В. Психосоматические расстройства. М., 1986.

⁴ См.: Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М., 1990.

⁵ См.: Шульц И. // Аутогенная тренировка. М., 1985.

⁶ См.: Лобзин В. С., Решетников М. М. Аутогенная тренировка. Л., 1986.

⁷ См.: Свядощ А. М. Аутогенная тренировка / Руководство по психотерапии. Ташкент, 1979. С. 176.

⁸ См.: Юрданов В. С. Аутогенная тренировка в лечении и реабилитации больных инфарктом миокарда: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1978; Юрданов В. С. Метод аутогенной тренировки при лечении больных инфарктом миокарда. Терапевтический архив. 1980. № 5. С. 78.

⁹ См.: Классическая йога: «Йога сутры» Патанджали. «Вьяса-бхадья» / Комментар. Е. П. Островского и В. И. Рудого. М., 1992.

¹⁰ См.: Бреннан Р. Метод Александера. К.: София, 1997; Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике / Сост. В.Ю.Баскаков. М., 1992; Фадеева М.Г. Найти здоровье. Мн., 1986; Готовцев П.И., Субботин А.Д., Селиванов В.П. Лечебная физическая культура и массаж. М., 1987; Абаев Н.В. Лечебная гимнастика у-шу: комплекс из 18-ти упражнений «Ляньгун шифафа»: Метод. пособие. Улан-Удэ, 1990; Ма Фолинь. Цигун: комплекс упражнений для укрепления и развития духа и тела. М., 1992; Полтавцев И.Н. Йога делового человека. Мн., 1991; Лоуэн А. Психология тела (Телесноориентированный биоэнергетический психоанализ). М., 1997; Райх Р. Функции оргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. СПб.; М., 1997.

¹¹ См.: Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. СПб., 1997.

Д.И. САГАЙДАК

О ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ БАЗИСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

Любая профессиональная деятельность, имеющая позитивное общественное значение, оценивается, прежде всего, с позиции ее «потребительской стоимости» для общества. В ее динамичных условиях социальной и предметной структуры профессиональной деятельности, возникновения новых и изменения технологической и эргономической основ прежних специальностей результативность созидательной деятельности определяется не столько профессиональным опытом, сколько врожденным базисом психофизиологических данных и характеристик индивидуума, обеспечивающих требуемый уровень обучаемости и упреждающую социальную и профессиональную адаптацию.

В производственной и социальной сферах и во всем диапазоне от простейшего физического труда до напряженных и высокоинтеллектуальных видов деятельности профессиональное становление начинается с формирования у индивидуума нормативного вектора «цель–результат». Нормативные цели–результаты возникают из важнейшего социального понятия – **социально одобренного способа деятельности**.

Применительно к профессиональному становлению работников физического и операторского труда проведено чрезвычайно много исследований, обобщенных в нормативных и методических материалах^{2,3,4}. Естественно, когда предметом труда являются технические, аппаратные, инструментальные и вещественные атрибуты, формализация и стандартизация самой деятельности и ее результатов достаточно успешно оцениваются с позиций нормативных результатов деятельности, которые гибко обеспечивают достижение **социально одобренного способа деятельности**.

В сфере интеллектуальной деятельности, особенно в области производственного, социального, муниципального и государственного менеджмента, формирование подходов к **социально одобренному способу деятельности** является далеко не однозначной проблемой. Именно от совокупной и конкретной результативности деятельности управленческого аппарата всех уровней зависит эффективность труда производственного и обслуживающего персонала, а значит и благосостояние общества. Поэтому в странах с динамично развивающейся экономикой подбору кадров госслужащих и менеджеров уделяется особое внимание^{6,7}. На основе анализа зарубежных технологий подбора кадров в табл. 1 демонстрируется германо-скандинавский вариант такой процедуры.

Изложенные выше принципы принятой в мире практики свидетельствуют о высокой эффективности использования научно обоснованных технологий подбора работников на различные исполнительские и руководящие должности.

В настоящее время отечественные кадровые службы органов государственного и муниципального управления, отраслевых министерств, службы подбора кадров в банках и на крупных рентабельных предприятиях не го-

товы к проведению такого глубокого и разностороннего анализа личности будущего работника. Естественно, что **достоверная** диагностика индивидуума по непривычным для нас параметрам и адекватный прогноз его производственной результативности потребуют громадной работы по подготовке специализированных кадровых психологов. Опыт прошлых лет позволяет отечественным кадровикам квалифицированно провести работу по п.1 (см. табл.1) «Анализ и оценка заявительных документов».

Таблица 1

Структура диагностики профессионального соответствия

Диагностические процедуры по отбору кандидатов				
1. Анализ и оценка заявительных документов	2. Психометрическое тестирование	3. Собеседование	4. Групповая дискуссия (Оценочный центр)	5. Графологическая экспертиза
1.1 Анализ заявления	2.1 Тест производительности	3.1 Анализ выразительности поведения	4.1 Анализ выразительности поведения	5.1 Анализ личного портрета
1.2 Анализ биографии	2.2 Тест на интеллект	3.2 Анализ рабочего поведения	4.2 Анализ рабочего поведения	5.2 Анализ рабочего портрета
1.3 Анализ свидетельств	2.3 Личностный тест	3.3 Анализ социального поведения	4.3 Анализ социального поведения	5.3 Анализ рабочих помех
1.4 Проверка рекомендаций	<i>Примечание. Как свидетельствуют зарубежные экономисты-аналитики, использование для отбора персонала при найме только тестов когнитивных способностей экономит работодателю крупные суммы денег. Для работодателей с небольшими возможностями, таких как Полицейское Управление Филадельфии (5000 служащих), эта сумма составляет около 18 млн долл. в год и до 15 млрд долл. в год – для крупных работодателей, например для Федерального правительства (4 млн служащих)⁷.</i>			
1.5 Анализ фотографии				
1.6 Анализ и проверка анкет				
1.7 Анализ трудовых испытаний				

Из-за недостатка квалифицированных психологов в наших кадровых службах мы не будем рассматривать достаточно информативные, но труднореализуемые сегодня диагностические методики, предлагаемые в п. 3, 4, 5 табл. 1. Вместе с тем следует обратить внимание на возможность и доступность получения важных информационных характеристик претендента по заданиям п. 1.7 «Анализ трудовых испытаний»; п. 2.1 «Тест производительности»; п. 3.2 и п. 4.2 «Анализ рабочего поведения». По нашим данным, вполне достоверная информация, прогнозирующая поведение и работоспособность личности в нормальных и даже стрессовых рабочих ситуациях, получается из модельного психофизиологического эксперимента.

При любых благих намерениях и целесообразных установках, связанных с трудовыми обязательствами, возможности будущего сотрудника достаточно однозначно лимитируются его врожденными психофизиологическими характеристиками. Достоверные прогностические данные о профессиональной производительности и функциональности рабочего поведения индивидуума могут быть получены из скоррелированных психофизиологических, нейропсихологических и психологических характеристик. Для этих целей нами разработано несколько полуэмпирических алгоритмов, обобщающих результаты аппаратных, проективно-деятельностных и опросно-психологических тестов.

В пределах каждого теста (табл. 2) осуществляется совокупная оценка показателей и выносятся предположения о вкладе каждого из них в формирование определенных симптомокомплексов. Заключение о синдромальной принадлежности выявленных признаков формируется либо на основе фактора их очевидной выраженности, либо при подтверждении данными других тестов. При этом для решения вопроса об учете конкретного признака предпочтение отдается наиболее валидным (с точки зрения данного качества) тестам без формального суммирования баллов, относящихся к определенному качеству.

Таблица 2

Часть психологического и психофизиологического паспорта оптанта

Анкетные данные	Выраженность факторов по тестам									
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ УСПЕШНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (психологически и психофизиологически детерминированные) I. ОРГАНИЗАТОРСКИЕ СПОСОБНОСТИ 1. Устойчивая мотивация достижения требуемого результата 2. Способность к принятию на себя ответственности 3. Гибкость стиля руководства 4. Критичность в оценке ситуации II. КОММУНИКАТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ 1. Коммуникативные способности, гибкость в общении 2. Высокая степень самоконтроля 3. Готовность выслушать мнение других III. МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ 1. Гибкость, нестандартность мышления 2. Генерализованность мышления 3. Системность мышления, умение четко формулировать цели и задачи 4. Способность к выделению существенной информации и взаимосвязей 5. Разумная рискованность, умение рассчитать и уменьшить риск 6. Способность принимать быстрые решения IV. ДРУГИЕ КАЧЕСТВА 1. Энергичность и инициативность 2. Сохранение эффективности работы в стрессовых условиях 3. Высокая работоспособность при длительной напряженной работе 4. Эмоциональная уравновешенность	Сила нервной системы	Подвижность нервных процессов	Уравновешенность нервных процессов	Индивидуальный профиль функциональных асимметрий	Мотивированность на заданную деятельность	Прогноз склонности к надситуативному риску	Метод цветковых выборов	Тест Роршаха	Тест межличностных отношений	ММРІ (или «Минимум»)»
Обобщенные показатели: + _____, - _____										

По каждому из используемых десяти тестов «А–К» из табл. 2 обследуемый может набрать 0; 0,5; 1; 1,5; 2 балла. Затем проводится алгоритмическое обобщение всех численных показателей, полученных в результате тестирования по тестам «А–К» для каждого из семнадцати профессионально значимых факторов. Итоговая оценка выявленных способностей с обобщающими характеристиками (организаторские, коммуникативные, мыслительные, другие профессионально значимые качества) может иметь три значения: способность выражена слабо или не диагностируется используемым набором тестов – оценка «0»; средневыраженные способности – оценка «1»; хорошо выраженные – «2».

В соответствии с предметной спецификой профессиональной деятельности нами применяются как различные модификации тестов, так и различные их сочетания. Например, тест Роршаха используется только для выявления весьма специфических черт типа морально-этических особенностей личности в коммуникативных стратегиях.

Основой для стратегического прогноза деловой и трудовой результативности является выявление типологии функциональной асимметрии мозга. Соотношение нейropsychологической сенсорной, перцептивной и моторной асимметрии индивидуума в целом однонаправленно предопределяет важнейшие проявления восприятия и переработки информации, сознания и осознания, мышления, памяти, интеллекта, речи, эмоций и деятельности. Связь социально и профессионально значимых особенностей личности с индивидуальным профилем функциональной асимметрии мозга (ИПФА) выявлена и прослежена на репрезентативных выборках с контролируемой профессиональной результативностью деятельности^{8,9,10,11}.

На комплекс поведенческих проявлений индивидуума, регламентируемый ИПФА, оказывают синергетическое влияние фундаментальные свойства нервной системы: сила, подвижность, уравновешенность нервных процессов. Эти макро- и микрохарактеристики свойств нервной системы достоверно выявляются компьютерными аппаратными деятельностными тестами А, Б, В (см. табл. 2).

Большое количество объективных характеристик индивидуума, полученных из психофизиологических и нейропсихологических тестов, нормируется данными из проективного теста цветовых выборов и комбинируется с психологическими профилями, полученными по MMPI. Образуется взаимодополняющая матрица данных, из которых полуэмпирическими методами формируются вероятностные профессиональные приоритеты, т.е. области профессиональной деятельности, в которых данный индивидуум будет обладать преимуществом в самореализации.

Информативность нового подхода состоит в интегративном включении психологических и психофизиологических тестов в единую диагностическую стратегию, которая позволяет прогнозировать такие факторы, как познавательная (когнитивная) активность, эмоциональная (нервно-психическая) устойчивость, уровни социальной адаптации, коммуникативные и организаторские возможности личности.

Общее количество оптантов, для которых были получены профессиографические портреты различной степени полноты и сопоставлены с субъективными и объективными оценками их социально-производственной или учебной результативности, составило более 500 человек. В дальнейшем планируются проведение аналитических исследований и разработка автоматизированных алгоритмов, обеспечивающих прогноз управленческого потенциала на основе ретроспективно-биографического и лонгитюдного анализов результативности узкоспециальных и номенклатурных менеджеров. Обобщающий инструментарий и методология после стандартизации обеспечат внедрение новой технологии в качестве полезного механизма государственной кадровой политики.

¹ См.: Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980.

² См.: Психолого-физиологические и медицинские основы профориентации и профотбора молодежи на рабочие профессии / Под ред. Н.В. Алишева. М., 1989.

³ См.: Функциональное состояние человека и методы его исследования. М., 1991.

⁴ См.: Трошихин В.А., Молдавская С.И., Кольченко Н.В. Функциональная подвижность нервных процессов и профессиональный отбор. Киев, 1978.

⁵ См.: Дружинин В. Н. Современная психология: Справ. рук-во. М., 1999.

⁶ См.: Чернышов В. Н., Двинин А. П. Человек и персонал в управлении. СПб., 1997.

⁷ См.: Дуракова И. Б. Управление персоналом: отбор и найм. Исследование зарубежного опыта. М., 1998.

⁸ См.: Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. М., 1988.

⁹ См.: Хомская Е. Д., Ефимова И. В. и др. Нейропсихология индивидуальных различий. М., 1997.

¹⁰ См.: Козулин А. В., Сагайдак Д. И., Фролов Г. И. Об эффективности психофизиологического портретирования в рекомендательной профориентации студентов-юристов // Высшая школа. 1998. № 1. С. 42–46.

¹¹ См.: Козулин А. В., Сагайдак Д. И., Годунов В. Н., Фролов Г. И., Новикова А. А., Богданович С. С. Информационные технологии в психофизиологическом прогнозе обучаемости и профессиональной эффективности // Высшая школа. 1998. № 3-4. С. 16–21.

Н.В. ЛЯХОВИЧ-ПЕТРАКОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ ЯВЛЕНИЕ

Политическая элита является одним из наиболее важных элементов политической системы. Роль правящих групп привлекала внимание людей практически с момента возникновения политики как самостоятельной сферы человеческой деятельности. Такие авторитетные мыслители, как Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Дж.Ст. Милль, В. Парето, Р. Даль, Г. Моска, Й. Шумпетер и другие, констатировали факт наличия в обществе правящего меньшинства. Однако со времен Аристотеля место, роль и функции элиты в политической системе претерпели значительную эволюцию.

Социум является изменяющейся реальностью, динамику которой можно наблюдать на локальном и глобальном уровнях, рассматривать как прогрессивные, цикличные либо индифферентные изменения, но ее невозможно отрицать. Взаимоотношения социума с окружающим миром меняются, и в связи с этим сама структура общества претерпевает изменения. Исходя из гегелевской логики, познавая окружающий мир, человек получает все больший контроль над ним, а следовательно, и над собой, становится все более свободным. Однако, проанализировав процесс развития с точки зрения социального опыта постиндустриального общества, можно заметить, что расширение свободы ставит перед социумом и перед наукой новые, более сложные проблемы. Дуализм развития влияет на изменение роли и места правящего меньшинства. Возникшая в конце XIX–начале XX вв., классическая теория элит в конце XX в. не может адекватно отражать усложнившуюся структуру общественных отношений и тем более претендовать на реализацию прогностической функции при анализе социума. Рассмотрим эволюцию элиты и сопровождавшую ее эволюцию теорий элит, определим, какие характерные черты может приобрести современная элитология.

Понятие «политическая элита» как единица научного анализа начало формироваться на рубеже XIX–XX вв. Рост значимости политической сферы, увеличение возможностей влияния на социальные процессы влечет возрастание научного интереса к проблемам политики. «Освобождение» общества во взаимоотношениях с властью позволяет избрать и оценить ее. К концу XIX в. идеи и принципы демократии, естественных прав человека были достаточно подробно сформулированы политическими мыслителями эпохи Просвещения, задававшими идейную обстановку XVIII в., идеологами буржуазных революций, в реализации их программных установок прошел весь XIX в. К началу XX в. тезис о равенстве политических возможностей стал не только теоретическим положением, но и доминантой практики. Однако менее динамичная область – сфера политических институтов и общественного сознания – оказалась не готова к переменам. Диссонанс между демократическими ожиданиями общества, существующими только в сфе-

ре идеологии, с одной стороны, и реальностью, обусловленной структурой и возможностями политических систем того времени, – с другой, отразился на формировании классической теории элит. В ситуации распространения в социальной науке того времени антропологического, психологического, релятивистского подходов к рассмотрению реальности естественным объяснением наличия социального и политического неравенства стал меритократический аксиологический подход, сформулированный классиками элитизма. В. Парето дает классическое определение элиты как «группы, класса людей, имеющих высший показатель в своей области», от лат. *eligere* – «лучший, отборный». Обществом правят избранные. На данном этапе соотношение «правлящая» – «неправлящая» элита динамично и находится в основе теории круговорота элит. Правящее меньшинство – это всегда меньшинство. Отношение «элита–массы» является статичным. «Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства»¹. В соответствии с классической теорией элит доминирование правящего класса в процессе принятия политических решений – суть функционирования социума. В заданной парадигме задача исследователя – выявить инвариантные в определенной эпохе, социокультурные, личностные, психологические основания существования правящего класса.

Такой подход формулирует понятие элиты, но ограничивает методологические рамки ее изучения, давая основу для развития теории в большей степени в идеологической сфере, нежели в областях социологии и политики. Концепции Х. Ортеги-и-Гассета и Ж. Сореля представляют собой иллюстрацию идеологического компонента теории элит².

В 30–40 гг. XX в. меняется система социальных взаимоотношений и вносятся коррективы в теорию элит. Социальная дифференциация общества становится все более политически значимой, повышается социальный статус граждан, растет уровень образования в обществе. Демократические принципы переходят из идеологической сферы в реальную политическую, привнося как позитивный опыт (формирование в Европе и Америке правительств демократическими методами), так и негативный (избрание демократическими методами фашистских правительств). Формулируются теории демократии. Указанные факторы повлияли на корректировку теории, которая была осуществлена в 30–40-е гг. Й. Шумпетером и К. Маннгеймом³. В массовом индустриальном обществе приобретает значение динамичность взаимоотношения социума и элиты как его части. «Демократический метод – это институциональное окружение для принятия политических решений, в котором отдельные люди получают власть решать посредством конкурентной борьбы за голоса избирателей»⁴. Правительство имеет право принимать решения, но его власть ограничена институциональными рамками и существованием контрэлиты как неотъемлемого элемента политической системы. К. Маннгейм отмечает: «Элиты не обращаются непосредственно к широким массам. Между элитой и широкими массами находятся социальные институты, функция которых опосредовать отношения между элитой и массами». По мере развития общества эти отношения становятся все более тесными и динамичными, растет значение «флюидных масс»⁵. Правящая группа перестает быть *абсолютным руководящим* меньшинством и становится *временно руководящим* меньшинством.

Авторство во внесении в политическую науку нового содержания понятия элиты принадлежит Г. Лассуэлу. «Термин элита, – констатирует Г. Лассуэл, – используется в дескриптивной политической науке, чтобы выделить социальное образование, из которого рекрутируются лидеры». Политическая элита – «это обладающие властью», «высший властвующий класс», принадлежность к которому – не есть результат наличия исключительных качеств. В демократическом обществе проблема участия во власти – вопрос умения, искусства (*skill*) и мотивации⁷, при решении которого управляющее меньшинство лишь занимает наиболее выгодное положение

в отношениях влияния и получения благ. Любое правительство, как известно, может быть сменено. «Для демократии – правящий класс – это все общество»⁸. Критерий элитности перестал быть меритократическим, став постоянно меняющимся альтиметрическим, что соответствует динамичным социальным отношениям в индустриальном обществе значительно больше. Исчезла статичная дихотомия «элита–массы», на смену ей пришла динамичная дихотомия «элита–контрэлита».

В условиях развития исследовательского аппарата социологической науки эта дихотомия стала более продуктивно эвристичной, нежели дихотомия «элита–массы». Социологически подкрепленные исследования Р. Миллса, Р. Даля не имели бы смысла при постановке вопроса о существовании элиты, но приобретают таковой в контексте вопроса о существовании контрэлиты. Р. Даль в работе «Кто правит?»⁹, анализируя социальную структуру и структуру принятия политических решений в г. Нью-Хэвене, приходит к выводу об отсутствии иерархичной пирамидальной структуры власти. В демократическом обществе власть распределяется среди равнозначимых групп и индивидов, лидерство в такой ситуации является дискретным. Можно говорить о наличии в обществе «контролирующей группы», оказывающей первостепенное влияние на политические процессы. В современной демократии такую контролирующую группу составляет большинство, «даже если персонально члены большинства будут меняться». При таком подходе границы правящей группы становятся динамичными, сужаясь или расширяясь в зависимости от конкретной политической системы. Таким образом, правящее меньшинство может рассматриваться как развивающаяся функция развивающегося общества и зависящая от его функций и потребностей. Элитность становится предельно относительной категорией. Трансформируя общество, мы изменяем элиту. В плюралистическом обществе участие во власти предельно расширяется, в моноцентричном – сужается. Понятие элиты становится лишь временной характеристикой структуры при постоянных функциях.

Социологические исследования сформулировали еще один аспект существования элиты: ее дифференцированный характер. До 60-х гг. исследователи употребляли термин «элита» в отношении к монолитному правящему классу. Р. Миллс проводит размежевание экономического, политического, военного, административного правящего меньшинства¹⁰. На основании работы Р. Даля можно говорить о существовании иерархии политической элиты – от местных до национального уровней. Дальнейшие исследования позволяют выявить существенные различия их функционирования.

Однако с развитием общества расширяются возможности в бытовом, социальном, информационном планах. Сложившееся к середине XX в. массовое общество в 70-е гг. XX в., по выражению О. Тоффлера, демассифицируется, что выводит всю социальную систему на уровень высокого разнообразия и сложности. Артикулированных интересов становится так много, что политическая элита теряет способность воспринимать и отражать их в модели, сформулированной теорией демократического элитизма. О. Тоффлер отмечает: «Сегодня элиты не могут предсказать последствий своих собственных действий, новая цивилизация требует новых, более простых, эффективных и демократичных правительств»¹¹.

Во все более дифференцированном по различным критериям обществе становится все сложнее выделить проблемы, привлекающие решающее число избирателей, еще сложнее сформулировать схему их решения. Политологи Западной Европы отмечают тенденцию роста эклектичности в идеологиях политических партий, отражающую увеличение разнообразия интересов, представленных в обществе. С одной стороны, становится недостаточно традиционного раздела на правых и левых. Как в правых, так и в левых партиях наблюдается раскол по проблемам отношения к единой Европе, экологии, взаимоотношений центра и локальных органов, эмиграционной политики и т. д. С другой стороны, исполнительно-распорядитель-

ная власть в усложнившемся обществе нуждается в целенаправленности и компетентности действий. Такую ситуацию можно определить как «взрыв решений». Политическая система требует качественно новой элиты, способной ускоренно реагировать на ее импульсы. На макроуровне проявляется тенденция углубляющейся дифференциации элит представительной и исполнительной властей. Принципы их рекрутирования отличались изначально. Но на сегодняшний день можно отметить углубление разрыва в качественных характеристиках этих элит: на местах растет значение коллегиальных, консенсусных форм организации, на центральном уровне, напротив, происходит сдвиг к увеличению влияния исполнительно-распорядительных органов. На макроуровне меняется качественный состав элиты: снижается средний возраст функционеров, повышается уровень образования, все более значительную роль начинает играть качество образования.

Развитие теории элит является не только отражением развития знания в обществе, но и результатом трансформации функций и структуры правящих групп как института политической системы. Процессы их формирования и функционирования в тоталитарных системах иллюстрируют трансформацию роли и функций политической элиты как элемента социума.

Первая тоталитарная политическая система – советская система – возникла в 20-х гг. XX в. Одним из наиболее важных факторов, обусловивших ее структуру и функциональные особенности, стала проблема необходимости ускоренной модернизации в форме индустриализации. Преимущественно аграрное, слабо социально дифференцированное, без сложившихся устойчивых механизмов артикуляции и агрегирования интересов общество, столкнувшись с проблемой формирования и модернизации политической, экономической и других систем, смогло решить их лишь мобилизационным, директивным путем, посредством формирования централизованной иерархии власти и управления. К 40-м гг. XX в. в результате волн политических чисток формируется система элиты, соответствующая мобилизационным задачам общества. Для советского правящего меньшинства на этом этапе характерны следующие особенности: жесткая система иерархического соподчинения, централизованный характер, отсутствие функциональной дифференциации в выполнении задач, прямая зависимость субэлит от центральной элиты. Рекрутирование и ротация осуществляются произвольно по внутренним политически обусловленным принципам. Политически значимые социальные группы отсутствуют и поэтому не влияют на процессы замещения должностей. Взаимоотношения между элитой и социумом строились скорее в плоскости идеологии, чем в сфере реальных отношений. Формирующийся культ личности Сталина обуславливал деление «элита – незлита» в парадигме дихотомии, сформулированной Х. Ортегой-и-Гассетом: «Личности особого специального достоинства»¹², с одной стороны, и «масса» – с другой. М. Джавлатов отмечает: «Кадровая политика в советском государстве рассматривалась в основном как средство реализации политических и социально-экономических задач»¹³. Возникшая еще в 1922 г. система номенклатуры должностей, предполагающая учет руководящих должностей и подбор лиц для замещения, с переходом контроля над ней к Л. Кагановичу стала средством, обеспечивающим закрытость руководящих кадров в функциональном плане. Хотя возможности персональной ротации, обеспечиваемые волнами партийных чисток, сохранились. В партийной элите возникли фракции из состава функционеров равнозначных высших уровней аппарата. В социуме эти группы не имели основ в виде групп, агрегирующих общественные интересы, поэтому их нельзя определять как контрэлиту. Таким образом, к 40-м гг. складывается специфическая организационная структура правящих групп, характерная для обществ периода ранней индустриализации и соответствующая положениям классической теории элиты, состоящая, по определению В. Парето, из людей, которые в «незаурядной» степени обладают качествами – неважно, хорошими или плохими, – обеспечивающими власть. Монолитность, закрытость, иерархизированность характерны для тоталитарного политического меньшинства.

После Второй мировой войны, в конце 40-х – начале 50-х гг., Европа переживает вторую волну формирования тоталитарных государств. В странах Восточной Европы при поддержке Советского Союза формируются политические системы мобилизационного типа. Однако процессы тоталитарных преобразований носят иной характер, чем в Советском Союзе в 20-е гг. Страны Восточной Европы также стоят перед проблемой модернизации. К концу 30-х гг. только Чехословакию можно было определить как индустриальную страну, имеющую демократический опыт. Румыния, Болгария, Югославия были аграрными странами с крайне низким уровнем образования населения и отсутствием демократических традиций. Аграрно-индустриальные Польша и Венгрия занимали промежуточное положение¹⁴.

Потери, понесенные в период Второй мировой войны, поставили перед всеми этими странами проблему ускоренной индустриализации и реиндустриализации. Оказавшись вне политического влияния США, и соответственно в сфере политического влияния СССР, с конца 40-х гг. восточноевропейские страны принимают советскую политическую систему как «матрицу экспортного тиражирования»¹⁵. Однако эта универсальная матрица в процессе применения в конкретных странах сталкивается с различными условиями в виде сформировавшейся к середине XX в. социальной структуры и политических традиций. К началу 50-х гг. эти различия наиболее рельефно отразились в типах взаимодействия элиты и социума. Так, начавшиеся еще в 1945 г. попытки восточноевропейских коммунистических партий ассимилировать левые партии и нейтрализовать правые проходили неравномерно. В слабо социально структурированных аграрных Югославии и Румынии моноцентричная система сформировалась быстро в течение года. В сравнительно индустриализированной Чехословакии, обладающей традициями политического участия, процесс ассимиляции завершился лишь к концу 40-х гг. после событий февраля 1948 г. Если в Югославии и Румынии чистки осуществлялись компартией централизованно, то в Чехословакии и Венгрии проводились присоединяющимися партиями самостоятельно. Процесс ассимиляции в данном случае имеет двухуровневый характер. Так, Я. Дреновский отмечает, что в Польше объединение партий на центральном уровне сопровождалось сохранением относительной дифференциации на местах. Поэтому сложившаяся к середине 50-х гг. в Польше, Чехословакии и Венгрии политическая элита, несмотря на проведенные партийные чистки, не была структурно идентична советской и не полностью вписывалась в модель классической теории элит. Наличие формальной иерархии, централизации, политических критериев рекрутирования и ротации совмещалось с ситуацией борьбы фракций, состоявших из представителей разных уровней политической иерархии, а не одного, как это было в Советском Союзе. Я. Дреновский, анализируя события кризиса в октябре 1956 г. в Польше, находит их основание в борьбе «пулавской», объединявшей верхи ПОРП, и «натолинской» групп, состоявших из представителей низших уровней партийного аппарата. Фракционные внутрипартийные конфликты создали резонанс в обществе, кульминацией которого было Познанское восстание. Однако уже в 1968 г. набирающая силу фракция партизан инициировала противодействие официальной политике, выражавшейся в жесткой цензуре, которое проходило под лозунгами «нет хлеба без свободы», «пресса лжет», что сопровождалось студенческими выступлениями¹⁶. Несмотря на волну партийных чисток, последовавшую за этим, в обществе начала формироваться относительно открытая социальная оппозиция. Кульминацией ее развития стало создание «Комитета защиты трудящихся», который трансформировался в независимые профсоюзы.

Таким образом, можно говорить не только о фракционной борьбе, но и о структурировании контрэлиты. Однако контрэлита формируется не снизу вверх через артикуляцию интересов, но возникает параллельно в рамках элиты и на уровне еще не в достаточной степени, но уже дифференцированного общества. События 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии так-

же доказывают невозможность существования в индустриальном обществе с растущей степенью социальной стратификации автономно действующей политической элиты. Так, в Венгрии в начале 60-х гг. в результате фракционных конфликтов в сочетании с акциями протеста в обществе создается система так называемой «второй экономики», которая расширяет возможности для создания механизмов артикуляции и агрегирования социальных интересов, а следовательно, для возникновения контрэлиты из недр социума. В Чехословакии, где прочно установились традиции политического участия, основы для формирования контрэлиты появились в среде интеллектуалов и к концу 70-х гг. выразились в положениях «Хартии 77». В странах с менее высоким уровнем развития – Румынии, Болгарии, Югославии – процессы дифференциации общества проходили менее выражено. Механизмы артикулирования социальных интересов фактически были организованы сверху. Институты производственных комитетов в Болгарии, комитетов правления в Румынии можно рассматривать как способ искусственной организации участия. Сложившаяся к 1963 г. структура югославской Скупщины, основанная на принципе общинной делегации, наиболее ярко отражала процесс формализации социального представительства.

Таким образом, можно заключить, что при оформлении развитого индустриального общества рост дифференцированности социальной структуры, социальных интересов на всех уровнях делает невозможными процессы формирования и функционирования правящих кругов согласно классической теории элит. Более лабильный социум параллельно внутриэлитным процессам формирует альтернативную официальной структуре выявления и конкуренции социальных интересов и соответственно потенциальную контрэлиту. Сама структура становится все более дифференцированной. Так, в основе распространенной в конце 80-х – начале 90-х гг. теории номенклатурной трансформации лежат социологически доказанные положения о формировании групп интересов в рамках ранее монолитной номенклатурной элиты. При этом приведенные сравнения показывают, что чем выше уровень комплексного индустриального развития общества, тем сложнее сохранить жесткую формальную структуру представительства, соответствующую классической теории элит. Даже в тоталитарных политических системах наблюдается рост социального плюрализма на всех уровнях.

Волна демократических преобразований в Восточной Европе в середине 80-х гг. показала, что политические системы, где с середины 50-х гг. начали формироваться альтернативные структуры артикуляции интересов, оказались более лабильными и осуществили демократические преобразования быстрее, чем те системы, где эти структуры были сформированы формальной организацией сверху. При этом центральной, движущей силой преобразований стали именно те элементы социальной и политической структур, где ранее были созданы альтернативные механизмы. Так, в Венгрии движущей силой реформ стала политическая элита, поддержанная обществом, развитой «второй экономикой». Чехословацкая модель «бархатной революции» при внутренней ригидности элиты базировалась на инициативах динамичного общества. Польский путь переговоров и социального пакта предполагал активность как со стороны правящих групп, так и социума в целом. Преобразования в Румынии и Югославии, инициированные элитой, не имевшей альтернативных соперников, напротив, затянулись.

Процессы трансформации посттоталитарных политических систем проходят на фоне общецивилизационных трансформаций, связанных с формированием во всем мире политических систем, характерных для постиндустриального информационного общества. Поэтому перед посттоталитарными странами встает задача удвоенной сложности: в своем переходе от тоталитаризма дать сформироваться в социуме социальным и политическим структурам, характерным для эпохи постмодерна. В. Хорос отметил: «Постмодернизм отвергает «метанарративы», потому что они унифицируют, подавляют, упорядочивают и ограничивают. Он готов поддержать лю-

бые движения, которые протестуют против ущемления прав тех или иных категорий населения. Всяческий плюрализм, горизонтальные связи между индивидами в противовес вертикальным – таковы социальные лозунги постмодернизма».

Целенаправленный процесс перехода от тоталитаризма, осуществляемый в конце XX в., с его возможностями проведения анализа развития социальных технологий позволяет осознанно направить социум в рамки, задаваемые постиндустриальной эпохой. При этом институты политической элиты должны стать первыми, кто осуществит переориентацию функций, предоставляя место для влияния на процесс принятия политических решений плюралистичным гражданским инициативам, привлекая максимально возможное количество экспертных оценок, формируя политику не только на основе меняющихся социальных интересов, но и на основе растущих социальных знаний.

¹ См.: Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10–12. С. 189.

² См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3, 4.

³ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. Harper Torchbooks. 1992.

Маннгейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М., 1994.

⁴ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. Harper Torchbooks. 1992. Р. 269.

⁵ Маннгейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М., 1994. Р. 321.

⁶ Сартори Д. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2. С. 82.

⁷ См.: Lasswell G. Power and Personality. New York, 1962. Р. 109.

⁸ См.: Ibid. Р. 37.

⁹ См.: Dahl R. Who governs? London, 1989.

¹⁰ См.: Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

¹¹ Тоффлер А. Третья волна. М., 1999. С. 62.

¹² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3, 4.

¹³ Джавлатов О.Т., Михеев Р.А. Номенклатура, эволюция отбора. М., 1993. С. 15.

¹⁴ См.: Кестнер Х. Некоторые черты индустриализации СССР и восточноевропейских стран: сравнительно-исторический аспект // Классы и слои: исторические судьбы в СССР и Восточной Европе. М., 1990.

¹⁵ См.: Волокитина Т.В. Государство в политических системах СССР и стран Восточной Европы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы в 20-е – 60-е годы. М., 1991. С. 26.

¹⁶ См.: Дреновский Я. Власть и оппозиция. Попытка интерпретации политической истории послевоенной Польши // Фрагменты. 1998. № 1. С. 154–157.

¹⁷ Хорос В.С. Постиндустриальный мир: Надежды и опасения // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 11.

М.Э. ЧАСНОЎСКИ

ЭТАПЫ СІСТЭМНЫХ ПЕРАЎТВАРЭННЯУ У РЭСПУБЛІЦЫ ПОЛЬШЧА (1989–1999 гг.)

У Польскай Народнай Рэспубліцы і іншых краінах сацыялістычнага блоку, развіццё якіх пасля Другой сусветнай вайны ажыццяўлялася ва неуласцівым для іх напрамку, праз паўвеку неабходнасць змен аказалася магутнай сілай – большай за страх перад іх непрадказальнымі вынікамі. З пачатку 90-х гг. на агромністым абшары Цэнтральнай і Усходняй Еўропы разгарнуўся ачышчальны працэс гіганцкага палітычнага і сацыяльна-эканамічнага пераўтварэння, не меўшых прэцэдэнта ў навейшай гісторыі. Яму спадарожнічалі крушэнне міжнародных палітычнай і эканамічнай структур, якія утваралі краіны блоку, і распад камандна-адміністрацыйнай сістэмы улады і гаспадарання. Кожная з названых прычын асобна магла выклікаць глыбокі крызіс. Іх злучэнне азначала, што заняпаду сацыялізму спадарожнічае сапраўдная сацыяльная і эканамічная катастрофы на усёй яго былой прасторы.

Лёс і поспех постсацыялістычнай трансфармацыі залежалі ад таго, якія палітыкі і якая палітычная сіла знаходзіліся на пазіцыях дзяржаўнай улады. Ва умовах народжанай дэмакратыі адказнасць за рэформы стала вызначацца выбаршчыкамі. Калі на азначаных пазіцыях аказваліся людзі, якія

жадалі і былі ў стане выкарыстаць уладу дзеля дэпалітызацыі эканомікі і рэформы дзяржавы, то краіна атрымлівала шанс на поспех. Калі ж палітычная улада трапляла ў рукі асоб, няздольных або непрыхільных да рэалізацыі вызначаных мэт і бачышых у ёй толькі сродак далейшай палітызацыі эканомікі, то краіна аказвалася ў небяспецы.

У гэтых умовах Польшча зведала разнастайныя спосабы пераўтварэння. Краіна не пазбегла палітычных, сацыяльных і эканамічных узрушэнняў. Гістарычны вопыт падказвае, што рынковыя рэформы амаль заўсёды выклікаюць крызіс, які працягваецца ад трох да пяці гадоў. Адзіным занатаваным выключэннем з гэтага правіла сталі эканамічныя рэформы у КНР, што праводзіліся больш паступова і прагматычна, але яны не былі звязаны са зменай грамадскага ладу. Польшча стала прыкладам гістарычнай мадэлі паслярэформеннага крызісу. У 1989–1992 гг. нацыянальны даход і жыццёвы узровень значна панізіліся. У 1993 г. спад затармазіўся і пачаўся перыяд адразу павольнага, а пазней даволі хуткага эканамічнага росту. Гаспадарчая кандыцыя краіны істотна паправілася, знізіўся «паказчык рызыка». Факт нармалізацыі заўважылі інвестары, і пасля першых крокаў наплыву замежных інвестыцый дасягнуў здавальняючага узроўню – каля 4 млрд дол. штогод. Нягледзячы на пераходны перыяд, укараняліся і спраўляліся з патрэбамі дня капіталістычныя грамадскія і эканамічныя адносіны. Валавы ўнутраны прадукт 1998 г. склаў 123 % ад 1989 г., або ад пачатку пераўтварэння; гэта прыкметна лепшы паказчык, чым у любой іншай постсацыялістычнай краіне.

Прагрэс і нармалізацыя не былі пастаяннымі спадарожнікамі трансфармацыі. Дэфіцыт гандлёвага балансу пакрываўся толькі часткова дзякуючы наплыву доўгатэрміновых інвестыцый. Фізічная і сацыяльная структуры (адукацыя, навука, дэмаграфія, сацыяльная дапамога, ахова здароўя) перажылі і нават да канца 90-х гг. не пераадолелі крызіс; нездавальняюча развіваліся аграрная і прамысловая сферы: працоўныя вельмі многіх галін гаспадаркі атрымлівалі нізкую зарплату. Нарастала няроўнасць даходаў і захоўвалася галечка. Побач з рэгіёнамі хуткага росту дабрабыту і зніжэння беспрацоўя існавалі закансерваваныя абшары беспрацоўя і беднасці. Няўвага да сацыяльных праблем пагражала эканамічнымі і сацыяльнымі крызісамі. Польшча запаволена дасягала дабрабыту, а непатрэбныя узрушэнні або памылкі ў эканамічнай і сацыяльнай палітыцы толькі аддалялі згаданы працэс.

Распаўсюджаным міфам з'явілася вера ў няздольную да рэфармавання дэмаралізаваную супольнасць, абцяжараную перажыткамі сацыялізму. Відавочны прагрэс грамадства абверг такое сцвярджэнне. Польшкі работнік адаптаваўся да рынку, аказаўся гэтак жа працавітым, як у іншых краінах, а польскі менеджэр (у тым ліку бізнесмены з наменклатурным радаводам ПНР) стаў вытрымліваць канкурэнцыю з адміністрацыйнымі кадрамі Захаду. Разам з тым справа павышэння узроўню адукаванасці грамадства і кваліфікацыі кадраў заставалася надзённай нацыянальнай задачай па-над партыйнымі і палітычнымі падзеламі.

На працягу пераўтварэння краіна двойчы перажыла усеагульныя прэзідэнцкія і тройчы – парламенцкія выбары. Кожны раз адбывалася радыкальная змена уладарных палітычных укладаў, але пры гэтым захоўвалася пераемнасць грамадскай і эканамічнай трансфармацыі. Эвалюцыя грамадства за гэты час прайшла некалькі этапаў: энтузіязму і эйфарыі ў самым пачатку пераўтварэння; расчаравання ў час шырокага разгортвання рэформ; урэшце, этап скептыцызму і індывідуалізму, знітаных з прагматыз-

* Менавіта тады узнікае спакса ісці шляхам кансервацыі сацыялістычных руін ці напяркам, што ў другой палове 80-х гг. збанкрутаваў у Лацінскай Амерыцы: раздуты і нягнуткі дзяржаўны сектар і мноства форм дзяржаўнага рэгулявання. Эфектам усяго становяцца нязначнае развіццё і высокая карупцыя. На практыцы можа выступаць – і мае месца – спалучэнне гэтых абедзвюх антырэформатарскіх і антырынковых форм. Так стала ў большасці краін былога сацыялістычнага лагера.

мам і паглыбленнем у штодзённыя праблемы, на завяршальнай фазе рэфармавання. Прагматызм і мысленне аб уласных інтарэсах (або інтарэсах уласнай групы) – менш прывабныя, чым ідэалізм і калектывізм, але новыя рысы грамадства цяжка западозрыць у ненармальнасці. Пасля мноства узрушэнняў людзі часта успрымалі перамены як пагрозу і не выказвалі павягі да рэалізатараў перамен. Страта даверу да кіруючых эліт з кожным годам усё больш распаўсюджвалася. Зніжаўся працэнт выбаршчыкаў. Інтэлектуальная частка насельніцтва была заклапочана узроўнем палітыкаў, у сувязі з чым павялічыўся недавер да змен. На шчасце, змучанасць палітыкай не вяла да выбарчай апатыі, уласцівай Захаду, але моцна уплывала на паводзіны выбаршчыкаў.

Тварцы польскай знешняй палітыкі эпохі трансфармацыі ужывалі два раўнапраўныя канцэптуальныя падыходы. *Першы*, традыцыйны, патрабаваў максімальнай магчымасці службы іманентным мэтам дзяржавы па ўзмацненню яе ролі і значэння ў свеце. *Другі* вызначаў, якім чынам знешняя палітыка здольна службыць унутраным інтарэсам, быць працягам ці інструментам унутранай палітыкі. Абодва падыходы не лічыліся спрэчнымі, але былі абумоўлены менавіта пераключэннем геапалітычных інтарэсаў на Запад. У ходзе пераўтварэнняў па асноўных напрамках міжнароднай дзейнасці краіны існаваў кансэнсус сярод унутрыпалітычных сіл. Сэнс, які бачылі палякі ў еўрапейскай і еўраатлантычнай інтэграцыі, тлумачыўся адсутнасцю сур'ёзнай альтэрнатывы палітыцы хуткай інтэграцыі з Захадам у вызначальных абласцях – эканамічнай і палітычнай, у галінах бяспекі і ваенна-палітычных саюзаў. У дзвюх апошніх сферах у выніку членства ў НАТО працэс збліжэння значна прыспешыўся, а эканоміка-палітычная інтэграцыя праходзіла надзвычай запаволена з-за цяжкасцей дапасавання гаспадарання і права да заходніх стандартаў. Але Варшава лічыла, што рынцып разнахуткаснай інтэграцыі – гэта прымальны вынік.

Польшча змагла адшукаць для сваіх пераўтварэнняў уплывовых саюзнікаў. Верагодна, найбольш ёй паспрыялі амерыканскія палітыкі. Прыхільнікам яе хуткага прыёму ў еўраатлантычныя структуры быў канцлер ФРГ Г. Коль. «Еўропа мае патрэбу ў Польшчы так, як Польшча – у Еўропе»², – заявіў ён у 1995 г. Абапал з прыярытэтнымі заходнімі інтарэсамі з другой паловы 90-х гг. сталі больш выразна дэкларавацца і рэгіянальныя.

Прагнозы польскіх вучоных і праграмы партый вызначалі, што суайчыннікам патрэбна стабільная ўлада са спраўным дзяржаўным апаратам. На практыцы гэтага не адбылося. Пасля падзення сацыялізму двойчы адбываліся датэрміновыя парламенцкія выбары, ні адзін урад не пратрымаўся поўны тэрмін, акрэслены парламенцкім скліканнем, а над чарговымі кааліцыямі вісела пагроза распаду. Дзякуючы уведзенай на пачатку пераўтварэнняў «шокавай тэрапіі» змянілася сутнасць эканамічнай сістэмы ў дзяржаве. Аднак ні адзін з наступных урадаў не меў дастатковай грамадскай падтрымкі, каб прасунуць наперад чарговыя рэформы. Таму ставіўся акцэнт на выдзеленыя напрамкі (ці іх фрагменты).

Вяртанне да рынкавай эканомікі і ролі дзяржавы, набліжанай да гаспадарча развітых краін, было галоўнай мэтай першага некамуністычнага прэм'ера Тадэвуша Мазавецкага (жнівень 1989 – снежань 1990 гг.). «План Бальцэровіча», разгортванне самастойнай знешняй палітыкі, гмінная рэформа, а таксама стрыманае абяцанне не варушыць парушэнні адыходзячай камуністычнай наменклатуры дзеля суладнага выхаду краіны з крызіснага стану – вось галоўныя дасягненні кабінета Т. Мазавецкага. Яго пераемнік Ян Кшыштаф Бялецкі (студзень–снежань 1991 г.) лічыў галоўным працяг прыватызацыі, змяншэнне польскага знешняга доугу, урэгуляванне адносін з Расіяй і вывад савецкіх войск. Да паражэння прывёў грамадскі ціск на урад, на які палі выдаткі рэформ, у выніку чаго яго партыя вымушана была зысці з палітычнай арэны. Новы прэм'ер Ян Альшэўскі (снежань 1991 – чэрвень 1992 гг.) увайшоў у гісторыю як кіраўнік урада дэкамунізацыі і люстрацыі, а таксама эканамічнага занябання. Ён адхінуў прыватызацыю

Я.К. Бялецкага і гаспадарчую палітыку Л. Бальцэровіча, шукаючы «трэцяй дарогі» для эканомікі. Найбольшым поспехам Я. Альшэускага быў пачатак перагавораў аб уваходзе Польшчы ў НАТО. Кабінет прэм'ера Ганны Сухоцкай (ліпень 1992 – кастрычнік 1993 гг.) прыспешыў прыватызацыю, зрушыў эксперыментальную праграму для некалькіх дзесяткаў гарадоў, спрабаваў не саступаць націску забастоўшчыкаў. Самым небяспечным ворагам урада Г. Сухоцкай аказалася стварыўшая яго правацэнтрысцкая кааліцыя. Менавіта яе галасы ў Сейме прадвызначылі яго адстаўку.

Вальдэмар Пауляк (кастрычнік 1993 – сакавік 1995 гг.) стаў першым прэм'ерам кааліцыі партый з сацыялістычным радаводам, якія вярнулі ўладу ў выніку сакрушальнага паражэння лагера «Салідарнасці» на парламенцкіх выбарах у верасні 1993 г. Урад не адмовіўся ад рынкавых пераўтварэнняў, але яго старшыня змагаўся супраць дэцэнтралізацыі кіравання дзяржавай, спыніў эксперыментальную праграму. Пospехам яго кабінета стала рэструктурызацыя доўгу замежным банкам, спад беспрацоўя, рост ВУП. В. Пауляк стаў слынным ад таго, што гаварыў мала, ужываючы арыгінальныя сялянскія прыслоўі тыпу: «Курыца найперш яйка знясе, пасля кудэхча. Апазіцыя толькі кудэхча». Першым пасля 1989 г. прэм'ерам з лагера посткамуністаў стаў Юзэф Алекс (сакавік 1995–люты 1996 гг.) – партыйны ліберал, інтэлігент, здольны эканаміст. За яго аднагодовы перыяд праўлення разам з высокімі гаспадарчымі паказчыкамі рос сацыяльны аптымізм. Ю. Алекс меў усе шансы на поспех. Яго палітычная кар'ера аказалася падцятай нечакана. Абвінавачанне прэм'ера ў кантактах з замежнай разведкай стралянула ўсё грамадства. Не разблытаная па сённяшні дзень справа нашкодзіла яго рэпутацыю ў вачах грамадскасці і партыйных папличнікаў. Моцным лідэрам аслабленай кааліцыі партый сацыял-дэмакратаў і сялянскай стаў Уладзімеж Цімашэвіч (люты 1996 – кастрычнік 1997 гг.). Праз паўтара года яго ўрад трымаў свой аўтарытэт на падставе растурых гаспадарчых паказчыкаў, паніжэння беспрацоўя і росту поспехаў у знешняй палітыцы. Толькі «паводка стагоддзя» (лет 1998 г.) перарвала паспяховае плаванне. «Трэба быць прадбачлівым і страхаватца», – выказаў ён пацярпеўшым прынцып, і гэтым страціў папулярнасць як сваю, так і усёй левацэнтрысцкай кааліцыі.

«Мы прышлі ва ўладу, каб аддаць яе людзям», – так вызначыў курс прэм'ер Ежы Бузэк (з кастрычніка 1997 г.), кіраўнік правацэнтрысцкай кааліцыі, адсунуўшай ад улады левых апанентаў на вераснёўскіх парламенцкіх выбарах 1997 г. Урад крыху выраўняў занябанні папярэдняй кааліцыі, зрушыўшы чатыры вялікія рэформы завяршальнага этапу перабудовы. Зусім не выконвалася абяцанне аб «урадзе згуртаваным, дзейным і эфектыўным», але нягледзячы на гэта, кабінет прэтэндаваў на ўладу на працягу доўгага часу.

У перыяд пераўтварэння папулярнае ў Польшчы патрабаванне стварэння моцнай дзяржавы не давала плёну. Выбарчая сістэма не гарантавала ўмацавання палітычных структур. На чале вышэйшай заканадаўчай і выканаўчай улады папераменна аказваліся прадстаўнікі процілеглых палітычных арыентацый. Лёс далейшых рэформ ставіўся пад пагрозу. Паняцце моцная дзяржава падразумявае альбо дыктатуру, альбо дэмакратыю, у якой захоўваюцца шансы на стабільнасць урада. На практыцы некалькі дзесяткаў партый настолькі дэзінтэравалі палітычную прастору, што ні адна з іх не была ў стане індывідуальна атрымаць грамадскую падтрымку сваёй праграмы. Неўласцівая ж для левых партый падтрымка ліберальных рынкавых рэформ пераблытала электаральныя сімпатыі. У грамадскай дыскусіі трывала замацавалася меркаванне аб тым, што польскай нацыянальнай спецыфікай з'яўляецца недахоп развагі і хваравітая скандальнасць, а фармальны вынік – колькасць палітычных партый, дасягаючая некалькіх соцень.

Спасціжэнне складанага перапляцення працэсаў і падзей постсацыялістычных пераўтварэнняў у Польшчы патрабуе іх усебаковага аналізу, аба-

гульнення і сістэматызацыі. Забяспечыць падобны навуковы падыход дапамагае перыядызацыя. **Першы этап** польскай сістэмнай трансфармацыі можа быць вызначаны як **здзяйсненне «перагаворнай» рэвалюцыі**. Ён ахоплівае час з вясны да канца 1989 г. Сутнасцю гэтага перыяду стала масавае незадавальненне існуючай уладай і сумненне у магчымасці сістэмы сацыялізму палепшыць лёс людзей. У асяроддзі самой улады узніклі такія ж сумненні, стала яўнай няздольнасць пераламіць сітуацыю. Адначасова расла прыхільнасць грамадства да рынкавай эканомікі і дэмакратычнай формы ўлады. Значная частка мас, найперш з інтэлектуальнага асяроддзя, пачала адмаўляцца супрацоўнічаць з уладамі. Кожны раз больш заганная сацыялістычная эканоміка губляла магчымасці развіцця і рэалізацыі сацыяльных мэт, што адмоўна уплывала на легітымнасць сістэмы.

Гэты прынцыповы факт знайшоў вырашэнне падчас перагавораў улады і апазіцыі за «Круглым сталом» (люты–красавік 1989 г.), якія ў дагаворнай форме прадвызначылі невядомы дагэтуль тып дэмакратычнай рэформы – сумеснае кіраванне прадстаўнікоў адыходзячай і народжанай грамадска-палітычных сістэм. Галоўная заслуга ў правядзенні перагавораў належыць Незалежнаму самадзейнаму прафсаюзу «Салідарнасць», але варта лічыць істотнай і ролю Польскай аб'яднанай рабочай партыі, кіраўніцтва якой адхінула сілавую метаду падаўлення «дысідэнтаў» і згадзілася на дыялог. Вынікам стала легітымізацыя «Салідарнасці» і ажыццяўленне «перагаворнай» рэвалюцыі як разнавіднасці «пяшчотных» рэвалюцый рубяжа 80–90-х гг. XX ст. Крыху пазней партыйныя рэвізіяністы адкрыта абвясцілі аб неабходнасці ліквідацыі ПАРП і утварылі рух за выкарыстанне вопыту еўрапейскай сацыял-дэмакратыі. іх філасофія абумовіла падтрымку урада Т. Мазавецкага. Так былі закладзены асновы новай дэмакратычнай Польшчы. Адначасова Варшава распрацавала (пакуль што ў тэарэтычным плане) формулу нацыянальнай бяспекі, выпактаваную ў папярэднія дзесяцігоддзі. З пункту погляду шырокага разумення бяспекі і міжнароднай ролі дзяржавы, ключавым абшарам польскага інтарэсу была вызначана Заходняя Еўропа. Этап завяршыўся прыняццем 29 снежня 1989 г. новай рэдакцыі Канстытуцыі і крыху сімвалічнай падзеяй: зменай назвы дзяржавы – з ПНР на Рэспубліку Польшча.

На другім этапе – разгортвання сістэмнай трансфармацыі – ацэньваліся і прымаліся да рэалізацыі напрамкі, змест і магчымасці пераўтварэння. Храналагічна дадзены этап абмежавалася мерапрыемствамі ліберальных рэфарматараў з пачатку 1990 г. да вераснёўскіх парламенцкіх выбараў 1993 г. У гэты перыяд ухіл рабіўся на фарміраванне дэмакратычнай прававой дзяржавы, парламенцкай дэмакратыі, укараненне прынцыпаў палітычнага плюралізму, пераход да шматпартыйнай сістэмы, грамадзянскай супольнасці, стабілізацыі прававой сістэмы, на канчатковае адхіленне былой наменклатуры ад улады, перадачу ўладарных функцый на месцах органам тэрытарыяльнага самакіравання.

Ініцыятары перамен зыходзілі з таго, што дэмакратычны лад – менавіта той, які дазваляе чалавеку быць вольным і прызнае адзіную уладу над сабой – канстытуцыйныя правілы. У красавіку 1990 г. Сейм скасаваў цэнзуру, а 17 кастрычніка 1992 г. прыняў асновы новага ладу дзяржавы у выглядзе «Канстытуцыйнага закону аб узаемных адносінах паміж заканадаўчай і выканаўчай уладай Рэспублікі Польшча і аб мясцовым самакіраванні», або так званай «Малой канстытуцыі». Дакумент стаў сімвалам пераможнай дэмакратычнай рэвалюцыі. Польскі вопыт прадэманстраваў незвычайную складанасць фарміравання асноў дэмакратычнага грамадства, укаранення адносін свабоднага рынку, спробаў сацыяльных пераўтварэнняў, змены геапалітычных прыярытэтаў ва умовах паскоранай сацыяльна-эканамічнай трансфармацыі. Ужо летам 1990 г. узнік востры канфлікт унутры лагера салідарыстаў, які палажыў пачатак яго распаду. Значна было запознена увядзенне вышэйшага узроўню тэрытарыяльнага самакіравання – павятовага.

На фоне канчатковага пераадолення знешняга уплыву з Усходу дзяржаўнае кіраўніцтва без пераканаўчых стратэгічных разлікаў разгарнула упартую барацьбу за далучэнне да еўраатлантычнай абарончай прасторы. Своеасаблівы натуральны эксперымент адыходу ад сацыялізму у эканамічнай сферы і стратэгія пералому сітуацыі да лепшага набылі ёмкую назву «шокавая тэрапія». Яна забяспечыла усталяванне рынкавых адносін, але прывяла да істотнага пагаршэння сацыяльнага стану пераважнай часткі грамадства. Урады ліберальных рэфарматараў не знайшлі рычагоў вяртання працоўнай падтрымкі для працягу рэформ.

Трэці этап характарызаваўся пераломнасцю з'яў пераутваральнага працэсу. На працягу чатырох гадоў, з восені 1993-га да вераснёўскіх выбараў у парламент 1997-га, ішла напружаная унутрыпалітычная барацьба на лініі «сацыялізм–капіталізм», запаволіліся працэсы эканамічнай і сацыяльнай перабудовы. Уладарныя функцыі перахапілі левацэнтрысцкія сілы; прайграўшыя ім апаненты сцвярджалі аб верагоднасці вяртання сацыялізму. Рэстаўрацыйным тэндэнцыям спрыялі укаранёныя сацыялістычныя традыцыі, дзейнасць часткі палітыкаў, настроі у грамадстве, а таксама надзеі на ілюзорны «трэці шлях». Небяспёкай новаму ладу стаў несвядомы сацыялізм у лагеры прыхільнікаў: усе правыя групы, што прыходзілі да ўлады ў папярэдні перыяд, кіраваліся левымі лозунгамі. З-за укаранёнага на мінулым этапе засілля Польскага рымска-каталіцкага касцёла большасць насельніцтва не ухваляла клерыкалізацыі грамадскага жыцця.

Характэрнай асаблівасцю этапу стала тое, што ажыццяўляўшы ўладу левацэнтрысцкія сілы перанялі рэфарматарскі курс папярэднікаў, але імкнуліся надаць пераутварэнню больш выразную сацыяльную афарбоўку. Тым не менш прагрэс спрыяў не усім: у студзені 1997 г. 13 % насельніцтва знаходзілася за мяжой беднасці, а на мяжы – палова грамадства⁵. Працэсы пераутварэння ўласнасці трапілі на перашкоды. Сярод асноўных бар'ераў стаў слабы эканамічны стан дзяржаўных прадпрыемстваў. У выніку прэзідэнцкіх выбараў 1995 г. праварадыкальны Л. Валенса не атрымаў падтрымкі большасці галасоў на другі тэрмін і уступіў пасаду сацыял-дэмакрату А. Квасьнеўскаму. Пераломнасць этапу увасобілася ў прынятай на усенародным рэферэндуме 25 мая 1997 г. новай Канстытуцыі⁶. Ухваленне асноўнага закону рэспублікі стала вынікам узаемных саступак правячай большасці ў Сейме і Сенаце на карысць парламенцкай і частцы пазапарламенцкай апазіцыі і касцёлу. Канчаткова абзначыліся кардынальныя напрамкі знешняй палітыкі: інтэграцыя у заходнееўрапейскія структуры; актыўныя рэгіянальныя дзеянні; удзел у агульнаеўрапейскім працэсе. Безумоўнымі знешнепалітычнымі поспехамі папярэдніх гадоў было прызнанне польскай заходняй мяжы з аб'яднанай Германіяй і бесканфліктны вывад расійскіх войск; былі спадзяванні на тое, што трэцім важнейшым дасягненнем стане ўключэнне РП у НАТО. Пасля 1994 г. пік польскай папулярнасці на Захадзе мінуў, і там чакалі, што ў Варшаве не адбудзецца унутрыпалітычная завіруха. Дзякуючы набытаму вопыту і гістарычнаму месцу правіцелі дапамогучы зразумець, што адбываецца на Усходзе, не справакуюць канфлікт паміж Расіяй і Украінай, не абвешчваюць адносіны з Літвой і іншымі суседзямі. Гэтымі аспектамі вызначалася месца Рэспублікі Польшча ў рэгіянальнай і еўрапейскай палітыцы.

Парламенцкія выбары 1997 г. у чарговы раз ператасавалі польскую палітычную сцэну і прадэманстравалі істотны зрух сімпатый грамадзян управа. Кааліцыя сацыял-дэмакратычнай і сялянскай партый на справе прадаужала ліберальную праграму рэфармавання народнай гаспадаркі, вымагаючы ад працоўных велізарных ахвяр, паглыбляючы і без таго непавагу гэтага асяроддзя да групавых з камуністычным радаводам. У такіх умовах «Салідарнасці» удалося вярнуць грамадскую падтрымку. Гэтыя працэсы далі старт чацвёртаму этапу, сутнасць якога ў ажыццяўленні завяршальных крокаў сістэмнай трансфармацыі польскага грамадства ад сацыялізму да ка-

літалізму. Калі і прызнаць, што у першай палове 90-х гг. было магчымым аднаўленне сацыялізму, то вяртанне ўлады правымі сіламі дэмакратычным шляхам стала своеасаблівым сігналам паўторнага росту аўтарытэту новага ладу сярод грамадства.

Развіццю краіны спадарожнічалі праблемы, якія не вычэрпваліся на згаданым этапе. Так, поўная эканамічная мадэрнізацыя расцягвалася прыкладна да 2010 г. Але большасць працэсаў давала падставы падвесці своеасаблівы вынік эвалюцыі дзяржаўна-палітычнай сістэмы, пацвярджала трываласць закладзеных дэмакратычных асноў. Былі разгорнуты так званыя рэформы «другога плана»: дэцэнтралізацыя ўлады і ўмацаванне мясцовага самакіравання; працяг прыватызацыі і падаўленне карупцыі на сутыкненні эканомікі і палітыкі; ўмацаванне бяспекі грамадзян і прававой сферы; рэформы у сацыяльнай сферы і галіне адукацыі. З прыняццем краіны вясной 1999 г. у ваенна-палітычную структуру НАТО своеасаблівым чынам пра-дэманстравана незваротнасць геапалітычных інтарэсаў. Тэрмін уваходу у Еўрапейскі саюз многім звязваўся з асобай прэзідэнта А. Квасьнеўскага і яго намерам пераабрання на новы тэрмін да 2005 г.: ясна, што уступленне меркавалася бліжэй да апошняй фазы яго прэзідэнцтва. Сістэмны характар перамен выявіўся, апрача палітычнай і эканамічнай сфер, у глыбокіх гуманітарных зменах польскага грамадства. Як сродак вызначальных дасягненняў усталяваліся захаванне права чалавечай асобы і падушаднасць ёй дзяржавы. Пасля працяглых унутрыпалітычных спрэчак быў прыняты досыць памяркоуны закон аб люстрацыі.

Кароткі гістарычны экскурс паказвае, што постсацыялістычныя сістэмныя пераўтварэнні у Польшчы аказаліся менавіта комплекснай зменай палітычнай ўлады, дзяржаўнага кіравання і сацыяльна-эканамічнага ўкладу. Гаворка не ідзе аб сістэмным характары пераўтварэнняў у сэнсе усеахопнасці і глыбіні; наадварот, даследаванне паказала, што сістэмнасці ў намаганнях рэфарматару якраз не хапала. Цяжка сцвярджаць аб сістэматычнасці трансфармацыі: аб паслядоўнасці і непарыўнасці працэсаў. У польскай рэчаіснасці адбываліся і забяганні ўперад, і запавольванні змен, і нават адкаты назад.

Можна зрабіць выснову, што у Рэспубліцы Польшча на працягу дзесяцігоддзя – з 1989 па 1999 гг. – адбыліся маштабныя змены: разгарнулася, перабыла пераломныя моманты і уступіла у завяршальную стадыю трансфармацыя усёй эканамічнай і грамадскай сістэмы, укараніліся рынковыя адносіны, сфарміраваліся асновы дэмакратыі, усталяваліся новыя міжнародныя арыенціры. У 1989 г. Польшча першай сярод краін сацыялістычнага блоку уступіла на шлях рэформ. Пасля адносна непрацяглага пераўтваральнага хаосу і стагнацыі развіццё ў краіне пайшло параўнальна хутка і ўраўнаважана. Палякі дэманстравалі дынамізм, які здзіўляў не толькі знешніх назіральнікаў. Працэс пазітыўных змен выдзяляў іх сярод многіх посткамуністычных суседзяў. Дзякуючы калектыўным намаганням сваіх грамадзян РП становілася больш цывілізаванай. Аналізуючы дасягнутыя вынікі з 10-гадовай перспектывы, можна сцвярджаць, што сістэмная трансфармацыя здзейснілася ў асноватворных праявах.

¹ Гл.: Беларуская газета. 1999. 1 нояб.

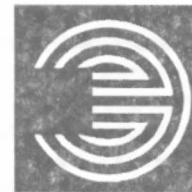
² Гл.: Kerski B. Koniec epoki Kohla // Kultura (Paryż). 1999. № 1. S. 74.

³ Гл.: Majcherak J. A. Pierwsza Dekada III Rzeczypospolitej. 1989 - 99. Warszawa, 1999. S. 271-291; Wprost. 1999. 30 maj. S. 27.

⁴ Гл.: Konstytucja w służbie demokracji. Kraków, 1995. S. 7.

⁵ Гл.: Expose premiera Włodzimierza Cimoszewicza // Kronika Sejmowa. II kadencja. 1996. 14-20 lutego. № 109. S. 3.

⁶ Гл.: Zgromadzenie Narodowe // Kronika Sejmowa. II kadencja. 1994. 21-23 wrzesnia, № 44. S. 16; Rzeczpospolita. 1997. 26 maj.

М.П. ЗЕЛЕНКЕВИЧ, Т.А. КОСТИНА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ – ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

В последние годы конкуренция в банковской сфере приобрела особые размах и остроту в результате новых технологических возможностей, растущего переплетения экономик и финансовых рынков, устранения барьеров между различными кредитными институтами. Государственные органы развитых стран в последнее время все чаще проводят «политику развития конкуренции» в банковской сфере, т. е. стимулируют и расчищают для нее место, включая меры, направленные против антиконкурентного сотрудничества¹.

Современный рынок банковских услуг – сфера, в которой подвергаются рыночной проверке не столько сами предлагаемые продукты и условия их реализации, сколько системы планирования, способности кредитных институтов планомерно, систематически изучать экономическую ситуацию, делать правильные выводы из потоков деловой информации и на этой основе принимать и реализовывать тщательно продуманные решения. Главным инструментом деятельности банка выступает план, ориентированный на перспективу, без чего невозможно добиться согласованных действий, поддерживать приоритеты важнейших направлений деятельности. Процессу планирования предшествует прогнозирование, т. е. обоснованное мнение о будущем. Точные прогнозы сделать сложно из-за быстрых изменений деловой среды в банковском секторе. Чем короче изучаемый период, тем больше вероятности, что предлагаемые оценки будут верны. Основное в данном случае – выбор целей и определение системы действий, для чего необходима информация о ходе собственного бизнеса и внешней деловой среды. В ранних исследованиях (60-е гг.) суть теории стратегического планирования раскрывается как определение долгосрочных целей предприятия, адаптация курса действий и размещение ресурсов, необходимых для выполнения поставленных задач. В более поздних работах (80-е гг.) понятие стратегического планирования все теснее увязывается с проблемами конкурентной борьбы². Кеничи Омаи в своей работе «Мышление стратега» пишет, что термин «стратегия» необходимо использовать для обозначения мер, нацеленных непосредственно на укрепление сильных сторон конкурирующего предприятия. Важно отличать эти действия от тех, которые направлены на достижение оперативных улучшений, таких как повышение нормы прибыли и эффективности управленческих процедур, упорядочение организационной структуры, совершенствование подготовки персонала³. В 80-х гг. понятие бизнес-стратегии стало чаще использоваться в связи с теми целями предприятия, которые имеют непосредственное отношение к ее конкурентным преимуществам, но совершенно необязательно видеть сущность стратегического планирования и управления бизнесом именно в развитии конкурентоспособности. В этот период задачи выживания предпри-

тия становятся доминирующими над другими, определяющими перспективную линию их поведения. Вместе с тем нельзя считать, что вне рыночной среды не стоял вопрос о перспективах развития.

Многоаспектность планирования отражает разнообразие проблем, которые решаются в процессе управления развитием общества. Являясь ведущим элементом системы управления, планирование выполняет роль инструмента реализации экономической политики государства, отдельных субъектов рынка, в том числе и коммерческих банков. В связи с характером динамики экономических и социальных процессов, быстрым изменением конъюнктуры на внутреннем и внешнем рынках, необходимостью обеспечения стабильного развития общества в долгосрочной перспективе все больше возрастает на макро- и микроуровнях роль стратегического планирования. Оно является особым видом практической деятельности людей, состоящей в разработке перспективных решений (в форме прогнозов, проектов программ и планов), предусматривающих постановку вопросов и принципов поведения соответствующих объектов управления, реализация которых обеспечивает их эффективное функционирование в будущем, быструю адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды⁴.

В настоящее время чаще встречается оперативное планирование, нежели стратегическое, которое и является главным фактором в борьбе за место на рынке. Текущие планы модифицируются в результате происходящих изменений и отражают условия и оценку среды, в которой кредитному учреждению предстоит функционировать; приоритеты рынка, предопределяющие распределение ресурсов; выявление сильных и слабых сторон банка, предполагаемых угроз, проистекающих из внешних условий; уточнения стратегии в целях реализации вновь возникающих рыночных возможностей; оценку временного интервала предполагаемых действий и ожидаемые результаты.

Стратегическое планирование является составной частью управления, включающего определение долгосрочных перспектив развития кредитного учреждения и его главных подразделений; разработку мероприятий по осуществлению перспектив реализации планов: осуществление контроллинга, в рамках которого выявляются все основные проблемы, возникающие в ходе практики, и устраняются отклонения от основной линии. Стратегическое планирование должно широко использоваться при разработке перспектив развития. В его рамках формулируются задачи и цели, анализируется состояние экономики, конкурентоспособности и потенциала банка в каждом отдельном сегменте рынка, стратегия развития портфеля услуг, прогнозируются предполагаемые финансовые результаты. Поставленные задачи определяют всю хозяйственную деятельность и в конечном счете конкурентоспособность. При этом принимаются во внимание внешние возможности, внутренние проблемы и ресурсы, которыми банк располагает. Причем выявляются не только его сильные и слабые стороны, качества услуг по их относительной стоимости, но и делается сопоставление положения данного института с ситуацией у основных конкурентов.

Характеризуя значение планирования, следует отметить, что оно является единственной возможностью прогнозирования появляющихся новых проблем и возможностей, ведет к росту производительности труда, создает условия для удовлетворенности работой, формирования хорошего психологического климата. Сегодня эффективно работающие зарубежные банки переходят от проектирования, основанного на составлении годового бюджета, к составлению дальнейшей работы в рамках общей процедуры руководства. Стратегическое управление и планирование представляют собой управленческий процесс поддержания соответствия между целями и имеющимися у банка ресурсами в условиях постоянно изменяющейся рыночной обстановки и правил государственного регулирования, а цель – внедрять и развивать новые направления деятельности и банковские продукты так, чтобы они способствовали росту объема операций, приумножали доходы и увеличивали стоимость акций⁵.

Планирование имеет своим исходным пунктом общую цель организации, обозначаемую как миссия банка. Постановка и реализация целей плана нужны для осуществления главной задачи и выступают в качестве критериев для всего последующего процесса принятия управленческих решений. Миссия детализирует статус учреждения, помогает определять главные ориентиры для выявления целей и стратегий на различных организационных уровнях, отличает его от конкурентов как в глазах общества, так и коллектива, четко определяет намерения, юридические нормы и практические подходы в управлении. Важнейшие направления банковской деятельности формулируются на основе конкретных ценностей, на которые опирается высшее его руководство⁶. Эти ориентиры должны быть направлены во времени, в течение которого ожидается результат; конкретны и измеримы, что обеспечивает базу для последующих решений и оценки хода работы, а также определения насколько эффективно функционирует организация. Цели призваны отражать общественные ценности и реалии кредитного института и являются основой процесса стратегического планирования, если руководство правильно их сформулирует, эффективно их институционализирует, информирует о них коллектив и стимулирует их осуществление. Существуют два вида ориентиров: *финансовые* и *стратегические*.

Финансовые цели обязательны, так как при нехватке финансовых средств банк может остаться без ресурсов, необходимых ему для развития, а также предполагают увеличение таких показателей, как объем прибыли, отдача от инвестиций, приток наличности, размеры займов и дивидендов.

Стратегические – направлены на укрепление конкурентных позиций организации на рынке и на обеспечение более высоких темпов роста, чем в среднем по банковской сфере, на увеличение доли рынка, на улучшение качества продукции и предоставляемых услуг по сравнению с конкурентами, на снижение издержек, на улучшение репутации банка.

Проникновение на зарубежные рынки, использование передовых технологий и развитие возможностей роста также являются элементами стратегии. Таким образом, при определении целей надо иметь в виду не только достижение хороших финансовых показателей, но и долгосрочное развитие бизнеса, повышение конкурентоспособности банка⁷.

Стратегическое планирование нацеливает учреждение кредитной сферы на рынок будущего, на стабильное развитие в условиях конкуренции. Об устойчивости Коммерческого банка можно судить на основе показателей, которые используются в мировой практике для оценки его реального положения. Однако следует отметить, что для анализа балансов до настоящего времени нет устоявшихся общепринятых коэффициентов. Вместе с тем существует несколько общих показателей⁸. При анализе надежности на рынке оценивается, прежде всего, **достаточность капитала** Коммерческого банка, т. к. это источник погашения возможных убытков и гарантия предприятия на проведение рискованных операций. Капитал (собственные средства) Коммерческого банка выполняет несколько важных функций в ежедневной деятельности и для обеспечения долгосрочной жизнеспособности банка: *во-первых*, он служит для защиты от банкротства, компенсируя текущие потери до решения возникающих проблем; *во-вторых*, обеспечивает средства, необходимые для создания, организации и функционирования банковского учреждения до привлечения достаточного количества депозитов; *в-третьих*, поддерживает доверие клиентов и убеждает кредиторов в силе финансового института; *в-четвертых*, обеспечивает средства для организационного роста, предоставления новых услуг, выполнения новых программ и закупки оборудования⁹. В период роста банк нуждается в дополнительной финансовой поддержке и защите от риска, связанного с развитием учреждения (в том числе созданием филиалов) и предоставлением новых услуг.

Существуют различные методики оценки достаточности собственных средств Коммерческого банка:

отношение величины собственного капитала к сумме депозитов (в США этот показатель не должен быть меньше 10 %);

отношение величины собственного капитала к сумме активов: Швейцария – 5,91 %, США – 5,33, Канада – 5,25, Великобритания – 4,76, Италия – 4,03, Франция – 2,84, Германия – 2,83, Япония – 2,24 %. Для Республики Беларусь этот коэффициент должен быть не ниже 7 %, но для региональных, небольших банков может составлять и 5–6 %;

отношение величины капитала к сумме активов, взвешенных по степени риска (в США этот показатель должен быть больше 15 %). В Республике Беларусь максимальный размер риска на одного заемщика составляет не более 30 % собственного капитала банка.

Минимальная норма достаточности капитала в международной практике определена в пределах 8 %, в России – всего 4 %. Кроме того, достаточность финансовых средств могут характеризовать следующие показатели:

соотношение собственных и привлеченных средств (в Республике Беларусь уровень данного коэффициента в размере 10 % считается нормальным);

отношение выданных кредитов к собственному капиталу (в Республике Беларусь уровень данного коэффициента в 7,5 или меньше считается нормальным)¹⁰.

Не меньшее значение имеет второй фактор – **качество активов** банка (касса и денежные средства в НБ, депозиты в других банках, долговые и другие ценные бумаги, ссуды, основные средства и нематериальные активы, резерв, доходы и пр.). Качество активов оценивается с точки зрения их возвратности (для кредитного портфеля) и способности своевременно и без потерь обращаться в платежные средства (для ценных бумаг и основных средств). Таким образом, надежность финансового института во многом будет определяться двумя величинами – размером кредитного портфеля (как основного источника риска) и объемом просроченной задолженности (потерянные активы).

Кроме вышеперечисленных факторов, требует анализа индикатор уровня надежности Коммерческого банка – **доходность и прибыльность**, призванные обеспечить стабильность его экономического положения и условия для дальнейшего развития. Эффективность функционирования на рынке выражается в уровне доходности и отражает положительный совокупный результат работы во всех сферах хозяйственно-финансовой и коммерческой деятельности. За счет доходов покрываются все операционные расходы, включая административно-управленческие, формируется прибыль банка, размер которой определяет уровень дивидендов, увеличение собственных средств и развитие пассивных и активных операций. Доходность кредитного учреждения является результатом оптимальной структуры его баланса как в части активов, так и пассивов, целевой направленности в деятельности персонала в этом направлении. Другими важными условиями обеспечения доходности банка являются рационализация структуры расходов и доходов, выявление тенденций в прибыльности ссудных операций и др. Условием эффективности финансовой деятельности, безусловно, являются поддержание ликвидности, управление банковскими рисками, их минимизация.

Четвертым фактором благосостояния кредитного института является **анализ его ликвидности**, с помощью которого оценивается кредитоспособность предприятия в РБ. Ликвидность оценивается на основе способности банка превращать свои активы в денежные или другие платежные средства для оплаты предъявляемых обязательств в случае, если имеющихся в наличии платежных средств для этого не хватает. Коэффициент абсолютной ликвидности рассчитывается как отношение суммы денежных средств (касса и денежные средства на корреспондентском счете в Национальном банке) и краткосрочных финансовых вложений к обязательствам.

Коэффициент абсолютной ликвидности показывает долю высоколиквидных активов в общем портфеле активов. Важное значение здесь приобретают структура активов и пассивов, состояние депозитов. Для РБ приемлемыми являются показатели ликвидности 0,2–0,5. Однако важное значение для современного состояния экономики Республики Беларусь имеет также и качество управления банком.

Общей целью анализа для всех субъектов рынка (Национальный и коммерческие банки, другие кредитные и финансовые учреждения, предприятия и организации, аудиторские фирмы, местные и центральные органы власти, физические лица) является определение эффективности деятельности и степени их надежности, т. е. платежеспособности – способности своевременно погашать свои финансовые обязательства в соответствии с наступающими сроками оплаты не только перед кредиторами и вкладчиками, но и перед бюджетом, страховыми органами и др.

Коэффициент платежеспособности – это соотношение между размерами собственного капитала банка и суммой его активов, взвешенных по степени риска. Регулирование платежеспособности осуществляется посредством установления ограничений обязательств банка, максимального размера задолженности на одного заемщика и т. д. В Республике Беларусь Национальным банком установлен норматив коэффициента платежеспособности, рассчитанный в целом по балансу, не менее 10 %¹¹.

Коэффициентный анализ позволяет оценить количественную взаимосвязь между различными позициями банковского отчета. Для комплексной оценки эффективности работы кредитного института может применяться ряд других индикаторов:

показатель эффективности использования активов, определяемый путем соотношения средних остатков по активам, приносящим доход, и средних остатков по всем активам (обычно он составляет 60–80 %);

отношение суммы предоставленных банком кредитов к общему объему депозитов; коэффициент свыше 75 % говорит об агрессивной кредитной политике учреждения, а ниже 60 % – об умеренной, минимизирующей финансовый риск стратегии;

коэффициент рентабельности, рассчитываемый как соотношение чистой прибыли и капитала банка, равный 13–16 %, считается в мировой практике нормальным.

В результате функционального анализа выявляются возможности повышения прибыльности и ликвидности банковских операций путем исключения неэффективных и поиска более прогрессивных способов выполнения необходимых актов, а также выясняется степень надежности и конкурентоспособности финансового института.

Если раньше все основные резервы искали во внутренней среде предприятия, в рационализации организации производства, снижении его издержек за счет внутрипроизводственных резервов, более эффективном использовании ресурсов, то при стратегическом подходе главные источники ищут во внешней сфере. При этом учитываются политическая и экономическая ситуации, последние достижения науки и техники, запросы рынка, деятельность конкурентов. Таким образом, вся организация внутрифирменного управления предопределяется различными воздействиями среды с учетом реальных возможностей банка. На первое место выходят перестройка мышления с проблем внутрипроизводственных на внешние, ориентация на предприятие как на социальную систему. Отсюда возникает необходимость быстрой реакции на новшества и изменения.

Стратегический план базируется на разносторонних исследованиях и большом фактическом материале. Чтобы сегодня эффективно конкурировать в бизнесе, приходится постоянно собирать и анализировать огромный объем информации о рынке и конкуренции. Стратегические подходы разрабатываются основательно, чтобы оставаться целостными в течение длительного периода, но в то же время достаточно гибкими, чтобы при необхо-

димости можно было осуществить их уточнение. Стратегический план выступает как программа, которая направляет деятельность банка в течение длительного времени и может несколько трансформироваться, когда возникает необходимость в деловой и социальной сферах. Планирование охватывает следующие стороны: анализ состояния банковского бизнеса; разработку общефирменной стратегии; определение действий в отдельных хозяйственных областях; анализ конкурентной среды; установление основных целей; управление наиболее важными факторами деятельности; определение правил поведения на рынке отдельных видов услуг и анализ жизненного цикла продукции; управление банковским портфелем; анализ рыночных сегментов; выявление прогнозируемых перспектив деятельности банка; разработку общей концепции развития, а также изучение структуры затрат. Необходимо отметить, что стратегическое планирование, которое ориентировано на долгосрочную перспективу и определяет все основные направления работы банка, рассматривает последнее как единое целое.

Таким образом, стратегическое планирование выступает как совокупность решений и действий, которые обеспечивают разработку конкретных мер, предпринятых руководством банка, и практическая их реализация обеспечивает возможность достижения, удержания, развития и капитализации конкурентных преимуществ. Выбираемые способы поведения на рынке должны эффективно капитализировать сильные стороны банка, способствовать преодолению слабых показателей, извлечению преимуществ от благоприятных условий среды функционирования и успешному уклонению от внешних опасностей, что создает условия для реализации конкурентных преимуществ и является ключом к обеспечению рентабельности в долгосрочном периоде. В результате стабильное выигрышное положение является особенностью Коммерческого банка, которым можно управлять и формировать так, чтобы получать более высокую прибыль, чем у конкурентов.

¹ См.: Сарчев А. М. Ведущие коммерческие банки в мировой экономике. М., 1992. С. 69.

² См.: Ефремов В. С. Стратегия бизнеса. Концепции и методы планирования. М., 1998. С.

20

³ См.: Kenichi Ohmae. The mind of the strategist. The Art of Japanese Business. McGraw-Hill, Inc., 1982. P. 37.

⁴ См.: Стратегическое планирование / Под ред. Э. А. Уткина. М., 1998. С. 20–21.

⁵ См.: Банковское дело: стратегическое руководство / Под ред. В. Платонова, М. Хиггинса. М., 1998. С. 12.

⁶ См.: Уткин Э. А. Стратегический менеджмент: способы выживания российских банков. М., 1996. С. 34.

⁷ См.: Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М., 1998. С. 17–18.

⁸ См.: Ачкасов А. И. Балансы коммерческих банков и методы их анализа. М., 1993. С. 53.

⁹ См.: Иванов В. В. Анализ надежности банка. М., 1996. С. 22–23.

¹⁰ См.: Создание и прекращение банков. Банковский надзор: Сб. нормат. актов Нац. банка Республики Беларусь. Мн., 1996. Вып. 1. С. 169.

¹¹ См.: Банковский менеджмент / Под ред. В. Н. Бусько, В. В. Козловского, А. С. Счастленюка. Мн., 1998. С. 68.

И.В. НОВИКОВА, А.В. КОРОТКОВ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ

Необходимость перестройки социально-экономической структуры экономики Республики Беларусь и приближение к параметрам экономически развитых стран требуют изучения западного опыта хозяйствования и современных его тенденций, являющихся зеркальным отражением прежде всего процессов, идущих в мировом хозяйстве, — глобализации и регионализации. В связи с этим возникает вопрос о месте и роли как государственных предприятий в экономической структуре западных стран и переживаемой ими эволюции и их приватизации в современных условиях, так и государственного регулирования в целом и осуществления стратегической экономи-

ческой политики. Важность данного вопроса обусловлена тем, что на сегодняшний день государственная собственность в Республике Беларусь занимает значительное место – приблизительно 85 %. Более того, на долю госсектора приходится 65 % экономической активности в республике.

Количество убыточных предприятий (3836 на 1.04 2000 г.), общая сумма убытков госсектора (Вув 91,3 млрд) свидетельствуют о растущих структурных проблемах, затрагивающих государственный бюджет (сумма убытков в масштабе страны сопоставлена со всеми налогами на прибыль Вув 87,3 млрд)¹.

Решить проблему можно с помощью ускоренной приватизации. Тем самым государство снимает с себя ответственность за неэффективное функционирование предприятий, отдавая их «на откуп» рынку свободной конкуренции, который в кратчайшие сроки выравнивает структуру экономики. И рациональное зерно в этом есть.

Но здесь следует иметь в виду, что сегодня в мире идет процесс перехода к v-му технологическому укладу, предполагающему ресурсосберегающие технологии, высокотехнологичные, наукоемкие производства, основанные на микроэлектронике, биотехнологиях и информационных технологиях. По экспертным оценкам, он составляет у нас 10 %, в то время как в ПРС (промышленно развитых странах) – 60 %.

Без силы государства и при отсутствии значительных частных капиталов осуществить такой технологический прорыв сложно. В связи с данной проблемой возникают вопросы: должны ли предприятия оставаться в собственности у государства, какие организационно-хозяйственные формы с участием государства необходимо создавать и каковы их механизмы функционирования и роль в структуре экономики. На Западе процесс приватизации совершенно неоднозначен и имеет свою специфику, являющуюся отражением мировых тенденций, проявляющихся прежде всего в транснационализации предприятий, глобализации экономик и формировании единого мирового хозяйства.

За последние 10–15 лет в мире быстрыми темпами идет приватизация государственной собственности. По данным Reason Public Policy Institute (USA, Los Angeles), мировые совокупные (накопленные) продажи предприятий, находившихся в государственной собственности, частному сектору возросли за период 1986–1997 гг. примерно с 50 млрд долл. до более чем 750 млрд. Соответственно годовой доход от приватизации предприятий увеличился примерно с 10–12 млрд долл. в 1986 г. до более чем 150 млрд долл. в 1997 г.

Однако следует отметить, что цели и задачи приватизации неодинаковы в различных странах и регионах мира. Например, для развивающихся стран Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки приватизация сфокусирована на развитии инфраструктуры, т. к. без нее невозможно движение западного капитала в данные регионы. Например, в Бразилии по итогам 1991–1998 гг. доля приватизированных предприятий энергетики составляет 33 %, телекоммуникаций – 37 %².

В странах Центральной и Восточной Европы цель приватизации – создать эффективный частный сектор и реструктурировать экономику в целом, обеспечив на этой основе экономический рост. В данной связи возникают вопросы: где, в каких секторах, с какой скоростью проводить приватизацию, а где, с какой целью сохранять либо создавать государственные предприятия. В мире идут процессы создания транснациональных корпораций, являющихся элементами новой пострыночной, индустриальной системы, которые определяют на сегодняшний день «лицо» мировой экономики.

В соответствии с Докладом Комиссии по мировым инвестициям и транснациональным корпорациям (1997 г.) на сегодняшний день существует 45 000 ТНК (транснациональных корпораций), имеющих 280 000 зарубежных филиалов.

Объем продаж этих ТНК в 1995 г. составил 7 трлн долл. Доля продукции, создаваемой в зарубежных филиалах, в мировом выпуске увели-

чилась с 5 % в 1982 г. до 6 % в 1994 г., и практически продукция, создаваемая ТНК в зарубежных филиалах, утроилась за этот же период.

Объем ПИИ (прямых иностранных инвестиций) достиг в 1996 г. 3,2 трлн долл., увеличившись с 2 трлн долл. в 1993 г. и 1 трлн долл. в 1987 г. Основная тенденция потоков ПИИ – инвестирование в ПРС. Например, США в 1996 г. притягивали 1 из 4 долл., полученных по ПИИ в мире. Кроме того, они выступают самым крупным инвестором за границей. Затем следуют Великобритания, Германия, Франция и Япония. Регион ЕС остается наиболее принимающим и вывозящим, составляя 1/2 ПИИ потоков в развитые страны³. На сегодняшний день ТНК ПРС ищут не столько страны для осуществления ПИИ с дешевой рабочей силой и недорогими источниками сырья, сколько максимально стабильные в политическом и экономическом планах. В связи с этим следует отметить, что ПРС интересует уже не просто дешёвая рабочая сила. В настоящее время ТНК в большинстве своем имеют дело с высокими технологиями, а потому нуждаются в высококвалифицированной рабочей силе, положительно настроенной к частному капиталу.

Вышеприведенные тенденции показывают, что в мире нарастают процессы глобализации, идущие через регионализацию. Данные процессы, ослабляя значимость отдельных государственно оформленных рыночных систем, повышают значимость ТНК с филиалами практически во всех странах мира. Идет формирование единой мировой рыночной системы с элементами пострыночной, индустриальной, где наряду с действием законов свободной конкуренции уже «работают» трансферные связи, позволяющие вывести от 1/3 до 1/2 мирового товарооборота из рыночной сферы. Формируется индустриальный каркас мировой экономики. Уже сегодня ТНК контролируют примерно 1/3 частного сектора в мире и почти 95 % мировых патентов и лицензий.

Все процессы осуществляются при мощной поддержке государства в ПРС. В данном случае центр тяжести в госпредпринимательстве и государственном регулировании смещается на повышение конкурентоспособности продукции отечественных предприятий и вывод их на мировой рынок. Внутренняя экономическая политика служит отражением внешнеэкономической экспансии на мировом рынке. На первый план выдвигается проблема реиндустриализации ПРС – сосредоточение внимания на высокотехнологичных производствах, их научном обеспечении, развитии, совершенствовании системы образования и подготовке трудовых ресурсов, «переманивании» высококвалифицированной рабочей силы из стран с более низким уровнем жизни, но хорошо подготовленной, высокообразованной. В свою очередь возникает необходимость обеспечения материально-технической базы экономик ПРС и формирования элементов индустриальной системы. Вот почему государство в ПРС «сбрасывает» с себя неэффективные государственные предприятия, «смещая» центр тяжести во внешнеэкономическую сферу.

Большое распространение приватизация получила и в США, несмотря на то, что в данной стране государственная собственность никогда не играла значительную роль в экономике в целом. Сегодня приватизация в США осуществляется от утилизации мусора, водоснабжения, канализации до приватизации тюрем, аэропортов, дорог, государственных финансов.

Приватизация в США уходит своими корнями в начало 80-х гг., когда в период администрации Р. Рейгана была осуществлена перестройка системы налогообложения, которая привела к хроническому дефициту государственного бюджета. Именно в тот период начинаются поиски инструментов борьбы с этим явлением. Одним из таких инструментов и явилась приватизация, получившая широкое распространение с приходом к власти администрации Б. Клинтона в начале 90-х гг.

Цель американской приватизации – уменьшение бюджетного дефицита, с одной стороны. С другой – уменьшение чрезмерно возросших на государ-

ственных предприятиях издержек производства нашло свое отражение в удорожании услуг, предоставляемых государственным сектором, что, в свою очередь, оказало влияние на ухудшение структуры потребительского бюджета средней американской семьи. Цель американской приватизации – расширение сферы услуг, ранее осуществлявшихся за счет государственных финансов, улучшение функционирования этой сферы за счет усиления конкурентного давления, повышения ответственности частного сектора, оперирующего в данной сфере.

В результате приватизации произошло сокращение издержек производства, и экономия государственных финансов варьировалась по секторам от 10–25 % при водоснабжении городов и населенных пунктов и функционировании библиотек до 13–60 – при техническом обслуживании общественных зданий, 25–50 – при обслуживании общественных дорог, строительстве и обслуживании тюрем – 10–40, управлении метрополитенами – 30 % (это т. н. приватизация I). Что касается экономии на издержках при приватизации II (приватизация экономической и социальной инфраструктуры, которая началась после приватизации услуг), то она варьировалась по секторам следующим образом: 15–40 % при переходе в частную собственность аэропортов, 45 – лечебниц, санаториев, 20–50 – пожарной охраны, 10–25 – больниц, 25–40 – переработки мусора, 20–30 % – парков и других мест отдыха.

Приватизация в США подразумевает под собой не всегда прямую продажу государственных активов в частную собственность. В данную операцию включаются следующие методы: франшиза, контрактная система, которая по своему характеру очень напоминает внутрипроизводственный хозрасчет для предприятий с нормативным распределением дохода (вторая модель хозрасчета), успешно нами забытая с конца 80-х гг., а также лизинг, ваучеры, корпоратизация (corporatization).

Этим же путем, преследуя цели коммерциализации предприятий и повышения их эффективности, идут и страны ЮВА и прежде всего Япония. Еще с начала 80-х гг. в Японии в соответствии с рекомендациями комиссии по перестройке государственных финансов Ринтё-2 в отношении государственного предпринимательства наблюдалось сокращение сферы и масштабов его распространения с соответствующим трастированием его частному сектору или органам местного самоуправления.

В официальных документах Ринтё-2 для обозначения тех мер, которые у нас трактуются однозначно как «приватизация», используются три различных термина – «минтэйка», «минкан итаку» и «минкан ходзинка», несущие совершенно разную смысловую нагрузку.

«Минтэйка» дословно означает «перевод в частное управление». Он означает перевод государственных корпораций в рамках категории общественных предприятий – особых юридических лиц одного типа и конкретного вида в другой: из государственной корпорации в специальную компанию, причем со 100 % государственным акционерным капиталом.

В Западной Европе, например, трансформация общественных корпораций в государственные акционерные компании означает изменение правового статуса предприятия: оно выводится из сферы действия Административного или Гражданского кодекса и попадает под юрисдикцию Коммерческого кодекса, функционирует на основании Закона о частных акционерных компаниях, которые становятся конкурентными общественными предприятиями без каких-либо преимуществ по сравнению с другими.

В Японии и существующие, и вновь создаваемые специальные компании, во-первых, будучи формально акционерными, подпадают под действие Коммерческого кодекса, а, во-вторых, в качестве особых юридических лиц функционируют в рамках публичного права, причем последнее имеет приоритет. На практике это означает, что специальная компания не является в полном смысле «конкурентной», а пользуется привилегиями. В частности, приватизированным государственным корпорациям гарантируется кон-

кретная сфера монопольной деятельности, так называемая «квазиприватизация».

«Минкан итаку», или дословно «*трастирование деятельности частного сектора*». В данном случае имеется в виду не трансформация форм собственности, а применение формулы «государственная собственность—частное управление» как разновидность контрактной системы отношений между государственным и частным секторами, которая, как уже отмечалось, широко распространена в США. Она позволяет использовать человеческий потенциал частных фирм и учреждений в целях повышения эффективности функционирования общественных предприятий. Другими словами, речь в данном случае идет не о приватизации вообще.

«Минкан ходзинка». Данный термин означает: *переведение из разряда общественных юридических лиц («ко ходзин»), функционирующих на основе публичного права (например, административного законодательства), в частное юридическое лицо («минкан ходзин»), действующее в рамках частного права (Гражданского или Коммерческого кодекса).*

В определенном смысле это первый тип приватизации по классификации CIREC со своими особенностями и во-первых, юридическое лицо необязательно принимает форму акционерной компании, во-вторых, в нем сохраняется участие государственного капитала. Однако, с юридической точки зрения, такая трансформация никак не связана с изменением формы собственности главного критерия приватизации. Например, смешанные компании «третьего сектора», образованные с участием частного сектора и органов местного самоуправления и, безусловно, являющиеся общественными предприятиями, в правовом отношении выступают как частные юридические лица.

Приватизация в ПРС показывает следующее: во-первых, госпредприятия на сегодня существуют в большинстве ПРС; во-вторых, их функционирование стало неэффективно не только у нас, но и на Западе; в-третьих, процесс приватизации, как правило, напрямую связывается с подъемом эффективности. Ибо частная инициатива может в кратчайшие сроки в условиях либерализации начать приносить прибыль и внести существенный вклад в экономический рост, освобождая государство от нетипичных для него функций. Благодаря таким действиям появляется возможность сконцентрировать внимание на стратегических направлениях национального развития, на поисках своего места в условиях глобализации мировой экономики.

Процесс приватизации – это прежде всего усиление негосударственного сектора. Таким образом, на сегодняшний день существуют следующие варианты возможной приватизации:

- расширение негосударственного сектора за счет государственного;
- расширение негосударственного сектора при сохранении масштабов государственного сектора;
- одновременное развитие и государственного, и негосударственного секторов экономики.

Реализация данных вариантов обусловлена следующими целями, преследуемыми государством:

- развитием многоукладной экономики на базе прежде всего становления частной собственности и уже на этой основе обеспечение структурной перестройки экономики и экономического роста;
- созданием элементов пострыночной, индустриальной системы или их частей на базе привлечения иностранных инвестиций и использования собственных научно-технических разработок;
- формированием структуры национальной экономики, позволяющей без социальных потрясений интегрироваться в глобализирующуюся мировую экономику.

Процесс приватизации в западных странах не совсем однозначен. И по сей день госсобственность прекрасно сосуществует с частной. Но меняют-

ся формы ее функционирования, центры тяжести несколько смещаются от инфраструктурного обслуживания частного бизнеса и смягчения социальной напряженности к внешнеэкономическому сектору, обеспечивая выход отечественных предприятий на региональные и мировой рынки. Повышается конкурентоспособность продукции, сохраняются и создаются новые рабочие места. В частности, в США в штате Техас при осуществлении конверсии (а именно в этом штате была сконцентрирована значительная часть ВПК) в рамках программы «Стратегия 2000» было создано несколько десятков тысяч рабочих мест для высвобожденных рабочих. Именно в этом штате началась глобализация малого бизнеса, не только создавались рабочие места, но и сам малый бизнес «выводился» за границу.

Во всех ПРС существуют либо государственные структуры (как в Техасе), либо одна-две компании, если и не с государственным капиталом, то сильно поддерживаемые государством, которые служат «тараном» на мировом рынке, способствуя затем выходу других национальных компаний на него.

Что делать с государственными предприятиями у нас? На сегодняшний день негосударственные предприятия дают не более 15 % ВВП. В Российской Федерации – уже более половины. Приватизация у нас приостановлена. Заработает ли эффективно государственный сектор сегодня, и прежде всего в промышленности, определяющей лицо современной белорусской экономики? По-видимому, нет. Ибо структура госсектора осталась на уровне времен социалистической индустриализации и тенденций к изменению ее нет.

В настоящее время ситуация в мировой экономике складывается таким образом, что если экономика РБ не осуществит переход к цивилизованным экономическим структурам ПРС, то завтра мы окажемся на обочине мирового экономического развития. В современных условиях вопрос необходимо ставить не столько об экономическом росте, сколько о модели экономического роста (развития), позволяющей выжить в рамках современной цивилизации в XXI в., заняв достойное место и не оказавшись в запоев зоне в центре Европы. Сегодня экономика Республики Беларусь может обеспечить реальный рост только как составная часть мировой экономики.

¹ См.: Белорусская газета. 2000. 12 июня. С. 11.

² См.: Privatization in Brasil. BNDES<Novembro, 12. 1998. P. 16.

³ См.: World Investment Report. Transnational Corporation, Market Structure and Competition Policy // UN.N.Y. Geneva, 1997. P. 15–16.

Н.П. КОРБУТ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Все государства с переходной экономикой сталкиваются с проблемой недостаточности доходов для поддержания прежних социальных стандартов качества жизни. В результате либерализации цен в ряде государств СНГ за чертой бедности оказалось, по данным различных опросов, от 20 до 50 % населения этих стран. И хотя Республика Беларусь по степени социально-экономического расслоения населения отличается наименее низким показателем коэффициента Джини* (28,3 % в 1998 г. при значении этого коэффициента, например, в России 37,9 %), тем не менее вопросы социаль-

* Коэффициент (индекс) Джини – статистический показатель, характеризующий степень отклонения фактического объема распределения располагаемых ресурсов населения от линии их равномерного распределения. Чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены ресурсы в обществе. Если у всех граждан доходы одинаковы, то коэффициент Джини равен нулю. Если же предположить, что весь доход концентрируется у одного человека, то коэффициент будет равен единице.

ной защищенности граждан заняли приоритетное место среди других вопросов экономической политики.

Проблема социальной цены экономических преобразований актуальна для всех без исключения стран, проводящих рыночные реформы. Если в 1989 г., по данным Всемирного банка, лишь 4 % населения стран этого региона жили за чертой бедности, то в 1999 г. – более 40 %. При этом в наиболее тяжелом положении оказалось население большинства стран бывшего Советского Союза и Южной Европы. Но и в более благополучных странах Центральной Европы, как отмечает ежемесячник «Business Central Europe», реальное увеличение доходов наблюдается не более чем у 30 % населения, почти у 20 % населения доходы, наоборот, резко упали. Наиболее благополучной страной является, пожалуй, Польша, где темпы экономического роста за последние четыре года составили в среднем 6 %, а индекс Джини в 1996 г. был равен всего 24 %.

В этих условиях снижению остроты социальных проблем способствует эффективно организованная политика расходования бюджетных средств, адекватная росту социальной напряженности в обществе. Бюджет играет важнейшую роль в социально-экономическом положении государства, особенно в переходный период. В Республике Беларусь можно выделить следующие основные социальные направления бюджетного финансирования (без капитальных вложений): *образование, культура, здравоохранение, субсидии жилищно-коммунальному хозяйству, городскому электротранспорту, дотации на топливо, Минтранс и метрополитену, на жилищное строительство, компенсации по вкладам, льготы и компенсации населению, пострадавшему в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС.*

В результате на финансирование затрат социально-культурных учреждений и мероприятий по социальной защите населения в 1997 г. израсходовано 58,8 % от всех расходов бюджета, в 1998 г. – 60,1, в 1999 г. – 60,9 %. В 2000 г. доля указанных затрат составит 63 %.

Бюджетно-налоговая политика призвана перераспределять доходы не в ущерб принципу материальной заинтересованности. Помимо сдерживания процессов резкой дифференциации населения по уровню получаемой прибыли, правительство должно учитывать общественно-политическую обстановку в стране и заботиться об общественном согласии.

В связи с названными задачами выделяются две проблемы: *в рамках каких моделей перераспределять национальные богатства между слоями общества и как ввести индексы бедности.*

Одним из важнейших теоретических вопросов социальной направленности бюджетной политики является выбор социальной модели, в рамках которой осуществляется политика государственных расходов, идет перераспределение произведенного валового внутреннего продукта. Известны две модели, которые имеют многолетнюю, достаточно хорошо разработанную методологию, между которыми наблюдаются существенные различия в методических подходах к решению практических задач: **утилитаризм и эгалитаризм.**

Утилитаризм своей целью ставит максимизацию суммы индивидуальных полезностей, для этого необходимо жертвовать интересами отдельного индивидуума ради коллективного благосостояния, чем гарантируется внешняя устойчивость сообщества при игнорировании внутренней.

В противовес утилитаризму суть эгалитаризма сводится к максимизации полезности наименее удачливого индивидуума, что на языке математики означает нахождение максимина (максимизация наименьшего из всех значений). Для модели эгалитаризма неприемлема схема, при которой может увеличиться богатство всех индивидуумов, кроме одного, прежнее богатство которого может немного уменьшиться (наименее удачливый из всех). Интересы отдельного индивидуума в данном случае приоритетны по срав-

нению с общим благосостоянием, из-за чего гарантируется внутренняя устойчивость в ущерб внешней. Приверженцы эгалитаризма всегда поддерживают перераспределение от богатого к бедному, если только богатый не становится беднее бедного. Эгалитаризм способствует укреплению общества, особенно в условиях переходной экономики, когда у большинства граждан нет уверенности в своем будущем социальном статусе. В то же время бюджетная политика государства не должна приводить к парадоксам типа «всеобщая нищета – вершина социальной справедливости».

Если проиллюстрировать работу утилитарной и эгалитарной социальных моделей на гипотетическом примере финансирования социальной сферы, в частности здравоохранения, то в их классических, крайних вариантах финансист должен:

а) в случае *утилитарной* модели распределять каждый дополнительный рубль бюджетных ассигнований таким образом, чтобы максимизировать суммарное приращение ожидаемой средней продолжительности жизни; отсюда может вытекать негуманное следствие – пренебрежение жизнью людей с тяжелыми формами врожденных заболеваний (так как их лечение несущественно повлияет на рост общей продолжительности жизни);

б) в случае *эгалитарной* модели приоритетным является финансирование расходов на лечение именно тех людей, которые выпадают из утилитарных программ финансирования здравоохранения, хотя это приводит к значительной потере средней продолжительности жизни всех индивидуумов в целом. В этом случае приоритетной является статья по приобретению дорогостоящего оборудования при отказе в закупках массовых лекарственных препаратов. Учитывая в принципе одинаковый вклад граждан в финансирование мероприятий здравоохранения, большинство из них будет отрицать эгалитарный подход.

Рассмотренные примеры условны и преднамеренно отражают крайности для того, чтобы точнее выразить основные противоречия в механизме финансирования социальной сферы, и здравоохранения в частности. Чтобы выяснить вопрос о доминировании одной из рассмотренных выше моделей применительно к финансированию здравоохранения в нашей республике, необходим исторический подход. Известно, что в бывшем СССР специализированные медицинские центры, оснащенные самым современным оборудованием и укомплектованные высококвалифицированным персоналом, были сконцентрированы в основном в Москве и Ленинграде. Однако последовавший распад СССР по сути изменил акценты в пользу утилитарной модели для здравоохранения нашей республики, притом что ликвидация масштабных последствий Чернобыльской катастрофы потребовала разработки целого направления в белорусской медицине. Построение союзного государства по сути означает восстановление элементов эгалитарной модели, так необходимой республике в настоящее время.

О существовании проблемы свидетельствуют следующие факты: в соответствии с Концепцией здравоохранения Республики Беларусь начиная с 2001 г. планируется предусматривать в основных прогнозных показателях социально-экономического развития показатель уровня расходов на здравоохранение к валовому внутреннему продукту. Расходы на здравоохранение в региональном аспекте будут планироваться исходя из норматива бюджетной обеспеченности на одного жителя областей и г. Минска. Норматив включает расходы на скорую помощь, стационарное и амбулаторное лечение, чем будет обеспечиваться финансирование структурной перестройки отрасли при условии сохранения гражданам страны общедоступности медицинского обслуживания.

Следует подчеркнуть, что, согласно «Докладу о развитии человека за 1999 г.», общественные расходы на здравоохранение в 1995 г. составили по Беларуси 5,3 % от ВВП, что выше, чем в среднем по странам Восточной Европы и СНГ (4,5 %), и почти совпадает со среднемировым уровнем (5,5 %).

Другая проблема бюджетной политики связана с неопределенностью в методических подходах измерения уровня бедности и, как следствие, низкой степенью адресности социальной помощи. Как свидетельствует опыт стран с переходной экономикой, в результате чрезмерного охвата льготами населения только незначительная часть средств распределяется по назначению, эффективно. В этой связи большое значение должно придаваться исследованиям по разработке действенных механизмов оказания социальной помощи населению для достижения большего результата при тех же или даже меньших финансовых ресурсах. В этом случае удельный вес ассигнований на социальную сферу в государственных расходах можно стабилизировать.

Чрезмерный охват населения льготами возник в силу того, что государство расширило обязанности по содержанию социальной инфраструктуры, которые раньше выполнялись предприятиями, что привело к общей нехватке ресурсов при их неравномерном распределении. Наблюдается ситуация, при которой разрыв в размере социальных льгот в расчете на семью в III кв. 1999 г. между низшей и высшей квинтильными группами достиг 300 % (в пользу высшей группы). Наибольшее различие между указанными группами населения наблюдалось по статье «Путевки в дома отдыха, санатории, пионерские лагеря и т. п.» – более чем в 23 раза. Именно эта статья социальной помощи занимает наибольший удельный вес в общем доходе высшей квинтильной группы по объему располагаемых ресурсов на члена семьи (2,1 %).

В переходный период общественного развития социальная цена общественных благ и продукции, прежде всего продовольствия, гораздо выше цены экономической. В этих случаях эффективные решения не могут приниматься только на основе рыночных механизмов. Например, если ребенок дошкольного возраста не получает 7 г чистого животного белка в сутки, то он остается умственно неполноценным на всю жизнь². Поэтому в комплексе предоставляемых социальных благ так важна действующая система льготного и бесплатного питания воспитанников дошкольных учреждений³. Так, расходы государственного бюджета на питание одного ребенка в детских дошкольных учреждениях, в зависимости от возраста детей и продолжительности пребывания, составляли в 1999 г. от 199 до 486 тыс. руб. в день.

Для детей старшего возраста и молодежи также действует система льготного питания. На конец 1999 г. расходы на одного воспитанника детских домов смешанного типа, общеобразовательных школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для детей с отклонениями в поведении и в семьях с неблагоприятными условиями жизни в зависимости от возраста составляли от 500 до 601 тыс. руб. в сутки. При этом до 25 % детей, находящихся в интернатах при школах, в зависимости от материального положения семей питаются бесплатно, остальные – с оплатой 50 % питания. Расходы бюджета на эти цели были равны от 376 до 482 тыс. руб. на одного ребенка в день. До 10 % учащихся, посещающих школы с продленным днем и группы продленного дня в общеобразовательных школах, питаются бесплатно и до 15 % учеников – с оплатой половины стоимости двухразового питания, что требовало бюджетных затрат от 224 до 293 тыс. руб. в день на одного ребенка. Для учащихся общеобразовательных школ, профессионально-технических и средних специальных учебных заведений, для которых организуется бесплатное питание в соответствии с Законом Республики Беларусь «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС».

Одним из направлений социальной политики государства в 2000 г. является выделение трансфертов учащейся молодежи. В республиканском бюджете удельный вес расходов на выплату стипендий составляет 21 % от общих расходов на содержание вузов.

Кризисные явления в жизни общества оказали негативное влияние на положение малообеспеченных семей, которых в республике насчитывается

более 500 тыс. Для поддержки данной категории граждан был разработан проект Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей». Особенность нового Закона в том, что размеры государственных пособий и уровень совокупного дохода, дающего право на их получение, сегодня увязываются с величиной минимального потребительского бюджета, что дает возможность в 1,5 раза повысить размеры пособий и на 10 % увеличить число их получателей. Введено дополнительное пособие одиноким матерям, воспитывающим ребенка в возрасте до 1,5 лет, размер которого равен 15 % минимального потребительского бюджета. Повышен до 40 % минимального потребительского бюджета размер пособия по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 16 лет. Названные пособия индексируются в соответствии с изменением потребительских цен.

Определенная поддержка осуществляется и через налоговые льготы. Так, подоходным налогом не облагаются получаемые по месту основной работы суммы заработной платы и иные виды денежных вознаграждений в размере двух месячных минимальных заработных плат на каждого ребенка для тех рабочих и служащих, которые воспитывают троих и более детей в возрасте до 18 лет. Для этой категории граждан плата за содержание детей в детских дошкольных учреждениях и за пользование учебниками снижается на 50 %, на 50 % уменьшается стоимость физкультурно-оздоровительных услуг.

В системе государственных мер социальной поддержки предусмотрены льготы матерям, воспитывающим троих и более детей в возрасте до 16 лет, которым предоставляется один свободный от работы день в неделю с оплатой его в размере среднего заработка.

Важное место в системе реформирования экономических процессов занимают вопросы пенсионного обеспечения. Общее число пенсионеров достигает 2,5 млн человек, что составляет 25 % общей численности населения страны. Для этой группы граждан законодательно установлена система мер материальной поддержки. Пенсии выплачиваются регулярно, а их средний размер в сентябре 1999 г. составил 9179,7 тыс. руб., или 40 % к средней заработной плате. Согласно действующему законодательству, пересчет пенсий органами социального обеспечения должен производиться в случае, когда рост средней заработной платы превысит 15 %. Однако в связи с высоким уровнем инфляции пересчет трудовых пенсий проводится ежемесячно. Ограничение возможностей бюджета не позволяет в полной мере решить вопросы приемлемого уровня минимальных и средних пенсий. До сих пор не разработана система объективной дифференциации пенсий в зависимости от трудового стажа.

В ближайшее время эти и другие социальные меры, как и политика государственных расходов по финансированию социально-культурных учреждений и мероприятий в целом, должны быть тесно увязаны с уровнем доходов и расходов домашних хозяйств – получателями заработной платы, дотаций и прочих социальных выплат. С целью более углубленного изучения тенденций, складывающихся в области формирования денежных доходов и расходов домашних хозяйств по областям республики, их взаимосвязи с корректирующими коэффициентами среднереспубликанского норматива бюджетной обеспеченности жителя страны по отраслям производственной сферы были использованы методы многомерного статистического анализа.

В частности, с помощью методов кластерного анализа шесть областей и столица республики распределены на три группы (кластера), отличающиеся друг от друга средним уровнем основных статей расходов домашних хозяйств (табл. 1).

Материалы табл. 1 указывают как на динамику смены состава трех кластеров на протяжении 1996–1998 гг., так и на варьирование по годам средних значений показателей по каждому кластеру.

Таблица 1

**Распределение регионов республики по структуре денежных расходов
домашних хозяйств в 1996–1998 гг., %**

Показатели	Годы								
	1996			1997			1998		
	Группы и номера кластеров								
	I			II			III		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1. Потребительские расходы	87,76	83,40	90,10	87,64	85,20	91,50	89,18	86,10	85,70
2. Расходы на личное подсобное хозяйство	4,00	4,30	0,80	3,84	3,50	0,70	2,38	2,85	2,20
3. Материальная помощь родственникам и знакомым	2,94	3,50	2,00	3,18	3,00	2,10	3,02	2,90	4,00
4. Вклады в учреждения банков	1,14	2,60	0,80	1,34	1,50	1,10	0,93	1,45	3,90
5. Покупка недвижимости	1,44	1,70	3,30	0,84	3,80	0,70	1,03	0,50	0,10
6. Покупка иностранной валюты	1,24	3,40	1,60	1,78	1,60	2,60	1,90	4,90	2,10
7. Прочие расходы	1,48	1,10	1,40	1,38	1,40	1,30	1,57	1,30	2,00

Рассчитано по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.

I - в кластер № 1 вошли Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская и Могилевская области, № 2 – Брестская область, № 3 – г. Минск.

II - в кластер № 1 вошли Брестская, Гомельская, Гродненская, Минская и Могилевская области, № 2 – Витебская область, № 3 – г. Минск.

III - в кластер № 1 вошли Витебская, Гомельская и Минская области, № 2 – Брестская и Гродненская области, № 3 – Могилевская область.

Проведенными исследованиями подтверждается роль личного подсобного хозяйства как важнейшего источника доходов населения: выявлена сильная отрицательная корреляционная зависимость между расходами на ведение личного подсобного хозяйства и потребительскими расходами, в которых половину занимала статья «покупка продуктов питания» (табл. 2).

Таблица 2

**Корреляционная матрица зависимости между основными статьями расходов
домашних хозяйств в 1996–1998 гг.**

	1	2	3	4	5	6	7
1. Потребительские расходы	1						
2. Расходы на личное подсобное хозяйство	-0,754	1					
3. Материальная помощь родственникам и знакомым	-0,774	0,621	1				
4. Вклады в учреждения банков	-0,641	0,205	0,817	1			
5. Покупка недвижимости	-0,062	0,015	-0,382	-0,359	1		
6. Покупка иностранной валюты	-0,328	0,046	0,087	0,174	-0,395	1	
7. Прочие расходы	0,044	-0,218	0,451	0,498	-0,313	-0,392	1

Рассчитано по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.

Расходы на ведение личного подсобного хозяйства, в первую очередь, положительно коррелированы с расходами на оказание материальной помощи родственникам и знакомым, во вторую – с ростом вкладов в учреждения банков. Как отмечает А. Каспар: «Национальная экономика любой страны базируется на сельском хозяйстве, а все другие сферы деятельности существуют только за счет экономии труда в этой отрасли».

Для того чтобы рассчитать количественные параметры указанных связей, был проведен регрессионный анализ основных статей денежных расходов домашних хозяйств за 1996–1998 гг. Результаты анализа подтверждают наличие отрицательной зависимости потребительских расходов от расходов на личное подсобное хозяйство. В свою очередь потребительские расходы оказывают значительное влияние на размеры материальной помощи родственникам и знакомым. Положительная зависимость существует также между денежными вкладами в учреждения банков и материальной помощью родственникам и знакомым.

Уравнения связи имеют следующий вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} X_1 = 91,4 - 0,75X_2 \quad R^2 = 0,6; \quad F = 9,3) F_{кр} = 5,59 \\ \text{(с.о.) (1,8) (1,4) (0,25)} \\ X_3 = 19,3 - 0,77X_1 \quad R^2 = 0,6; \quad F = 10,5) F_{кр} = 5,59 \\ \text{(с.о.) (0,42) (5,05) (0,25)} \\ X_4 = -2,2 + 0,82X_3 \quad R^2 = 0,6; \quad F = 14,1) F_{кр} = 5,59 \\ \text{(с.о.) (1,8) (1,4) (0,25)} \end{array} \right.$$

где X_1 , X_2 , X_3 , X_4 – доля в расходах домашних хозяйств соответственно потребительских расходов, расходов на личное подсобное хозяйство, на материальную помощь родственникам и знакомым, вкладов в учреждения банков, %.

Коэффициенты множественной корреляции и детерминации R во всех уравнениях системы равны 0,6, что свидетельствует о существенном влиянии рассматриваемых факторов друг на друга. Дисперсионное отношение F во всех уравнениях больше критического ($F_{кр}=5,59$). Следовательно, регрессионные модели адекватны фактическим данным.

Анализ коэффициентов уравнений регрессии указывает, что наибольшее влияние на потребительские расходы домашних хозяйств оказывают расходы на личное подсобное хозяйство. Причем дополнительное увеличение на 1 % расходов на личное подсобное хозяйство приводит к уменьшению на 0,75 % потребительских расходов. Дополнительное же увеличение потребительских расходов на 1 %, в свою очередь, приводит к уменьшению доли материальной помощи родственникам и знакомым на 0,77 %. Рост материальной помощи родственникам и знакомым оказывает положительное влияние на повышение доли вкладов в учреждения банков. Так, при дополнительном увеличении на 1 % материальной помощи родственникам и знакомым доля вкладов в учреждения банков увеличивается на 0,82 %.

Что касается доходов домашних хозяйств, то установлена заметная (по шкале Чеддо-ка) величина связи между корректирующими коэффициентами среднего республиканского норматива бюджетной обеспеченности жителя по отраслям непроизводственной сферы, с одной стороны, и областными значениями средних располагаемых ресурсов на душу населения – с другой. Коэффициент корреляции равен 0,6. В то же время связь между первым показателем и удельными весами домашних хозяйств со среднедушевыми располагаемыми ресурсами ниже прожиточного минимума и, как следовало ожидать, характеризуется отрицательной зависимостью. Коэффициент корреляции в этом случае равен – 0,6. Другими словами, корректирующие коэффициенты в целом достаточно объективно отражают имущественное положение населения регионов. Однако требуется более тщательный учет в методических разработках региональных особенностей. Параллельно должна вестись работа по усилению адресной направленности социальных расходов бюджета и снижению на этой основе социальной цены экономических преобразований в переходный период. Ведущая роль в указанных процессах принадлежит совершенствованию методологических подходов и законодательства по обеспечению государственных минимальных социальных стандартов.

Таким образом, наши исследования показали, что курс на социальную направленность бюджетной политики государства в переходный период в целом доказал свою эффективность. Не было допущено сильного расслоения граждан по размерам получаемых доходов, а значит, обеспечено общественное согласие в вопросе дальнейших рыночных преобразований. Высокий уровень государственных расходов на образование, культуру и здравоохранение позволил сохранить, а по отдельным направлениям и приумножить материальную базу для наращивания экономического потенциала республики.

¹ См.: Доклад о развитии человека на 1999 год. Нью-Йорк, 1999. С. 188–191.

² См.: Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М., 1990. С. 563.

³ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 1999 г. № 1477 «О бесплатном обеспечении продуктами питания детей первых двух лет жизни при условии, что совокупный доход на члена семьи в месяц не превышает 20 % среднедушевого минимального потребительского бюджета семьи из 4-х человек за предшествующий квартал». (Принято в целях социальной поддержки малообеспеченных, многодетных и неполных семей).

⁴ Caspar A. Wirtschaften in der Zukunft. Der Weg aus der Sackgasse. Zurich, 1996. S. 95.

А.А. РАКОВЕЦ

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ МИРОВОГО ЭКСПОРТНОГО РЫНКА

В настоящее время для мирового рынка товаров и услуг характерным является опережающий рост экспорта по сравнению с динамикой ВВП. Указанная тенденция наметилась уже после окончания Второй мировой войны, и в период 1950–1999 гг. прирост международной торговли составлял в среднем 6 % в год, в то время как среднегодовой прирост мирового производства равнялся 4 %.

Республика Беларусь поддерживает торгово-экономические отношения с более чем 140 странами мира. На протяжении 90-х гг. динамика экспорта из республики находилась под воздействием целого ряда факторов. До 1993 г. основной тенденцией было снижение экспортной активности, что явилось следствием нарушения торговых потоков в сложившейся системе обмена между странами в составе бывшего СССР. В период 1993–1994 гг. стабилизация экспорта произошла за счет роста бартерных операций. В дальнейшем проведение мероприятий по внутренней стабилизации в стране привело к дальнейшему ухудшению внешнего баланса (рис. 1).

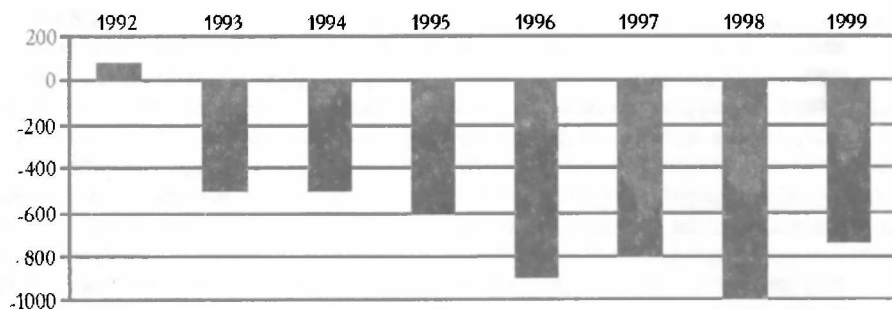

Рис. 1. Динамика сальдо торгового баланса товаров и услуг Республики Беларусь в 1992–1999 гг., млн долл.

На протяжении второй половины 90-х гг. для внешнеэкономической политики Беларуси были характерны две противоположные тенденции: с одной стороны, имела место значительная степень открытости отечественной экономики – вовлечение республики в международное разделение труда, существенная зависимость национального воспроизводства от внешнеэкономических связей, взаимодействие с международными торговыми и финансовыми институтами, с другой – отказ от курса на либерализацию внешнеторговых и валютных операций, усиление системы директивного управления внешнеэкономическими связями и формирование механизма их государственного регулирования.

В период 1996–1999 гг. основной тенденцией в белорусской экономике был рост инфляционных ожиданий и спроса на валюту внутри страны. Большинство предприятий-экспортеров в республике одновременно являются импортерами сырья, материалов, оборудования, технологий. Директивное курсообразование и искусственно завышенный курс национальной валюты стали одними из основных факторов ухудшения финансового состояния экспортеров и падения в 1998–1999 гг. объемов экспорта из Бела-

руси в натуральном и денежном выражении при положительной динамике ВВП (рис. 2).

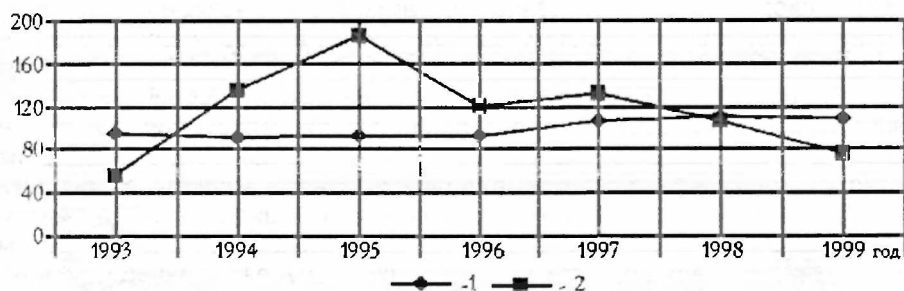

Рис. 2. Соотношение динамики экспорта товаров и услуг и ВВП Республики Беларусь, (%),
1 – ВВП, 2 – экспорт товаров и услуг (в долл. выражении)

Мировой опыт показывает, что открытость экономики в принципе расширяет возможности использования внешних факторов в интересах ускорения развития. Она позволяет увеличить масштабы применения в национальном хозяйстве уже освоенных за рубежом передовых технологий, новых поколений машин и оборудования, современного опыта управления производством и сбытом, привлекать из-за границы дополнительные материальные и финансовые ресурсы, включаться в международную производственную кооперацию.

С открытием экономики внешнеэкономические связи стали для Беларуси важным инструментом поддержания относительного макроэкономического равновесия. Поставки на внешний рынок помогают сдерживать падение производства и уменьшение занятости в промышленных отраслях, валютные поступления от экспорта через механизм обязательной продажи позволяют частично обеспечить расчеты за получаемые республикой энергоносители. Закупки продукции за рубежом способствовали более полному насыщению потребительского рынка страны. Иностранные инвестиции в определенной мере компенсировали снижение объемов отечественных государственных и частных капиталовложений (рис. 3).

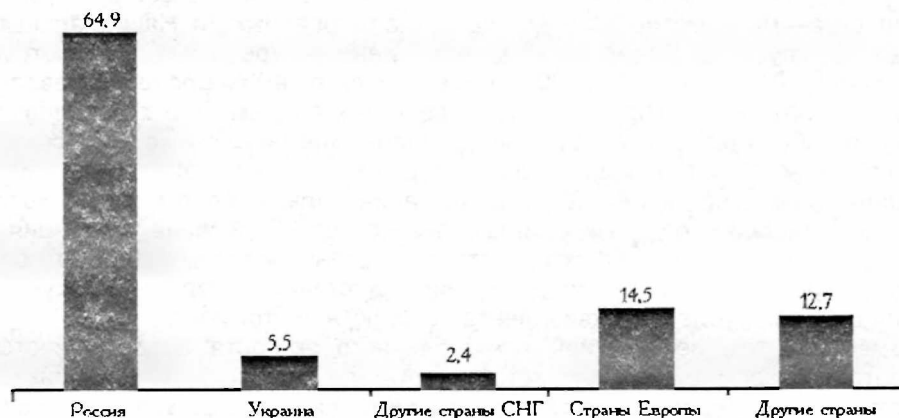

Рис. 3. Основные рынки сбыта Республики Беларусь в 1998 г.
(по показателю удельного веса экспорта в страну), %

Однако при реализации курса на открытость экономики недооценивался зарубежный опыт. Ведь усиление открытости влечет за собой не только выгоды, но и определенные опасности, особенно странам с развивающейся и переходной экономикой. Возникает риск подавления национальных производителей иностранными конкурентами, возрастания зависимости отдельных отраслей от мировой конъюнктуры, от торговой и финансовой политики промышленно развитых стран, угрозы дестабилизации финансовой системы и денежного обращения.

Российский кризис в августе 1998 г. продемонстрировал, что Беларусь существенно зависит от внешних факторов и в достаточно высокой степени втянута в систему мирового хозяйства. Также стало очевидным, что даже частичная изоляция от внешних рынков, несбалансированность внешне-экономической, прежде всего, экспортной политики, концентрация экспортных рисков осложняют функционирование экономики и обеспечение макроэкономического равновесия. Моментальная потеря белорусскими экспортерами российского рынка сбыта, на который было ориентировано их производство и который в 1998 г. потреблял 64,9 % объема экспорта республики, обвал курса российского рубля обернулись для национальной экономики невосполнимыми убытками. Одновременно с уменьшением экспортной выручки сократились возможности приобретения за рубежом инвестиционных товаров, необходимых для модернизации производства, стратегических сырья и материалов, иных товаров, не производимых в стране, включая медикаменты и продукты питания (кофе, чай, цитрусовые и т. д.). Возникли дополнительные трудности в функционировании внутреннего валютного рынка.

Очевидно, что оперативное освоение Республикой Беларусь новых рынков сбыта и наращивание объемов экспорта являются достаточно проблематичными, т. к. ее экспортные ресурсы ограничены и в ближайшей перспективе существенно не расширятся. Стабилизация и обеспечение ежегодного прироста макроэкономических показателей в стране за счет экспорта товаров и услуг требуют существенных изменений как внутренней, так и внешней политики государства и механизмов его взаимодействия с участниками экономических процессов. Развитие экспорта товаров и услуг представляет собой государственную программу, основные параметры которой определены целым рядом разработанных и принятых документов, в частности «Концепцией социально-экономического развития Республики Беларусь до 2015 года», «Государственной программой импортозамещения», «Основными положениями национальной программы развития экспорта Республики Беларусь на 2000–2005 годы».

Анализ развития ситуации в Беларуси и на внешних рынках позволяет говорить о том, что условия для развития хозяйственных связей с зарубежными странами заметно изменились. Начало реализации Национальным банком Республики Беларусь Концепции денежно-кредитной и валютной политики на IV кв. 1999 г. и 2000 г., более высокие темпы плановой девальвации белорусского рубля с целью перехода к единому его курсу, значительная либерализация в 2000 г. внутреннего валютного рынка и обеспечение свободного доступа к валютным ресурсам для всех субъектов хозяйствования, возможности легальной реализации валюты по рыночным котировкам принесли очевидный выигрыш экспортерам. Прервана тенденция к неуклонному падению эффективности экспортных операций, при которой затраты производителей на изготовление и доставку экспортной продукции росли быстрее рублевого эквивалента ее валютной стоимости.

Вместе с тем перспективы отечественного экспорта представляются достаточно скромными. В отсутствие структурных сдвигов в экономике в среднесрочный период Беларусь по-прежнему сможет выступать на мировом рынке лишь в качестве экспортера низко- и среднетехнологичной продукции. При этом, как предусмотрено «Основными положениями национальной программы развития экспорта Республики Беларусь на 2000–2005 годы», приоритетная ориентация сбыта по-прежнему сохранится в направлении России и других стран СНГ (рис. 4).

В силу целого ряда объективных факторов Республика Беларусь вряд ли сможет стабильно наращивать физические объемы поставок наиболее значимых видов экспортной продукции. Готовые изделия белорусского производства, за редким исключением, неконкурентоспособны как по цене (затраты на изготовление отечественных готовых товаров выше мировых цен), так и по качеству. Для достижения конкурентоспособности отечественным

обрабатывающим отраслям требуется серьезная техническая модернизация, что сопряжено со значительными капитальными вложениями. Очевидно, что в условиях, когда большинство промышленных предприятий испытывает недостаток даже оборотных средств, рост собственных инвестиций маловероятен.

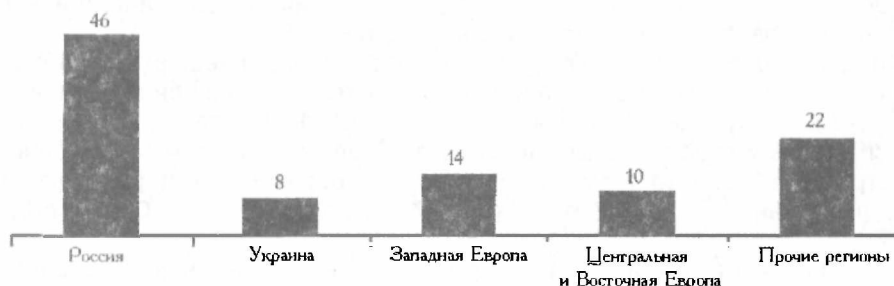

Рис. 4. Регионально-страновые приоритеты экспорта товаров и услуг Республики Беларусь на 2005 г., %

Несмотря на наличие многочисленных программ, в стране до сих пор не создана действенная система государственного содействия развитию экспорта, которой, как показывает мировой опыт, даже при выходе обрабатывающих отраслей на мировой уровень конкурентоспособности весьма сложно обеспечить расширение машинно-технического и другого наукоемкого экспорта. Отсутствие источников государственного финансирования не способствует в ближайшей перспективе реальной государственной поддержке и существенным сдвигам в динамике и структуре внешней торговли.

Следует отметить, что продолжающийся в 1999 г. процесс наращивания собственного капитала банковской системы республики, ее ресурсного потенциала недостаточен для обеспечения финансирования экспортных программ. Ситуация дополнительно усугубляется необходимостью выполнения заданий по кредитованию агропромышленного комплекса и жилищного строительства. В ближайшее время не приходится рассчитывать и на ощутимый рост объемов иностранного капитала, привлекаемого для сбалансирования бюджета или реализации инвестиционных программ.

Вряд ли стоит рассчитывать на существенный рост поступлений от экспорта вооружений и техники военного назначения, в т. ч. от реализации проектов с участием российского ВПК. Рынок этой продукции достаточно узок, и его доля в международном обороте сокращается. После вступления в НАТО некоторых стран, бывших членов Варшавского договора, оснащавших свои армии российским оружием, возможности его сбыта сузились, в том числе и в рамках погашения задолженности бывшего СССР.

Объемы импорта в ближайшие годы будут зависеть от темпов восстановления покупательной способности предприятий и населения и динамики валютного курса рубля. Увеличение импорта продукции инвестиционного назначения можно ожидать только после начала устойчивого экономического роста и нормализации финансового положения предприятий.

Перенос акцентов на импортозамещение повлечет за собой структурные изменения в импорте и экспорте. Возможны снижение удельного веса импорта продукции пищевой и легкой промышленности, изделий элитного спроса, предметов роскоши и соответствующее повышение доли машин, оборудования и приборов, узлов, деталей и запасных частей, сырья и материалов, не производимых в Беларуси, а также передовых технологий. Вместе с тем увеличение внутри страны спроса на отечественную продукцию повлечет за собой снижение экспортного потенциала ввиду ограниченности внешних ресурсов.

Весьма перспективным представляется развитие в республике экспорта услуг, который, в отличие от вывоза товаров, не требует больших инвести-

ционных вложениях и временных затрат, но вместе с тем может стать значительным источником валютных поступлений. Тенденция к опережающим темпам увеличения объемов торговли услугами по сравнению с торговлей товарами является в настоящее время характерной для всего мирового рынка. К примеру, для двукратного роста международного экспорта услуг потребовалось всего семь-восемь лет, в то время как для аналогичного увеличения товарного экспорта было необходимо 15 лет.

Следует подчеркнуть, что в последние годы сальдо внешнеторгового баланса услуг Беларуси имеет стабильно положительное значение. Основными видами услуг, обеспечивающими положительное сальдо, являются транспортные и строительные, переработка нефти. При этом географическая структура экспорта услуг имеет характер, обратный экспорту товаров: на долю стран СНГ приходится около 34 %, на страны вне СНГ – около 66 %.

Отметим, что развитие экспорта услуг – сравнительно новое направление внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь. Национальной программой развития экспорта предусматривается увеличение к 2005 г. экспорта услуг на 30 % по отношению к уровню 1999 г. При этом основной упор делается на транспортные, нефтеперерабатывающие и строительные услуги, а также на развитие туризма, составляющего в настоящее время более 33 % мирового объема экспорта услуг.

В.В. БУРАКОВ

РЫНОЧНЫЙ РИСК В БАНКОВСКОМ ДЕЛЕ: ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Наблюдаемые потрясения финансовых систем свидетельствуют о том, что несовершенство общепринятой методологии управления рыночным риском связано, прежде всего, с недостаточным вниманием к этим вопросам. В академической литературе, документах, утвержденных органами, регулирующими банковскую деятельность, используются два широко распространенных подхода определения термина «рыночный риск».

Первый подход *отталкивается от портфельной теории Марковица* (Markowitz), которая предполагает разделение портфельного риска на две составляющие: несистематический (специфический) риск, связанный только с дисперсиями отдельных доходностей, и риск, определяемый корреляциями между доходностями активов, включенных в портфель, который называют систематическим, а в рамках данной традиции также и рыночным.

Разделение компонентов риска имеет определенные причины: специфический риск связан с особенностями конкретного эмитента, а систематический (рыночный) – с системными факторами.

Различные причины ведут к неодинаковому поведению этих рисков, когда количество активов, включаемых в портфель, увеличивается. С расширением портфеля несистематический риск уменьшается, тогда как систематический усредняется.

Определяя роль и место рыночного риска в системе рисков банковской деятельности, следует отметить, что он является основной составляющей всех финансовых рисков, выделяемых по различным классификационным признакам, и реализуется в самых разнообразных формах. Для банков традиционно выделялись две важнейшие формы, связанные с изменчивостью в общем уровне процентных ставок (процентный риск), а также с изменчивостью относительной стоимости валют (валютных курсов). Однако последствия недавних кризисов делают очевидной необходимость серьезно оценивать и систематическую компоненту кредитного риска и риска ликвидности.

Определяя систематическую компоненту кредитного риска, следует отметить, что реальный риск по кредиту – это отклонение состояния портфеля от его ожидаемой оценки. Кредитный риск диверсифицируется, но полностью не исключается. Именно поэтому часть риска невыполнения контрагентом обязательств может быть результатом рыночного риска.

Риск ликвидности, как известно, проявляющийся в двух основных формах: рыночной ликвидности, связанный с невозможностью проведения операций по уровням около текущей рыночной цены; фондирования – невозможности приобрести ресурсы для выполнения обязательств – также тесно связан с рыночным. Систематические факторы должны учитываться, поскольку могут вызывать резкое наполнение открытых, но не использованных кредитных линий и снижение остатков на счетах клиентов (особенно в период валютных кризисов, кризисов доверия). В любом случае риск-менеджмент сосредоточивается на ликвидности активов, структуре пассивов, рынков, в том числе и с позиций анализа системных факторов, т. е. рыночного риска.

Рассмотрение указанного подхода заставляет задуматься над тем, чем же обусловлено наличие второго подхода, которого придерживаются органы, регулирующие банковскую деятельность.

Для иллюстрации второго подхода можно привести следующие определения, даваемые рыночному риску Базельским комитетом по банковскому надзору (Basle Committee on Banking Supervision далее по тексту – Базельский комитет), Международной организацией комиссий по ценным бумагам (International Organization of Securities Commissions – далее по тексту – IOSCO), Национальным банком Республики Беларусь (табл. 1).

Таблица 1

ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЫНОЧНОГО РИСКА

Источник	Определение
Базельский комитет	Банки несут риск убытков по балансовым и внебалансовым позициям в связи с движениями рыночных цен. В соответствии с общепринятыми правилами бухгалтерского учета эти риски обычно наиболее очевидны при спекулятивных операциях, независимо от проведения операции с долговыми инструментами или акциями, иностранной валютой или позициями по товарам. Специфическим элементом рыночного риска является валютный риск. Банки действуют как «маркет-мейкеры» по иностранной валюте, устанавливая курсы для своих клиентов и занимая открытые позиции по валютам. Риски, присущие валютному дилингу, особенно по поддерживаемым открытым валютным позициям, увеличиваются в течение периодов нестабильности валютных курсов ¹ .
IOSCO	Риск того, что позиция не будет так прибыльна, как ожидал инвестор, из-за колебаний рыночных цен или ставок (например, цен на акции, процентных ставок, валютных курсов или цен на товары) ² .
Национальный банк Республики Беларусь	Рыночный риск обусловлен возможным воздействием рыночных факторов, влияющих на стоимость активов, пассивов или забалансовых статей. В ряде случаев термин «рыночный риск» уравнивается с понятием «ценовой риск». На точность определения рыночного риска также влияют применяемые правила бухгалтерского учета. В наибольшей степени он становится очевиден, когда финансовый институт оценивает стоимость статей своего баланса исходя из рыночной стоимости по состоянию на конец каждого рабочего дня ³ .

Определяя рыночный риск как связанный с колебаниями рыночных цен, сторонники данного подхода относят к нему и колебание цен, связанное исключительно с особенностями конкретного актива и обусловленное системными факторами, т. е. и систематический, и несистематический.

Следует отметить, что Базельский комитет распространил свой контроль за рыночными рисками на «риски, принадлежащие инструментам, связанным с процентными ставками, и акции в портфеле для перепродажи: спекулятивный портфель (trading book); валютный риск и товарный риск в целом по банку»⁴. В результате из рассмотрения выпал рыночный риск,

связанный с неспекулятивной деятельностью банка, в том числе и процентный риск.

Для того чтобы выработать на основе этих различных «традиций» единый и обоснованный подход к определению рыночного риска и его места в системе рисков, рассмотрим причины существующих расхождений. Для этого необходимо сопоставить те классификации рисков банковской деятельности, которые предлагаются в рамках различных подходов к проблеме рыночного риска.

В табл. 2 приведены классификации основных рисков, с которыми сталкиваются банки в своей деятельности, по мнению Э. Сантомеро (A. Santomero)⁵ – как представителя первой «традиции», Базельского комитета⁶, IOSCO⁷ и Национального банка Республики Беларусь⁸ – как представителей второй «традиции».

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ РИСКИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Базельский комитет	IOSCO	Национальный банк РБ	Э. Сантомеро
Кредитный риск	Кредитный риск	Кредитный риск	Кредитный риск
–	–	–	Риск контрагента
Страновой риск и риск перевода	–	–	–
Рыночный риск	Рыночный риск	Рыночный риск	Систематический (рыночный риск)
Процентный риск	–	Процентный риск	–
Риск ликвидности	Риск ликвидности	Риск ликвидности	Риск ликвидности
Операционный риск	Операционный риск	Операционный риск	Операционный риск
Юридический риск	Юридический риск	Юридический риск (правовой)	Юридический риск
–	Системный риск	–	–
Риск репутации	–	Риск репутации	–
–	–	Риск потери управляемости	–
–	–	Региональный риск	–

Очевидно, что различия в классификации основных рисков банковской деятельности могут быть связаны с различными принципами, классификационными признаками, положенными в ее основу. Безусловно, вряд ли следует оспаривать обоснованность выделения тех или иных групп риска. Вместе с тем их классификация кладется в основу всей системы управления рисками, и произвольность в этом выборе приводит к тяжелым последствиям (особенно, если подход не соответствует целям **управления** рисками).

Следует отметить, что выделение процентного риска объясняется особенностями одобренных ранее соглашений по стандартам достаточности капитала.

Присутствие таких видов риска (во всех классификациях), как кредитный (несистематическая компонента), рыночный, ликвидности, операционный и юридический, объясняется различностью их сущности, причин возникновения как единого классификационного критерия. Относительно таких видов рисков, как страновой, перевода, репутации, системный и контрагента, этого сказать нельзя.

По своему содержанию страновой риск и риск контрагента полностью охватываются рыночным и кредитным рисками.

Риск перевода, как определяет Базельский комитет, возникает, когда обязательство заемщика выражено не в местной валюте, в т. ч. и в связи с возможной ее недоступностью. Фактически риск перевода детерминирован юридическим и рыночным рисками.

В определении риска репутации сразу указываются причины его возникновения – операционный риск, несоответствие деятельности законода-

тельству и нормам регулирования банковской деятельности (юридический риск).

Системный риск, или риск эффекта «домино», когда в результате краха одного финансового института рушится вся система, определяется степенью слабости самой системы и отдельного его звена. Такое явление может быть следствием какого-либо риска или их сочетания.

Становится очевидным, что зачастую в классификациях рисков наблюдается нарушение принципов их формирования. Так, наряду с основными рисками выделяются в самостоятельные виды те из них, которые на самом деле носят подчиненный характер и могут рассматриваться в отдельности лишь по признаку формы проявления, организационно-правовой формы стороны сделки, валюты операции и т. п. Для составления более общей классификации рисков следует последовательно пользоваться принципом – один признак на каждом уровне классификации.

Необходимо определить, какой классификационный признак должен быть положен в основу общей классификации рисков, предназначенной для решения конкретной задачи, – построение эффективной системы управления рыночными рисками в Коммерческом банке.

Кризисные явления в мировой банковской системе показывают, что в условиях постоянно меняющегося и динамично развивающегося мира риск-менеджмент – ключевая функция управления банком. При этом для достижения успеха в конкурентной борьбе банк должен идти к достижению своей цели по оптимальному пути, т. е. схема потока информации в рамках классической цепи – планирование, учет, анализ, регулирование – должна быть простой и эффективной. Кратчайший путь к решению проблемы – выявление ее причин. Учитывая все вышесказанное, для построения системы управления рыночными рисками важны, прежде всего, не внешние признаки рисков, а причины их возникновения, от которых должен строиться и весь процесс управления риском.

Построение системы управления рисками на основе неоптимальной классификации может привести к тому, что реально открытые позиции остаются незамеченными в силу опоры на внешние формы проявления риска, что зачастую приводит к непоправимым последствиям. Например, чем объяснить, что крупные западные банки считали возможным вести масштабные операции по кредитованию российских банков под залог ценных бумаг? При оценке риска подобных операций оценивался кредитный риск как таковой, но без учета его систематической компоненты (рыночного риска). В этом случае российский банк, приобретая ценные бумаги со сроком погашения в несколько лет и более, открывал (по сути вместо иностранного банка) несоразмерную с его возможностями позицию как раз по рыночному риску.

Такая ситуация стала возможной благодаря ориентации при построении системы управления рисками на признак субъекта (непосредственного контрагента).

Предлагаемое в рамках второго подхода определение понятия «рыночный риск» как риска, связанного с изменением рыночных цен (условий) и проявляющегося, как следствие, при переоценке по рыночным ценам активов и пассивов, вызывает ряд вопросов.

Одним из основных элементов рынка является цена. Применительно к финансовым рынкам этими ценами могут быть процентные ставки, обменные курсы, товарные цены, цены акций. Так, изменение какой-либо цены автоматически затрагивает стоимость соответствующего актива. Рост общего уровня процентных ставок приводит к необходимости повышения стоимости кредитов (для сохранения чистой текущей стоимости актива и банка в целом), что одновременно приводит к снижению кредитоспособности заемщика, если последний не имеет эффективного механизма управления этим риском. Изменение ценовых пропорций на рынке сырья и готовой продукции может иметь аналогичные последствия. В любом случае

ухудшение качества активов (кредитного портфеля) должно находить отражение в величине чистой стоимости банка. Величина ее снижения в данном случае, как следствие изменения рыночных цен и наличия открытых позиций банка, представляет собой, если следовать логике второго подхода, оценку рыночного риска. Таким образом, можно прийти к выводу, что любой риск контрагента (при выдаче кредита, заключении межбанковской сделки, приобретении иностранных активов), риск ликвидности во многом обусловлены изменениями цен и определяются на основе ценовых характеристик позиций. Определение рыночного риска в рамках второй «традиции» подменяет собой определение риска как такового – возможность отклонения дохода от ожидаемого, или среднего значения. Доход же определяется структурой позиций и уровнями цен. В связи с этим рыночный риск, согласно второй «традиции», можно охарактеризовать как риск деятельности вообще и, согласно второму подходу, он должен просто заменить понятие риска.

Сложность практической реализации и очевидная необоснованность такого подхода, его бесполезность и даже вредность, с точки зрения организации управления рисками в Коммерческом банке, находят свое отражение в требовании Базельского комитета включать в систему управления рыночным риском блок оценки риска неисполнения обязательств контрагентом (риск дефолта), т. е. кредитный риск, а в рамках оценки кредитного риска и ликвидности производить оценку общих экономических факторов, внешних условий (т. н. общий рыночный риск по терминологии Базельского комитета). Такое условие отражается и на качестве предлагаемой к использованию методологии управления рисками.

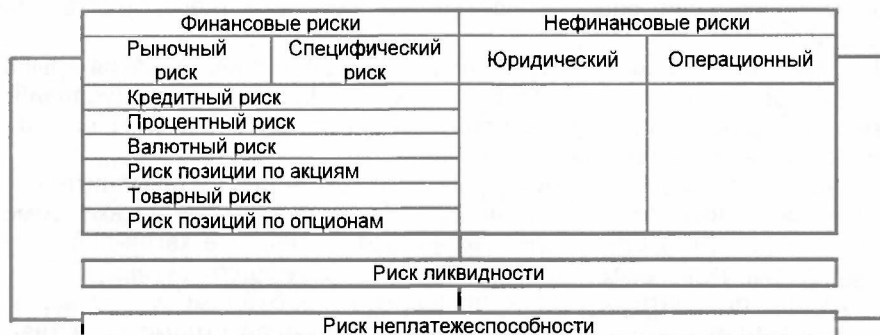
В связи с этим первый подход представляется обоснованным, недостатки же второго связаны с его значительной ориентацией на внешние проявления риска как основы для классификации.

При организации управления рыночным риском представляется целесообразным исходить из того, что все финансовые риски содержат систематическую (рыночный риск) и несистематическую компоненты. Иначе говоря, по признаку причины возникновения следует выделять только два вида финансового риска:

1. Систематический (рыночный) риск, обусловленный системными факторами;
2. Специфический риск, присущий конкретному субъекту, зависящий от его состояния и определяющийся его конкретной спецификой.

Для дальнейшего обоснования структуры системы управления рыночным риском можно определить общую схему основных рисков банковской деятельности (рисунок).

Основные банковские риски и их взаимосвязь

¹ См.: Core Principles for Effective Banking Supervision / Basle Committee on Banking Supervision. Basle, 1997. P. 21.

² См.: Methodologies for Determining Capital Standards for Internationally Active Securities Firms / IOSCO. 1998. P. 3.

³ См.: Рекомендации по организации системы внутреннего контроля в банках за рисками банковской деятельности: Утв. Правлением Национального банка Республики Беларусь 31.03.99 г. № 23-09/135 // Банк. вестн. 1999. № 7. С. 59.

⁴ Amendment to the Capital Accord to Incorporate Market Risks/ Basle Committee on Banking Supervision. Basle, 1996. P. 1.

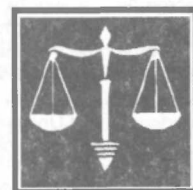
⁵ См.: Santomero A. M. Commercial Bank Risk Management: An Analysis of the Process / The Wharton School University of Pennsylvania. 1996. P. 9.

⁶ См.: Core Principles for Effective Banking Supervision / Basle Committee on Banking Supervision. Basle, 1997. P. 20–22.

⁷ См.: Methodologies for Determining Capital Standards for Internationally Active Securities Firms / IOSCO. London, 1998. P. 3.

⁸ См.: Рекомендации по организации системы внутреннего контроля в банках за рисками банковской деятельности: Утв. Правлением Национального банка Республики Беларусь 31.03.99 г. № 23-09/135 // Банк. вестн. 1999. № 7. С. 58–59.

Права

Ю.В. БУЛАВКО

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА РУБЕЖОМ

Центральное место в современных международных отношениях занимают дипломатические в форме взаимодействия государств в различных сферах, имеющие представительный, политический характер. Одной из главных составных частей дипломатических отношений являются консульские отношения как способ реализации международных, общественных, административно-правовых, экономических, культурных связей в целях защиты прав и интересов физических и юридических лиц одного государства на территории другого. По соглашению сторон консульские отношения, установленные при отсутствии дипломатических, выполняют и отдельные дипломатические функции. Прекращение дипломатических отношений, как правило, не влечет за собой автоматического разрыва консульских, в чем заключается самостоятельность статуса консульских отношений.

В реализации профессиональных задач консульские отношения находятся под влиянием политических и экономических факторов, действующих в мировом сообществе. Политические отношения между государствами определяют условия пересечения границ, визовую политику, интенсивность обмена в области культуры, туризма, спорта и т. д. Уровень и характер мировой экономики, степень вовлеченности государства в международное разделение труда, его зависимость от импорта и экспорта, внешних кредитов и займов могут также существенно повлиять на характер консульских отношений и внести коррективы в процессе их реализации. Воздействие отдельных государств на консульские отношения различно и зависит от объема материальных и людских ресурсов, которыми оно располагает, а также от внутренней стабильности страны. На формирование консульских отношений влияют международные совещания, конгрессы и другие мероприятия, на которых обсуждаются конкретные предложения по организации консульских отношений.

Белорусская ССР в период вхождения в Советский Союз юридически могла иметь дипломатические и консульские представительства за рубежом. Однако на практике действовали только союзные дипломатические и консульские представительства, которые были призваны защищать интересы граждан всего Союза, в том числе и Беларуси.

На нынешнем этапе, когда Республика Беларусь является суверенным государством, защита прав граждан, находящихся за границей, приобретает весьма актуальное значение.

Во-первых, распад СССР не означает разрыв семейно-родственных, дружеских, общественных, экономических и иных связей между миллионами граждан бывшего Союза. Возникновение государственных границ создало препятствие для продолжения традиционных отношений, сложившихся на территории постсоветского пространства. Естественным защитником их позиций выступает консульская служба Республики Беларусь.

Во-вторых, Беларусь все более основательно входит в мировое и европейское сообщество государств. Количество деловых, туристических, научных и иных поездок граждан Республики Беларусь в страны дальнего зарубежья за последнее десятилетие возросло во много раз. Права и интересы наших граждан за рубежом вследствие разного рода причин могут быть ущемлены или нарушены. Оказавшись в затруднительном положении, граждане обращаются за помощью, как правило, в посольство или консульство, находящиеся на данной территории. С момента подачи заявления начинается процесс осуществления дипломатической и консульской защиты их прав.

Республика Беларусь уже имеет свои дипломатические представительства в тридцати девяти странах, в каждой из которых есть консульские отделения: Аргентине, ОАЭ, Южно-Африканской Республике, Австралии, Болгарии, Бельгии, Вьетнаме, Великобритании, Германии, Египте, США, Израиле, Индии, Иране, Италии, Казахстане, Канаде, Корее, Китае, Кубе, Кыргызстане, Латвии, Литве, Молдове, Нидерландах, Польше, России, Румынии, Сирии, Турции, Узбекистане, Украине, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Югославии, Японии. Открыты и работают четыре генеральные консульства в Даугавпилсе, Белостоке, Гданьске, Нью-Йорке.

В настоящее время системы дипломатической и консульской защиты принципиально изменяются в связи с переменами в международных отношениях. Политике конфронтации противопоставлена новая – суть которой связана с признанием мнения каждого государства, равенства сторон, отказом от силового и экономического решений конфликтных проблем, от классового, идеологизированного, одностороннего подходов к проводимой политике любого государства.

Можно с определенной уверенностью констатировать, что приоритетное положение в содержании международных отношений занимает проблема защиты прав человека, затмевая даже блоковые или региональные проблемы, задачи национальной безопасности государств. Гуманитарное наполнение международных отношений требует вполне определенных изменений в содержании работы дипломатических представительств и значительном повышении роли консульских учреждений.

По внешнему и внутреннему содержанию дипломатическая и консульская защиты прав граждан – многофункциональное явление. Дипломатическая защита предполагает оказание помощи свойственными дипломатии методами гражданам своего государства в целях обеспечения или восстановления их прав и интересов в период пребывания за границей. В таком случае защита представляет реализацию ответственности государства за ущерб, нанесенный иностранному гражданину, и обеспечение или восстановление его прав¹. Отсюда следует, что дипломатическая защита применяется только в случае нарушения иностранным государством прав и интересов граждан государства, предоставляющего защиту. Однако фактическое положение дел этим не ограничивается.

В практической деятельности функции дипломатического представительства заключаются в следующем:

- консультирование своих граждан по всем вопросам, относящимся к их пребыванию за границей, даже когда их права не нарушены;
- выполнение запросов по поводу защиты интересов своего государства и граждан в случае ущемления прав или без их нарушения;
- заявление протестов властям государства пребывания в случае нарушения прав граждан представляемого государства²;
- проведение переговоров с представителями власти государства пребывания по вопросам нарушения прав граждан своего государства (в третьем и четвертом случаях предполагается, что права граждан нарушены).

Дипломатической защитой граждане пользуются вне зависимости от нарушения их прав и в соответствии с юридически закрепленными критериями: недопустимо вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компе-

тенцию государства пребывания, или все возможности для восстановления нарушенных прав не дали результата и уже исчерпаны³. Протесты должны заявляться в соответствии с международным правом.

Консульская защита прав граждан является наиболее разносторонней и часто используемой стороной дипломатической защиты, осуществляемой соответствующими учреждениями. Консульские должностные лица могут непосредственно представлять интересы граждан и с помощью консультаций, запросов, обращений оказывать помощь соотечественникам в отношении с государственными органами страны пребывания.

Консульская защита, как и дипломатическая, имеет свои критерии правомерности: ее применение ограничено территорией консульского округа, который часто не совпадает с территорией государства пребывания; она не должна являться и выступать как факт вмешательства во внутренние дела государства пребывания. Первоначальное обращение граждан по вопросам обеспечения, восстановления и защиты своих прав и интересов должно быть именно в консульские учреждения, а не в компетентные органы страны пребывания.

В настоящее время консульская защита прав граждан реализуется через следующие каналы:

- дипломатические представительства, которые осуществляют консульскую защиту прав граждан в случае отсутствия консульского учреждения на данной территории;
- консульские учреждения, которыми являются консульские отделы дипломатических представительств, генеральные консульства, консульства, вице-консульства и консульские агентства;
- почетных консулов в соответствии с их компетенцией.

Структура дипломатической службы Республики Беларусь включает в себя посольства с консульскими отделами и генеральными консульствами.

Можно выделить формы консульской защиты, осуществляемые самостоятельно и через органы страны пребывания.

Без участия государственных служб консульское учреждение оформляет и выдает гражданам документы (паспорта, свидетельства на возвращение, визы), совершает нотариальные действия, легализует документы, регистрирует акты гражданского состояния, оповещает о карантинных заболеваниях.

Так, в 1998 г. консульскими учреждениями Республики Беларусь выдано 59 296 различных документов: 1189 паспортов, 1838 свидетельств на возвращение в Республику Беларусь, 209 801 виза, легализовано 6880 документов⁴.

При участии органов государства пребывания консульское учреждение оказывает помощь лицам, задержанным, арестованным властями или отбывающим наказание в виде лишения свободы в стране пребывания, защищает следующие права граждан: трудовые и социальные (в том числе и несовершеннолетних), наследственные, экипажа (водителя) и пассажиров транспортных средств.

В том же 1998 г. консульскими учреждениями Республики Беларусь принято по различным вопросам 25 352 гражданина Республики Беларусь, в 7501 случае оказана правовая помощь, посещено 226 граждан Республики Беларусь, находящихся в местах лишения свободы за рубежом⁵.

Большинство граждан, выехавших за границу, пользуются консульской защитой как наиболее доступной. Формы консульской защиты прав граждан определены в международном праве Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г., другими документами, в национальном праве – консульским уставом и соответствующими инструкциями. В 1967 г. в Париже заключена специальная многосторонняя Европейская конвенция о консульских функциях⁶.

Республика Беларусь, не являясь участником данной конвенции, закрепляет за консулами аналогичные функции. Исходя из сложившейся практики, выделяются следующие консульские функции:

- защита интересов государства, его граждан и юридических лиц;
- организация комплекса мер по развитию экономических, научных, культурных и других отношений;
- информация в области консульской деятельности, включающая предоставление соответствующих сведений заинтересованным гражданам и юридическим лицам.

Внутреннее содержание первых двух функций представляет собой конкретные направления деятельности консульских представительств, которые включают в себя: предоставление нужной информации своему государству об экономической, политической, научной, торговой, социальной и культурной жизни страны или округа пребывания; учет соотечественников, информирование их о законах и обычаях государства пребывания; паспортно-визовую работу; консультационную деятельность и практическую помощь гражданам представляемого государства, находящимся в консульском округе; нотариальные действия и регистрацию актов гражданского состояния; охрану интересов несовершеннолетних или лиц, не обладающих полной дееспособностью, которые являются гражданами представляемого государства; обеспечение представительства граждан своего государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания и др.

Весьма важное значение в третьей консульской функции имеют те рамки, которыми ограничивается свобода сношений консульского учреждения с центральными органами внешних сношений представляемого государства и другими дипломатическими и консульскими представительствами своей страны. Свобода сношений должна обеспечиваться с помощью специальных средств связи с допустимым применением шифра или кода и базироваться на невмешательстве властей государства пребывания и недопустимости проведения проверок источников и информации консульского учреждения. Консульские работники должны пользоваться свободой передвижения в пределах положенного округа в мере, не противоречащей правилам государства пребывания. В свою очередь, консульские учреждения обязаны уважать и соблюдать законы и другие нормативные акты и не допускать вмешательства во внутренние дела государства.

Отдельные международные соглашения содержат лишь указания консульских функций в соответствии с международным правом теми государствами, которые их устанавливают. Тенденция заключения многосторонних и двусторонних консульских конвенций соблюдается при фиксировании подробного перечня функций.

Консульские учреждения Беларуси руководствуются Венской конвенцией о консульских сношениях, консульскими конвенциями, Консульским уставом Республики Беларусь и ведомственными инструкциями Министерства иностранных дел, которые недоступны гражданам. В то же время на нынешнем этапе развития институт консульской защиты приобретает важное общественное значение, нуждается в научных разработках.

Существующий ныне в Республике Беларусь консульский институт претерпевает серьезные изменения и характеризуется появлением новых общественно-экономических отношений. Целесообразно в ближайшее время принять закон о консульской защите прав граждан Республики Беларусь.

¹ См.: Большой юридический словарь. М., 1998. С. 222.

² См.: Курс международного права. М., 1989. Т. 4. С. 114.

³ См.: Там же. С. 147.

⁴ См.: Отчет консульского управления / Текущий архив консульского управления. 1998.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Петренко Н. И. Основы консульского права. М., 1986. С. 25.

ПЕРЕМЕНА ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ, ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ

Принятый в конце 1998 г. Гражданский кодекс Республики Беларусь — прогрессивный шаг на пути совершенствования гражданских отношений. Он содержит множество новаций в области определения статуса физических и юридических лиц, регулирования отдельных видов договоров, положений о собственности, обеспечения исполнения обязательств. Доработанные положения о перемене лиц в обязательствах пришли к нам из Модельного кодекса СНГ и Гражданского кодекса Российской Федерации и затрагивают определения, объемы прав, систематизации законных случаев уступки требования, определения формы требования и т. д.

Следует отметить, что в новом ГК есть и некоторые недоработки. Например, ст. 353 ограниченно трактует уступку требования лишь как переход права, возникающего из сделки. Переход права требования на основании актов законодательства выделяется особо, что представляется не совсем верным, так как и в теории гражданского права¹, и в законодательстве зарубежных государств² законный переход права требования не выделяется как особый вид, а является лишь частным случаем цессии (уступки права требования).

Признавая безусловную позитивность новых положений о перемене лиц в обязательствах, все же хотелось бы отметить, что законодатель поторопился переносить прогрессивные положения российского ГК и Модельного кодекса СНГ, детально не осмыслив все возможности и условия замены лиц в обязательствах.

При трактовке института перемены лиц в обязательствах внимание исследователя обращается обычно лишь на уступку требования и перевод долга. В то же время существуют некоторые интересные правоприменительные аспекты этого института и, на мой взгляд, такого деления явно недостаточно, так как хотя бы подавляющее большинство обязательств является двусторонним и соответственно каждая из сторон имеет права и несет обязанности. Применяя уступку требования или перевод долга, стороны, как правило, выбывают из обязательства лишь частично, хотя это иногда их и устраивает. Но часто возникает необходимость комплексного использования цессии и перевода долга.

Для пояснения рассмотрим две ситуации (при этом сразу оговоримся, что сторона, передающая права, желает полностью выбыть из обязательства). Первая — когда сторона-цедент уже выполнила свои обязанности по основному договору и вторая — когда обе стороны еще имеют взаимные права и обязанности.

В первом случае чаще всего не возникает трудностей, так как цедент по основному договору уже не несет никаких обязанностей, а только приобрел права. Тогда он лишь передает с помощью договора уступки требования, принадлежащие ему права другому лицу и полностью выбывает из обязательства. Например, покупатель уплатил покупную цену за товар, но право получения товара передал третьему лицу. Этот случай обычен и очевиден, и поэтому возникает искушение слишком просто и легко применять цессию для замены лица (кредитора-должника) в обязательстве. Однако такое определение представляло бы необоснованное упрощение проблемы. Не следует упускать второй случай, когда цедент поставлен в зависимость от исполнения его обязанностей, что, в свою очередь, обременяет переданное право невозможностью исполнения в пользу цессионария. Имея обязанности, сторона в обязательстве не имеет юридических оснований по своему усмотрению выбыть из обязательства, а только совершив соответствующие юридические действия. Приведу реальный пример, требующий комплексного подхода к уступке требования и переводу долга. Гражданин Иванов заключил с предприятием предварительный договор о

покупке квартиры. Уплатив половину суммы, он по каким-то причинам оказался неплатежеспособным и изъявил желание получить уплаченные деньги. Причем нашелся гражданин Петров, пожелавший купить квартиру. Уплаченная Ивановым сумма не позволяла ему освободиться от своих обязанностей по договору купли-продажи, но предприятие, в свою очередь, по договору все же было обязано передать в будущем предмет договора в собственность Иванова. Между предприятием и гражданами был заключен трехсторонний договор уступки требования и перевода долга, отражавший объем уступаемых прав и обоюдное согласие первоначальных сторон на перевод долгов. Уступаемое между гражданами требование было, разумеется, возмездным. Для снятия возможных вопросов следует отметить, что передаваемое требование было также действительным, так как продавец обязан был в будущем передать квартиру независимо от времени уплаты денег за нее.

Таким образом, для полной замены стороны в обязательстве уступка требования идеальна в случае превращения двустороннего обязательства в одностороннее (если цедент – сторона управомоченная) и вызовет некоторые трудности при взаимности существующих обязательств, они будут обусловлены фактическим разделением комплекса прав-обязанностей на одной из сторон. Разумеется, можно использовать также и договор перевода долга. Однако это нецелесообразно, ведь вряд ли есть смысл признавать заключение договоров купли-продажи и перевозки партии товара вместо заключения одного соглашения поставки.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости синтезированного подхода к решению проблемы замены стороны в обязательстве и разработки некой новой правовой конструкции, нового вида договоров – договора замещения, или субституции (от лат. *substitutio* – замещение). Такой документ будет представлять конгломерат некоторых положений уступки требования и перевода долга, вместе с тем позволит упростить замену лиц в обязательствах при следующих условиях:

- * выбывающая сторона имеет как права, так и обязанности;
- * выбывающая сторона желает освободиться как от прав, так и от обязанностей из договора;
- * имеется согласие на замену другой стороны основного договора;
- * договор не противоречит законодательству и основному договору.

Структурно введение положений договора замещения можно было бы оформить в гл. 24 «Перемена лиц в обязательстве» ГК третьим параграфом, в котором можно изложить перечисленные условия договора замещения, а также распространить на субституцию положения (ст. 354–357, 361–363 ГК РБ).

На мой взгляд, данная конструкция жизненно необходима для нормального развития хозяйственных отношений и снимет многие вопросы в сфере предпринимательства. Если при простых сделках, скажем, купле-продаже предметов потребления, оказании бытовых услуг, пассажирских перевозках, конструкция замещения не является насущной, то при купле-продаже предприятий передача прав собственности на недвижимость, использование данного договора, несомненно, будут актуальны. Лицо, купившее предприятие с его правами и обязанностями, деловой репутацией, клиентурой и т. п., становится цессионарием по всем требованиям, принадлежавшим бывшему собственнику, и должником по возникшим ранее обязательствам. Заключение единого договора значительно упростило бы процедуру смены собственников при соблюдении прав кредиторов. Даже в некоторых менее объемных сделках применение договора замещения имело бы неоспоримую пользу. Как показывает практика, зачастую нерешенность некоторых спорных моментов при передаче прав по основному договору выливается в затяжные судебные споры. Так, по делу № 226–10, рассмотренному Хозяйственным судом Минской области, истцом выступало ООО «А», а ответчи-

ком – банк «Б». В 1995 г. ММП «Н» заключило с банком договор залога основных средств по обеспечению обязательства фирмы «П» по возврату кредита. В срок кредит возвращен не был. ММП «Н» в том же 1995 г. заключило с банком договор поручения на реализацию залога и погашение за счет этих средств кредита. В начале 1996 г. ММП «Н» заключило с ООО «А» договор об уступке права требования, по которому уступалось право требования возврата основных средств по договорам залога и поручения, а также право быть стороной по этим договорам. В исковом заявлении ООО «А» просило суд признать договоры поручения и залога недействительными, ссылаясь на несоответствие их законодательству. Иск был частично удовлетворен. Следующим иском ООО «А» потребовало возврата имущества по договору поручения (залога) от банка. Банк искившие требования не признал, ссылаясь на невозврат заемщиком «П» кредита, а также неисполнение ММП «Н» обязательств по договору залога. ММП «Н» в скором времени после заключения договора уступки права требования прекратило свое существование и обязанности последнего «повисли в воздухе». Банк, не получивший обратно свои деньги, оказался «у разбитого корыта». Основные средства по договору залога оказалось невозможно реализовать из-за возникшего спора, а кредит не был возвращен. Спор длился около полутора лет. Производство по делу было прекращено, а истцу отказано в иске вследствие незаконности заключения договора уступки требования. Несложно сделать вывод, что с передачей ММП «Н» в пользу ООО «А» не только прав, но и обязанностей из договоров залога и поручения у сторон появилась бы дополнительная возможность урегулирования взаимных претензий.

Конструкции, сходные предлагаемому договору, известны гражданскому праву зарубежных государств уже на протяжении длительного времени. В некоторых странах вопрос полной замены лиц в обязательстве решается довольно своеобразно. Если уступка требования законодательно регулируется почти во всех странах, то перевод долга в отдельных государствах, например во Франции, Великобритании, США, Японии, не допускается. Перевод долга известен только праву ФРГ и Швейцарии и специально там урегулирован³. При необходимости замены должника во Франции, например, применяется так называемая *делегация* (ст. 1275–1278 Французского гражданского кодекса)⁴. Делегация означает не только освобождение прежнего должника, но и прекращение ранее принятого обязательства. При *полной делегации* на месте старого обязательства возникает новое, юридически не связанное со старым. Это происходит, когда кредитор желает освободить прежнего должника от обязательства. В противном случае имеет место *неполная делегация*, при которой прежний должник остается обязанным по отношению к кредитору до момента полной оплаты требования. В англо-американском праве замена должника происходит с помощью института *новации* (*novation*)⁵, термин заимствован из римского гражданского права, однако применен не совсем по назначению. Оригинальное применение новации (к примеру, в нашем ГК или в ГК Российской Федерации) и применение ее, скажем, в США, несколько отличается. Согласно ГК РБ, новация – способ прекращения обязательств заключением нового соглашения между *теми же* сторонами. В странах общего права новация же сохранила свое значение главным образом для замены стороны в обязательстве (при неизменности его содержания) и является аналогом предлагаемого договора.

В сравнении с цессией перевод долга гораздо реже вызывает трудности у субъектов, применяющих эту правовую конструкцию. Но, как показывает практика, некоторые проблемы здесь все же существуют.

Основной правовой акт, регулирующий отношения перевода долга в республике – Гражданский кодекс (ст. 362–363). Новый кодекс практически сохранил нормативное регулирование перевода долга Гражданского кодекса образца 1964 г. (ст. 191–192). Следует отметить, что вопрос о форме до-

говора перевода долга вынесен за рамки параграфа о переводе долга в раздел, регулирующий уступку требования. Положение о том, что поручительство и установленный третьим лицом залог прекращаются с переводом долга, если поручитель или залогодатель не выразил согласия отвечать за нового должника, перенесено соответственно в разделы о поручительстве (§ 5, гл. 23) и о залоге (§ 3, гл. 23). К нормативным источникам регулирования отношений перевода долга можно отнести также Указ Президента Республики Беларусь № 7 от 04.01.2000 г. «О совершенствовании порядка проведения и контроля внешнеторговых операций»⁶ в части, устанавливающей условия заключения внешнеэкономического договора перевода долга, Постановление Пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь № 9 от 20.07.99 г. «О подведомственности споров после уступки требования или перевода долга»⁷, Постановление Правления Национального банка Республики Беларусь № 9.11 от 24.06.99 г. «Об утверждении порядка оформления расчетных документов при уступке требования и переводе долга»⁸. К ненормативным источникам относятся письма Национального банка, имеющие внутрисистемный характер № 11030/61 от 15.01.97 г. «О переводе долга» и № 11030/406 от 06.03.97 г. «О переводе долга».

Поскольку личность должника имеет для кредитора важное значение, то замена субъекта осуществляется только с согласия кредитора и, как говорили римские цивилисты, требует правовой разум – *ratio iuris postulans*⁹. Если при переводе долга согласия кредитора не требовалось либо был получен отрицательный ответ, то перевод долга невозможен, а состоявшийся признается ничтожным, т. е. не имеющим юридической силы с момента заключения.

Как и при уступке требования, новый должник вправе выдвигать против кредитора возражения, которые имело к нему выбывшее лицо (ст. 363 ГК). Например, если имела место какая-либо задержка до перевода долга, то новое лицо вправе сослаться на это обстоятельство в обоснование необходимости увеличения срока исполнения. Должник, выбывая из обязательства, не несет никакой ответственности за неисполнение обязательства перед новым лицом. Его ответственность ограничена выбором своего заместителя, кредитор же, давая согласие на замену, должен сам решать вопрос об исполнении новым субъектом обязательства.

Форма перевода долга подчиняется тем же правилам, что и уступка требования. Перевод долга по сделке, совершенной в простой письменной или нотариальной форме, совершается в соответствующей письменной форме.

Перевод долга, как правило, является результатом существования между первоначальным и новым должником иного обязательства, для исполнения которого и осуществляется перевод долга, поэтому обычно при передаче долга первоначальный должник не уплачивает новому должнику каких-либо денежных средств.

Как уже упоминалось, первый и главный признак этой операции – наличие согласия кредитора, в качестве которого здесь может выступать только сторона основного договора и никакие другие лица. Данное положение в настоящее время поставлено под вопрос в силу довольно оригинальной его трактовки судебными органами.

Так, при рассмотрении дела по иску АКБ «Белпромстройбанк» к Государственной налоговой инспекции по г. Мозырю о признании недействительными распоряжения этой инспекции о взыскании с банка в бюджет 2 367 534 828 руб. было установлено, что «Мозырское ПМО» и ПО «Мозырьдрев» заключали с предприятиями Российской Федерации договоры поставки товаров, на основании которых заключали с ними соглашения о переводе долга с согласия одного из кредиторов – Мозырского филиала АКБ «Белпромстройбанк». Согласно этим документам, все денежные суммы за поставленный товар поступали банку, минуя расчетные счета поставщиков. Между тем из-за отсутствия денежных средств на расчетных

счетах этих предприятий все платежные поручения помещались банком в картотеку № 2, где также находились распоряжения Государственной налоговой инспекции о взыскании в бюджет более двух миллиардов рублей.

Хозяйственный суд Гомельской области требования банка удовлетворил. Высший хозяйственный суд Республики Беларусь отменил решение Хозяйственного суда Гомельской области и в своем постановлении указал, что стороны могут заключать договоры о переводе долга только в том случае, если этим соглашением не ущемляются права других кредиторов. В данном же случае, по мнению суда, при оформлении отношений о переводе долга между предприятиями Российской Федерации и г. Мозыря с согласия банка ущемлялись права других кредиторов, что способствовало сокрытию уплаты налогов и неналоговых платежей в бюджет.

Думается, что в приведенном примере Высший хозяйственный суд ошибочно применил расширительное судебное толкование нормы ст. 362 ГК. Вывод о необходимости получения согласия всех кредиторов конкретного должника отнюдь не следует из этой статьи, ибо в ней говорится о вполне конкретном факте.

По своей правовой природе перевод долга является трехсторонней сделкой (договором), в которой участвуют кредитор, первоначальный и новый должники. Предлагаемое расширение числа сторон в основном соглашении привело бы к прямой зависимости возможности заключения договора перевода долга от финансового состояния первоначального должника, а следовательно, способствовало бы ограничению его гражданских прав, что противоречит принципам равенства участников гражданско-правовых отношений и свободы договора (ст. 2 ГК РБ). Таким образом, должник принуждается к заключению соглашения с лицом, которое стоит первым в очередности платежей.

Принимая во внимание некоторые исторические аспекты развития отечественного гражданского права, можно отметить также следующее. Страны континентального права, к которым относится и Беларусь, брали за основу построения национальных систем гражданского права романскую (на основе Французского гражданского кодекса 1804 г.) либо германскую (положена в основу Германского гражданского уложения 1900 г.) подсистемы права. Как известно, белорусское гражданское право развивалось на основе германской пандектной системы. Германское гражданское уложение в области перевода долга предусматривает два варианта оформления этой сделки – как просто получение согласия кредитора на заключение договора перевода долга, так и, по желанию сторон, такое соглашение может быть заключено между кредитором и новым должником (§ 414 ГГУ)¹¹. И снова речь идет о единственном кредиторе как о стороне основного договора. Видимо, потенциальная возможность включения в Гражданский кодекс такого положения окончательно выявила бы некорректность вывода ВХС РБ, ибо нормы о переводе долга в своей совокупности диспозитивны, так как предполагают заключение подобного договора с конкретным избранным лицом и по определенному обязательству, не принимая во внимание существование других обстоятельств данного лица.

Рассмотренный случай все же стоит считать доказательством того, что в условиях экономической нестабильности в государстве отдельные судебные решения выносятся не на основе норм права, а исходя из хозяйственной целесообразности и приоритета интересов бюджета. Хотелось бы думать, что подобные трактовки нормативных актов не войдут в нашу повседневную практику.

Интересен вопрос об объеме передаваемого долга. Некоторые авторы полагают, что поскольку передача долга, так же как и уступка требования, оформляет замену стороны в обязательстве, на отношения перевода долга по аналогии можно распространить нормы кодекса об объеме уступаемых прав¹². Вряд ли с этим доводом можно спорить. Однако также утверждается, что должник не может передавать часть своего долга, так как в данном

случае не произойдет замены стороны в обязательстве и соглашение о переводе долга следует признать недействительным. Такой вывод представляется спорным в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, совершенно упускается тот момент, что полная формулировка статьи об объеме уступаемых прав (как в белорусском Гражданском кодексе, так и в российском) гласит, что право первоначального кредитора переходит к новому лицу в том же объеме и на тех же условиях, которые существовали к моменту перехода права – «если иное не предусмотрено законодательством или договором». Как правило, сами же стороны в договоре восстанавливают и утверждают объем уступаемых прав (передаваемого долга).

Во-вторых, решая вопрос о частичной уступке требования по обязательству, необходимо обратиться к норме права, определяющей возможность деления предмета соглашения. Наше законодательство не содержит прямого указания на потенциальную делимость предмета обязательств. Однако в ст. 291 ГК указано, что кредитор вправе не принимать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено законодательством, условиями договора и не вытекает из сущности текущего момента. От обратного следует вывод о том, что, как минимум, существуют делимые обязательства: а) в силу закона; б) ставшие таковыми по договоренности сторон; в) сущность которых предполагает их делимость.

К законным основаниям исполнения по частям можно отнести внесение участником полного товарищества половины своего вклада в уставный фонд организации к моменту ее регистрации (ст. 70 ГК). Стороны договора также могут условиться об исполнении по частям, например, при заключении соглашения поставки. Делимость обязательства может вытекать из его сущности. Например, одной из основных черт финансовой аренды (лизинга) является возможность уплаты стоимости оборудования в рассрочку, а не единовременно. Следовательно, на вопрос о том, может ли иметь место частичный перевод долга, можно дать только утвердительный ответ.

¹ См.: Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998.

² См.: Германское право / Пер. с нем., науч. ред. В.В. Залесского. М., 1996.

³ См.: Гражданское и торговое право капиталистических стран. М., 1980.

⁴ См.: Французский гражданский кодекс. М., 1941.

⁵ См.: Гражданское и торговое право капиталистических государств. М., 1993.

⁶ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 5. 1/915.

⁷ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 61. 6/49.

⁸ См.: Банк. вестн. 1999. № 16. С. 13.

⁹ См.: Кодекс Юстиниана. Книга 4. Титул 39. Конституция 2.

¹⁰ Тузков Д. Л. Уступка требования: исторический аспект // Банк. вестн. 1999. № 6. С. 27.

¹¹ См.: Германское право // Пер. с нем., науч. ред. В.В. Залесского. М., 1996.

¹² См.: Бакшинская В. Ю. Договорные обязательства: теория и практика. М., 1997.

В.Н. ЗМУШКО

ПОНЯТИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НАНИМАТЕЛЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В юридической литературе теория профилактики правонарушений разработана в основном применительно к профилактике преступлений. Термин «профилактика правонарушений» можно объяснить значением составляющих его слов. «Профилактика» означает «совокупность предупредительных мероприятий»¹.

Представляется, что попытки обозначить одни мероприятия как «предупреждение», другие – как «профилактику», третьи – как «предотвращение» и т. д. противоречат смысловому значению указанных терминов. Поэтому следует согласиться с утверждением В.К. Звирбуля, В.В. Ключкова, Г.М. Миньковского и других ученых, что термины «предупреждение», «про-

филактика» и «предотвращение» правонарушений применимы как взаимозаменяющие².

В течение последних лет получили распространение новые нарушения нанимателями законодательства о труде: задержка выплаты заработной платы, введение неполного рабочего времени, направление работников в вынужденные отпуска и т. д. Для предотвращения нарушений нанимателями законодательства о труде необходимо выяснить причины допускаемых правонарушений и благодаря этому добиться их устранения.

Исследование этой проблемы требует комплексного подхода, так как необходимо учитывать взаимосвязь многих факторов, например: повышение правовой культуры работников и нанимателей, личные деловые качества должностных лиц и степень требовательности к ним, уровень правосознания, системность деятельности органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде и т. п.

При всем многообразии причин нарушений нанимателями законодательства о труде необходимо выявить наиболее распространенные, типичные. К ним можно отнести стремление получить прибыль любой ценой, недостаточную эффективность деятельности органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, незнание должностными лицами трудового законодательства и нежелание с ним считаться. На практике встречаются также случаи умышленного нарушения нанимателями трудовых прав работников, обусловленные преследованиями за критику, неприязненными отношениями сторон.

Законодательство вообще, а трудовое в особенности, не должно мешать, а призвано способствовать экономическому развитию общества. В нынешних условиях перехода к рыночной экономике ни у кого не вызывает сомнения, что трудовое законодательство, являющееся одним из элементов правового обеспечения, нуждается в постоянном совершенствовании, которое должно идти не за счет замены некоторых устаревших правовых норм, а за счет комплексного его обновления, способного стимулировать развитие производства и эффективно защищать интересы сторон трудового договора.

Наличие норм трудового законодательства, не отвечающих требованиям реальной действительности, создает объективные условия для нарушений трудовых прав работников. Поэтому его совершенствование является одним из средств профилактики нарушений нанимателями норм трудового права.

Наниматель и наемный работник, являясь формально равными партнерами на рынке труда, не являются таковыми ни в реальных экономических, ни в конкретных трудовых отношениях. Работник по своему фактическому положению является экономически более слабой стороной трудовых правоотношений. В условиях перехода к рыночной экономике необходимы законодательное закрепление основных трудовых прав и гарантий их реализации, обеспечение механизмов защиты. Общая направленность защитной функции трудового права в целом в этих условиях состоит в охране человека труда от чрезмерной эксплуатации со стороны любого нанимателя. Посредством законодательного закрепления трудовых прав наемных работников государство обеспечивает им необходимый объем социально-экономических прав в сфере трудовых отношений. Контролируя соблюдение этих прав, государство тем самым защищает и охраняет их.

Правовая культура работников оказывает непосредственное воздействие на правильное применение нанимателями трудового законодательства, отражает юридическую действительность. Но это сознание непременно налагается на уже имеющиеся представления об общественных отношениях в области трудового права, которое иногда воспринимается как форма, отвечающая интересам нанимателей.

Совершенствование трудовых отношений немыслимо без преодоления негативных правовых стереотипов, сложившихся в сознании людей, без ко-

ренных перемен в политико-правовом мышлении. Поэтому у сторон трудового правоотношения необходимо формировать отношение к трудовому праву как к средству защиты прав каждой стороны трудового договора, как к механизму, устраняющему произвол и насилие.

В условиях перехода к рыночным отношениям весьма существенное значение имеет компетентность разработчиков законопроектов. Определяющее значение имеет уровень правового сознания и правовой культуры всех субъектов, участвующих в создании нормативно-правовых актов, в особенности депутатов как главных участников законодательной деятельности. Значительная часть депутатского корпуса, как показывает практика, нуждается в расширении специальных юридических познаний.

Профилактика нарушений трудового законодательства требует совершенствования ответственности сторон трудового договора за его нарушение. Применение ответственности к должностным лицам направлено на предотвращение нарушений трудового законодательства со стороны других работников, а также состоит в предупреждении повторных нарушений норм трудового законодательства, то есть ответственность преследует цели общепреventивного воздействия и частной превенции.

В современных условиях необходимо усилить ответственность нанимателей, нарушающих права работников. Следует прибегнуть к экономическим методам воздействия, предусмотренным гражданским, трудовым, административным и финансовым законодательствами, лишить их определенных льгот и преимуществ (налоговые льготы, выгодные государственные заказы и т. д.). Целью такого воздействия должно стать создание условий, при которых нарушение трудовых прав работников было бы экономически невыгодным для нанимателя и оно должно стимулировать нанимателя соблюдать трудовые права работников.

В профилактической деятельности выделяют две основные части. Каждая представляет собой выявление и устранение объективных (внешних) причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих их совершению. Предметом индивидуальной части являются непосредственные (или субъективные) причины правонарушений и условия, способствующие их совершению, связанные с конкретной личностью. Общая профилактика нарушений нанимателями законодательства о труде охватывает изучение, выявление, устранение причин этих правонарушений и условий, им способствующих, в масштабах республики, отдельной административно-территориальной единицы, отрасли (сферы управления), предприятия. Профилактические мероприятия, проводимые на индивидуальном уровне, воздействуют на те факторы, которые могут способствовать совершению нарушения норм трудового законодательства конкретным нанимателем и его должностным лицом. Основное внимание уделяется личности работника, его трудовому воспитанию и правовой культуре.

Между этими различными уровнями профилактики существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, общая профилактика нарушений нанимателями законодательства о труде является основой для проведения индивидуальных мер профилактики, с другой – проведение предупредительных мероприятий на индивидуальном уровне позволяет обеспечить органы надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, органы государственной власти и управления, профсоюзы необходимой информацией для осуществления эффективной профилактики на общесоциальном уровне. Деятельность по профилактике правонарушений законодательства о труде основывается на принципах законности, гласности, системности, научного анализа и прогнозирования. Для того чтобы профилактика нарушений нанимателями законодательства о труде была действенной, необходимо:

– всесторонне и объективно изучать причины и условия, способствующие совершению правонарушений;

- определить совокупность средств и методов выявления негативных обстоятельств;
- разработать комплекс профилактических мероприятий по устранению выявленных причин и условий;
- решить вопрос о круге субъектов, принимавших участие в реализации намеченных профилактических мероприятий и т. д.³.

Профилактика нарушений нанимателями законодательства о труде имеет общие и отличительные признаки по сравнению с профилактикой преступлений. Общими для них являются цели и принципы деятельности. Отличаются они, прежде всего, субъектами, осуществляющими эту деятельность, круг которых ограничен. Ее проводят органы надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, органы власти и управления, профсоюзы, администрация министерств, ведомств и объединений. Число субъектов, занимающихся профилактикой преступлений, не ограничено. В их число входят и отдельные граждане, изъявившие согласие участвовать в осуществлении мер общей и индивидуальной профилактики преступлений. Объектом профилактики в первом случае будут наниматели и их должностные лица, а объектом профилактики преступлений являются все юридические и физические лица. Если основным средством профилактики нарушений нанимателями законодательства о труде являются меры административной и дисциплинарной ответственности, то при профилактике преступлений – меры уголовной ответственности. Если в первом случае профилактика направлена на борьбу с трудовыми правонарушениями, то во втором – как с преступлениями в области трудовых правоотношений, так и в области общественных отношений, регулируемых другими отраслями права и т. д.

Профилактику нарушений нанимателями законодательства о труде необходимо рассматривать в качестве государственной задачи, в решении которой должны принимать участие не только органы надзора и контроля, но и правительство, местные органы власти и управления, профсоюзы. В настоящее время в республике нет единого органа, который специально бы занимался этими проблемами и имел бы властные полномочия и соответствующую компетенцию. Отсутствует и программа борьбы с трудовыми правонарушениями. Работа по профилактике трудовых правонарушений может быть выполнена, если она будет осуществляться непрерывно на основе специального закона. Думается, что назрела необходимость принять Закон «Об основах деятельности по профилактике нарушений нанимателями законодательства о труде».

В юридической литературе дефиниция профилактики нарушений нанимателями законодательства о труде с достаточной определенностью пока не разработана. Полагаем, что под ней необходимо понимать правовую категорию, содержащую психолого-правовое свойство комплекса норм трудового права, выраженное способностью удерживать нанимателей и их должностных лиц от нарушений трудового законодательства посредством угрозы наказанием, поощрения правопослушного поведения, повышения правовой культуры сторон трудового договора, совершенствования трудового законодательства, выявления и устранения причин и условий совершенных трудовых правонарушений, ликвидации негативных последствий таких нарушений.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 510.

² Звирбуль В. К., Ключков В. В., Миньковский Г. М. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 42.

³ Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 81.

⁴ Андреев И. С. Профилактика правонарушений в народном хозяйстве (Социально-правовая характеристика). Мн., 1985. С. 11.

ПОНЯТИЕ «ПОСОБИЯ ПО ВРЕМЕННОЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ»

Большое значение в правовом регулировании обеспечения пособиями по временной нетрудоспособности имеет понятийный аппарат, призванный обеспечить единство в нормотворчестве и правоприменении. Точность и однозначность нормативно-правовых актов являются обязательными условиями эффективности действия правовых норм. До настоящего времени отсутствует юридически обоснованное определение таких понятий, как «пособия по временной нетрудоспособности» и «временная нетрудоспособность», что негативно влияет, в частности, на законотворчество. Так, в Законе Республики Беларусь от 31.01 1995 г. «Об основах государственного социального страхования» смешиваются два различных с точки зрения формальной логики понятия: родовое и видовое. В ст. 9 Закона к страховым случаям отнесены болезнь, временная нетрудоспособность, включая беременность и роды, производственная травма, профессиональное заболевание; в ст. 10 к подвидам выплат – пособия по болезни и временной нетрудоспособности, санаторно-курортному лечению, профессиональным заболеваниям и несчастным случаям на производстве¹. Понятие «пособия по временной нетрудоспособности» является родовым по отношению к понятиям пособие по болезни, профессиональному заболеванию, несчастному случаю на производстве, санаторно-курортному лечению; а во временную нетрудоспособность входят указанные страховые риски. В Положении о порядке обеспечения пособиями по временной нетрудоспособности² от 30.09 1997 г. устранены эти логические ошибки, но ст. 9 и 10 Закона от 31.01 1995 г. в соответствие не приведены.

Среди многих правовых категорий, которыми пользуется право социального обеспечения, понятие «пособия по временной нетрудоспособности» относится к числу интегральных категорий и в соответствующей литературе употребляется в таких значениях, как: общественно-исторический тип обеспечения; особая форма распределительных отношений; предмет социальной политики; правовая категория; правовой институт права социального обеспечения. Несмотря на различия, существующие между указанными правовыми категориями, любая из них в той или иной степени связана с общим определением понятия «пособия по временной нетрудоспособности» как родового, исходного понятия. Научное представление о правовой сущности указанного термина возможно лишь с учетом развития этого явления.

В государственно-организованном обществе это понятие основывается на принципах, детерминированных типом общественно-экономической формации. Основу характеристики общественно-исторического типа выплат составляет исходное понимание материальной компенсации при временной нетрудоспособности, базирующегося на особенностях общих для всех его исторических разновидностей, но отличающихся по содержанию. К таким признакам предоставления пособий по временной нетрудоспособности относятся объективные основания, вызывающие потребность в этом механизме социального обеспечения; особый фонд материального обеспечения; способ его создания и предоставления средств к существованию; закрепление правил предоставления материальных выплат в правовых нормах.

К числу объективных оснований обеспечения относятся жизненные обстоятельства, входящие в понятие «временной нетрудоспособности», а именно: заболевание или травма; беременность и роды; уход за больным членом семьи; уход за ребенком в возрасте до трех лет и ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет в случае болезни матери либо другого лица, фактически осуществляющего уход за ребенком; санаторно-курортное лечение; протезирование с помещением в стационар протезно-ортопедического предприятия; карантин; временный перевод на нижеоплачиваемую работу в связи с заболеванием туберкулезом или профессиональным за-

болеванием. Несмотря на разнородность, по своим социальным последствиям для человека они однотипны и определяют потребность в получении источников жизнеобеспечения.

Для получения средств существования при временной нетрудоспособности в обществе создавались и создаются особые фонды, источники материального обеспечения с использованием специфических способов образования. При первобытнообщинном строе, в частности, часть жизненных средств рода, общины выделялась трудоспособными членами для поддержания больных. В рабовладельческом и феодальном обществах единого источника не существовало, поскольку гратисарное обеспечение не порождало каких-либо особых распределительных отношений вне отношений собственности³. Для такой формы обеспечения характерны разные источники: пожертвования частных лиц, средства родственников, казны государства, самих обеспечиваемых, милость рабовладельца, феодала, государственное признание, цеховое страхование, иные формы коллективной взаимопомощи.

Фонды обеспечения в обществе с частной собственностью на средства производства создаются за счет взносов предпринимателей, наемных работников и ассигнований государства. При социализме страховые взносы нанимателей были основным источником формирования фонда государственного социального страхования.

На современном этапе в Республике Беларусь в целях осуществления государственного управления финансами социального страхования на базе Пенсионного фонда и Фонда социального страхования создан Фонд социальной защиты населения Республики Беларусь⁴, основу которого составляют обязательные взносы нанимателей и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, в том числе членов крестьянских (фермерских) хозяйств, страховые взносы граждан и т. п.

В Законе Республики Беларусь «Об основах государственного социального страхования» расширен круг лиц, подлежащих обеспечению пособиями по временной нетрудоспособности. Кроме лиц наемного труда, при уплате страховых взносов в него вошли работающие в Республике Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства; лица, работающие по авторским договорам и договорам подряда; члены крестьянских (фермерских) хозяйств, предприниматели.

Термин «пособие по временной нетрудоспособности» впервые введен в законодательство 9.12.1921 г. Декретом «О социальном обеспечении при временной нетрудоспособности и материнстве»⁵. С этого времени правовое понятие «пособия» заменило понятия «пенсия», «вознаграждение», «возмещение ущерба». К временной нетрудоспособности стали относить такие страховые случаи, как болезнь, увечье и профессиональные заболевания.

Использование в законодательстве единого понятия «пособия по временной нетрудоспособности» некоторые авторы объясняют тем, что в соответствующем Положении имеется ряд общих правил, применяемых независимо от причин временного освобождения работающих от выполнения трудовых обязанностей с выдачей листка нетрудоспособности⁶. На наш взгляд, понятие «пособия по временной нетрудоспособности» наиболее полно отражает сущность этого вида обеспечения согласно общим правилам, применяемым на практике, и в связи с юридически обоснованным включением профессиональных и социальных рисков, соответствующих временной нетрудоспособности.

По мнению В.С. Андреева, «пособия по временной нетрудоспособности представляют собой выплаты по социальному страхованию за период нетрудоспособности вследствие болезни или других, предусмотренных законом, случаев, препятствующих выполнению работы, вместо утраченного заработка»⁷, а Е.Н. Доброхотова, М.В. Филиппова, М.А. Янтураева рассматривают пособия как «выплаты, производимые работнику предприятия (или другому аналогичному лицу) за счет средств социального страхования

в качестве возмещения временно утраченного в связи с нетрудоспособностью заработка в размерах, соизмеряемых с ним»⁸.

Оба определения не в полной мере отражают юридическую природу этого понятия и не соответствуют современному состоянию законодательства. В них временная нетрудоспособность не рассматривается родовым понятием, а круг лиц ограничен только работниками предприятия, т. е. наемными работниками и приравненными к ним лицами.

В Инструкции о порядке выдачи листков нетрудоспособности и справок от 3.04 1995 г. временная нетрудоспособность рассматривается только с медицинской стороны. «Временная нетрудоспособность возникает при острых заболеваниях или обострениях хронических заболеваний, травмах и иных состояниях, когда осуществление трудовой деятельности больным невозможно, труд противопоказан или препятствует проведению лечения» (п. 11)⁹.

В юридической литературе понятие «временная нетрудоспособность» характеризуется несколько в ином плане. По К.С. Батыгину и Г.С. Симоненко, «временная нетрудоспособность вследствие болезни или увечья – это невозможность для больного по состоянию здоровья выполнять работу вообще или хотя бы возложенные на него обязанности по трудовому договору ввиду нарушений функций, препятствующих продолжению трудовой деятельности в течение относительно непродолжительного периода времени»¹⁰. В объем понятия включена только часть признаков, определяющих качественную специфику временной нетрудоспособности, а именно: болезнь, увечья, трудовой договор.

Е.Н. Доброхотова, М.В. Филиппова, М.А. Янтураева определяют временную нетрудоспособность как «невозможность выполнения обычной работы в силу определенных причин независимо от степени утраты общей трудоспособности или способности к выполнению какой-либо иной работы»¹¹. Используются выражения «обычная работа», «определенные причины», не несущие правовой информации, и в понятии не дано ни одного существенного признака временной нетрудоспособности как правовой категории.

По мнению В.Е. Жишkevич, временную нетрудоспособность «как основание для выплаты пособия можно определить как удостоверенную листком нетрудоспособности, выданным медицинским лечебным учреждением, невозможность выполнения работником своей обычной работы, обусловленной трудовым договором, независимо от степени утраты общей трудоспособности или способности к выполнению какой-либо иной работы»¹². Он вводит в понятие такой существенный признак как листок нетрудоспособности, являющийся юридическим фактом признания застрахованного нетрудоспособным и дающий ему право на пособие. В определении используются юридически неудачный термин «обычная работа» и выражение «удостоверенное листком нетрудоспособности, выданным медицинским лечебным учреждением», которые являются тавтологией, так как, согласно законодательству, листок нетрудоспособности выдается только медицинскими учреждениями¹³.

М.Я. Буянова, З.А. Кондратьева, С.И. Кобзева под временной нетрудоспособностью понимают «невозможность выполнения работником своих трудовых обязанностей в связи с потерей (снижением) трудоспособности вследствие болезни (травмы) или иных, предусмотренных законодательством, социально значимых причин»¹⁴. Выражением «социально значимые причины» авторы необоснованно отнесли к социальной нетрудоспособности другие профессиональные риски (перевод на более легкую работу в связи с заболеванием туберкулезом или профессиональным заболеванием, помещение в стационар при протезировании). Использование термина «работник» указывает, что в понятии, так же как и в вышеприведенных, учитываются только лица, работающие по трудовым договорам.

Таким образом, из анализа видно, что в определении понятия «временная нетрудоспособность» выделяются следующие аспекты. *Во-первых*, временная нетрудоспособность – невозможность выполнения работы (трудовых обязанностей). *Во-вторых*, степень утраты трудоспособности может быть полной или частичной. Однако не учитывается, что в некоторых страховых случаях утраты трудоспособности может и не быть. К ним относятся карантин, болезнь члена семьи, санаторно-курортное лечение. Положение о порядке обеспечения пособиями по временной нетрудоспособности расширенно трактует «временную нетрудоспособность». В нее включены все виды временной утраты трудоспособности, вызванной производственными и социальными причинами.

С учетом новейшего законодательства понятие «временной нетрудоспособности» как социально-правового основания для выплаты пособий по временной нетрудоспособности можно определить так: *«Временная нетрудоспособность – это удостоверенная листком нетрудоспособности невозможность выполнения застрахованным лицом работы по причинам, указанным в законодательстве»*. В данном определении принимаются во внимание все юридические факты для признания временной нетрудоспособности основанием возникновения основных правоотношений при обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности. Кроме того, термином «застрахованное лицо» охватываются все граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства.

Исходя из этого определения, понятие «пособия по временной нетрудоспособности» предлагаем в следующей формулировке: *«Пособия по временной нетрудоспособности – это денежные выплаты за счет средств Фонда социальной защиты населения Республики Беларусь, возмещающие заработок застрахованному лицу, утраченный по причинам временной нетрудоспособности, указанным в законодательстве»*. Считаем целесообразным в Законе «Об основах государственного социального страхования» предусмотреть раздел *«Основные термины»*, раскрывающий понятийный аппарат, в котором использовать предлагаемые нами определения понятий «временная нетрудоспособность» и «пособия по временной нетрудоспособности».

¹ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995. № 14. С. 13.

² См.: Рэспубліка. 1999. 28 крас.

³ См.: Иванова Р.И., Тарасова В.А. Предмет и метод советского права социального обеспечения. М., 1983. С. 10–19.

⁴ См.: Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. 1996. № 2. С. 36.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1921. № 21. С. 682.

⁶ См.: Батыгин К.С., Симоненко Г.С. Пособия по государственному социальному страхованию. Комментарий. М., 1978. С. 29–30.

⁷ Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М., 1987. С. 275.

⁸ Доброхотова Е.Н., Филиппова М.В., Янтураева М.А. Советское право социального обеспечения. СПб., 1992. С. 12.

⁹ Возмещение пособий по временной нетрудоспособности. Мн., 1998. С. 5.

¹⁰ Батыгин К.С., Симоненко Г.С. Указ. пр. С. 30.

¹¹ Доброхотова Е.Н., Филиппова М.В., Янтураева М.А. Указ. пр. С. 117.

¹² Трудовое право / Под общ. ред. В.И. Семенкова. Мн., 1997. С. 424.

¹³ См.: Возмещение пособий по временной нетрудоспособности. Мн., 1998. С. 4.

¹⁴ Буянова М.Я., Кондратьева З.А., Кобзева С.И. Право социального обеспечения. М., 1997. С. 47.

А.В. ЩУКИН

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

Рост авторитета международного права на протяжении XX в. обусловлен объективной потребностью урегулирования растущего межгосударственного сотрудничества. С расширением научно-технических возможностей че-

ловечества возникали неизвестные ранее правовые институты. Содержание норм, существовавших длительное время в виде обычаев, было конкретизировано в конвенциях, принятых как на региональном, так и универсальном уровнях. Наиболее значимым событием стало вступление в силу Устава ООН, закрепившего основные устои современного мирового правопорядка. Вместе с тем общие для всего человечества проблемы требуют еще больших усилий в их преодолении. И здесь возможности международного права далеко не исчерпаны.

На пути к построению гармоничного правопорядка, основанного на справедливости и неуклонном соблюдении обязательств, вытекающих из договоров и других источников международного права, важное значение представляет дальнейшее изучение с целью кодификации и прогрессивного развития института ответственности государств.

Юридическая ответственность – сложное явление, требующее изучения в различных аспектах. Несмотря на обширное количество научных исследований, посвященных данной теме, многие вопросы остаются малоизученными. Рассмотрению темы, касающейся правомочий государств и международных организаций прибегать к мерам, направленным на реализацию ответственности, посвящена эта статья.

Применительно к последствиям нарушения международного права в научной литературе иногда говорится об обязанности потерпевшего государства принимать ответные меры¹. Однако такое утверждение нуждается в конкретизации, поскольку в большинстве случаев оно не соответствует характеру международных отношений и является неоправданным перенесением аналогий из национального права.

Юридическая обязанность как мера должного поведения обеспечивается возможностью применения санкции в случае ее нарушения. Вместе с тем органов, в обязанности которых входило бы реагирование на международное правонарушение, не существует. Устанавливая нормы общения, государства самостоятельно обеспечивают их реализацию. Принятие мер ответственности в случае несоблюдения общепринятых правил зависит только от воли конкретного государства, является его правом.

Однако если совершение неправомерного акта не влечет за собой обязательство реагирования со стороны других субъектов, то возникает вопрос, имеются ли в международном праве положения, которые регулируют складывающиеся в данной ситуации отношения. Иначе говоря, содержат ли санкцию нормы межгосударственного поведения, что делает их правовыми, и каким образом обеспечен порядок ее реализации. О.Э. Лейст, раскрывая природу санкции, писал, что она «является не только угрозой по отношению к возможному правонарушителю, но и правилом поведения (диспозицией) соответствующих государственных органов, реализующих эту угрозу в случае правонарушения. Это не отрицает, что санкция – атрибут правовой нормы. Противоречия нет, так как пока санкция выступает как угроза (на случай правонарушений), она ни для кого не является диспозицией: ею она становится при решении дела о конкретном правонарушении»².

Если исходить из понимания санкции, какой она является во внутригосударственном правовом регулировании, где существуют специальные органы, в обязанности которых входит реагирование на неправомерные действия, то напрашивается вывод, что многие нормы межгосударственных отношений не имеют ее в своей структуре. Однако такое заключение представляется не вполне обоснованным, поскольку здесь не учитывается специфика объекта правового регулирования. То обстоятельство, что международные нормы обеспечены только правом потерпевшего государства прибегать к мерам ответственности, не лишает их юридического характера. Л. Оппенгейм писал, опровергая взгляды противников существования международного права: «Определенная норма является нормой нравственности, если по общему согласию общества она обращается к совести – и только к ней одной; если же с общего согласия общества определенная

норма эвентуально подлежит осуществлению при помощи какой-либо внешней силы, она является нормой права»³.

Отсюда вытекает вывод, что санкция нарушенной нормы находит свое выражение прежде всего в праве потерпевшего государства на принятие мер, направленных на реализацию ответственности, а также в признании этого права со стороны международного сообщества. В таком случае можно говорить о юридических преимуществах государства, чье право нарушено. Однако принятие фактических мер зависит, прежде всего, от воли последнего.

Нормы, регулирующие ответственность, носят преимущественно обычно-правовой характер, что весьма затрудняет их выявление и применение. Анализ немногочисленных международно-правовых документов в этой области подтверждает, что реагирование на правонарушение не носит для государства обязательного характера. Так, в п. 1 ст. VIII Конвенции за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г., говорится, что «государство, которому причинен ущерб, либо физическим или юридическим лицам которого причинен ущерб, может предъявить запускаящему государству претензию о компенсации за такой ущерб»⁴.

Различия в фактическом положении государств ведут к тому, что многие из них не обладают достаточными возможностями при реализации ответственности, в то же время более сильные страны могут злоупотреблять предоставляемыми им правами, что в целом ослабляет эффективность международно-правового регулирования.

Необходимость охраны отношений, представляющих основополагающий интерес для всего мирового сообщества, привела к установлению норм, несоблюдение которых влечет особый режим ответственности. Такие правонарушения в области обеспечения мира и международной безопасности, а также ряда других основополагающих принципов именуются преступлениями. Отличительной чертой данной категории является то, что затрагиваются права всех государств, в силу чего каждое из них может ставить вопрос об ответственности, тогда как обычное правонарушение касается только одной или нескольких стран.

Более того, принятие мер в ответ на преступление приобретает в ряде случаев обязательный характер. Такие обязательства неоднократно налагались решениями Совета Безопасности ООН (например, резолюция 661 от 06.08.90 г. о прекращении торговых, экономических и финансовых отношений с Ираком)⁵. Столь широкие полномочия Совета вытекают из Устава ООН, где в п. 1 ст. 48 указано: «Действия, которые требуются для выполнения решений Совета Безопасности в целях поддержания международного мира и безопасности, предпринимаются всеми Членами Организации или некоторыми из них, в зависимости от того, как это определит Совет Безопасности»⁶. Широкое признание приобрел взгляд об обязанности государств не признавать ситуации, возникшие в результате совершения преступления. Так, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН от 24.10.70 г., говорится, что «никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными»⁷. Конкретизировать эти положения призван договор об ответственности государств, разработка проекта которого ведется в главном кодификационном органе ООН – Комиссии международного права. В частности, предполагается закрепить в ст. 53 следующее положение: «Международное преступление, совершенное государством, влечет за собой обязательство для всех других государств:

- а) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого преступления;
- б) не оказывать помощь или содействие государству, совершившему такое преступление, в сохранении сложившейся в результате этого ситуации;

с) сотрудничать с другими государствами в выполнении обязательств в соответствии с подпунктами а) и б);

д) сотрудничать с другими государствами в осуществлении мер, направленных на ликвидацию такого преступления»⁸.

Субъектами претензий в случае совершения правонарушения могут быть и международные организации, обладающие соответствующей правоспособностью. В консультативном заключении по вопросу о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН, от 11 апреля 1949 г. Международный Суд признал, что «ООН, будучи субъектом международного права и носителем международных прав и обязанностей, может осуществлять свои права путем предъявления международных претензий»⁹.

Межправительственные организации призваны играть важную роль в обеспечении мирового правопорядка, при этом наибольшее значение среди них принадлежит ООН. Одной из основных задач этой организации, как говорится в преамбуле Устава ООН, является создание условий, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права. С этой целью ее органы наделены рядом полномочий по контролю и принятию мер в ответ на правонарушение. Особенно широкие полномочия имеет Совет Безопасности в случаях угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии (гл. VII Устава ООН). Устав не дает прямого ответа на вопрос о том, является ли принятие Советом Безопасности эффективных мер против угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии юридической обязанностью или нет. Согласно п. 1 ст. 24 Устава ООН, «для обеспечения быстрых и эффективных действий ООН ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени»¹⁰.

По поводу характера указанных мер Г.И. Тункин писал: «В ряде случаев международные организации в соответствии с постановлениями своих уставов не только имеют право, но и обязаны принять те или иные меры в случае нарушения международного права... ООН обязана принять меры против агрессора»¹¹. Подобную позицию занимали также Д.Б. Левин, Ю.А. Решетов¹².

Однако ряд авторов высказывали иные мнения. Так Ю.М. Колосов по поводу вышеприведенного п. 1 ст. 24 Устава ООН писал: «Субъектами международно-правовой ответственности являются прежде всего сами государства, а затем уже в силу соглашений между государствами субъектами международной ответственности могут быть международные организации при условии, что это конкретно оговорено в соответствующем соглашении... Ответственность по Уставу ООН возлагается на Совет Безопасности не как на международный орган, но как на группу государств, каждое из которых несет ответственность за поддержание всеобщего мира и безопасности»¹³.

Обязанность поддержания международного мира и безопасности Советом Безопасности вытекает из цели создания этого органа перед государствами, учредившими ООН. Обращая внимание на то, что он является фактически бесподконтрольным органом, член Международного Суда М. Беджауи писал, что Совет Безопасности, как всякий политический орган ООН, должен действовать в соответствии с положениями Устава: «Что касается факта отсутствия механизма применения санкций в случае нарушения им Устава, это, конечно, ослабляет принцип, по которому Совет подчинен Уставу, и следует отметить, что практически эта правовая брешь привела к слабому развитию и помешала прогрессу при контроле за правомерностью и оценкой законности действий Совета. Кроме этого, факт оставления Совета Безопасности самостоятельно определять не только свою компетенцию, но и возможность обращения в Международный Суд не позволяет полагаться исключительно на добрые намерения выполнить им свое

обязательство в соответствии с Уставом, даже если оно рассматривается как одно из основополагающих»¹⁴.

Принятие конкретных решений по реализации международной ответственности государств остается на усмотрении членов Совета Безопасности. Поэтому использование мер ответственности является правом Совета, вытекающим из необходимости обеспечения международного мира и безопасности. Устав ООН не обязывает принимать меры в соответствии с гл. VII Устава, а, наоборот, наделяет так называемым «правом вето» постоянных членов Совета. Именно о праве, а не об обязанности говорится в п. 2 ст. 94 Устава ООН, согласно которому, «в случае, если какая-либо сторона не выполнит обязательство, возложенное на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение»¹⁵.

Характер полномочий Совета Безопасности в деле обеспечения соблюдения положений международного права четко выразил специальный докладчик Комиссии международного права по вопросу об ответственности государств г-н Гаэтано Аранджо-Руис: «Совет является политическим органом, наделенным главным образом политической функцией поддержания мира. Это влечет за собой ряд последствий, которые можно подытожить следующим образом:

i) Совет действует в высшей степени дискреционно. Он не действует обязательно и регулярно во всех ситуациях, которые, видимо, требуют применения его компетенции. Напротив, он действует избирательно;

ii) Совет не обязан применять единый критерий в ситуациях, которые могут показаться вполне схожими. Соответственно преступления такого же вида и такой же серьезности, что и другие, могут рассматриваться иначе или не рассматриваться вообще;

iii) сам характер решений Совета, по-видимому, исключает какую-либо обязанность с его стороны мотивировать свои решения, свои действия или бездействия. Дискреционный и, возможно, произвольный характер выбора, сделанного этим органом, усугубляется, таким образом, тем фактом, что отсутствие мотивировки исключает немедленную или последующую проверку законности сделанного им выбора»¹⁶.

По поводу деятельности ООН профессор Венского университета К. Земадек отмечал: «Приходится с сожалением констатировать, что международная солидарность недостаточно развита, чтобы сделать функционирование системы коллективной безопасности или установления мира на постоянной основе. ООН все еще зависит от пожеланий отдельных государств или их групп при применении необходимых мер, и эти меры не основаны на объективном решении, чего требует солидарность, а на национальных интересах, основанных на внутренних соображениях»¹⁷.

Подводя итог, можно утверждать, что Совет Безопасности, как и другие международные органы, наделен правом, а не обязанностью применять меры в отношении государства-правонарушителя. Отсутствие специальных механизмов реагирования на международные правонарушения часто дает повод называть международное право несовершенным. Очевидно, что подобные высказывания не учитывают реалий международной жизни, хотя не исключено, что в будущем появятся более эффективные механизмы. В то же время значение межправительственных организаций не должно принижаться, так как возможность широкого использования прав в области применения санкций оказывает сильное воздействие на линию поведения государств.

Таким образом, характерная черта санкции международно-правовой нормы состоит в правах различных субъектов прибегать к мерам ответственности. Однако в случае серьезных нарушений, именуемых преступлениями, принятие ответных мер может приобретать обязательный характер.

Успешная реализация ответственности напрямую зависит от точной оценки ее роли в обеспечении международного правопорядка. Разработка ст. 47–50 Проекта статей об ответственности государств, касающихся принятия принудительных мер, обозначила различия во взглядах по этому вопросу. Так, ряд представителей государств в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН подчеркивали, что в «децентрализованном обществе, которым в принципе является современное международное сообщество, контрмеры... представляют собой индивидуальную реакцию на противоправное деяние в отсутствие коллективных, своевременных и организованных действий»¹⁸. Указывалось также, что они не должны подвергаться ограничениям, способным помешать потерпевшему государству принять немедленные меры для выполнения нарушителем его обязательства и ограничения масштабов причиняемого ущерба.

В то же время высказывались сомнения относительно целесообразности включения в проекты статей, положений, касающихся контрмер, поскольку их «использование зависит от многих субъективных оценок и сопряжено с риском усиления напряженности в отношениях между государствами вместо того, чтобы способствовать прекращению незаконного поведения»¹⁹. Такая позиция оправдывалась также тем, что принуждение доступно сильным государствам, которые могут оправдывать действия с позиции силы, а не с позиции права, что может привести к злоупотреблениям.

Многие представители обращали внимание на необходимость того, чтобы Комиссия рассмотрела гарантии, или систему правовых сдержек и противовесов в отношении злоупотребления односторонними мерами со стороны сильных государств, и приложила все усилия для их укрепления»²⁰.

Принятие проектов статей, регулирующих применение мер ответственности, производилось с учетом вышеприведенных положений. В результате закрепленное право на принятие контрмер подверглось ограничениям, касающимся как характера, так и условий их осуществления.

Несмотря на то, что в целом данные статьи являются важным вкладом в развитие института ответственности государств, обращает на себя внимание отсутствие в проекте положений, регулирующих правомочия межправительственных организаций и, в частности, относящихся к системе ООН, что можно рассматривать как принижение их роли. Представляется, что усиление института ответственности зависит от кодификации норм, касающихся всего комплекса мер, принимаемых различными субъектами международного права.

¹ См.: Тиунов О. И. Принцип соблюдения международных обязательств. М., 1979. С. 103.

² Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1981. С. 9.

³ Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948. Т. 1, полутом 1. С. 30.

⁴ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 740.

⁵ См.: Резолюции и решения Совета Безопасности за 1990 год. Нью-Йорк, 1991. С. 23.

⁶ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 19.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Доклад Комиссии международного права. Доп. № 10 (A/51/10). Нью-Йорк, 1996. С. 148.

⁹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. Нью-Йорк, 1993. С. 283.

¹⁰ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 14.

¹¹ Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 476.

¹² См.: Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 46; Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 140.

¹³ Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 243–245.

¹⁴ Bedjaoui M. The new world order and the Security Council: testing the legality of its acts. Dordrecht, 1994. P. 28–29.

¹⁵ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 29.

¹⁶ Док. ООН A/CN.4/453/Add. 3. С. 17.

¹⁷ Zemanek K. Peace-keeping or peace-making? // Towards more effective supervision by international organizations. Dordrecht, 1994. Vol. I. P. 46–47.

¹⁸ Док. ООН A/CN.4/457. С. 77.

¹⁹ Док. ООН A/CN.4/479/Add. 1. С. 16–17.

²⁰ Док. ООН A/CN.4/457. С. 77.

Рэцэнзіі

А.М. Сарокін. На ростанях айчынай гісторыі. Беларуская веска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гг.) / Серыя: Гісторыя Бацькаўшчыны. Дадатак да часопіса «Права і эканоміка». Мн., 1999. 304 с.

Аграрная гісторыя з’яўляецца адным з найбольш актыўна вывучаемых напрамкаў у айчынай гістарычнай навуцы. Выдадзены дзесяткі манаграфій, сотні артыкулаў, дзе разгледжаны асобныя пытанні развіцця сельскай гаспадаркі і сацыяльнай эвалюцыі беларускага сялянства на розных этапах. Надышоў час падсумавання вынікаў, стварэння абагульняючых прац, якія ахопліваюць значныя гістарычныя перыяды развіцця беларускай вёскі. Манаграфія доктара гістарычных навук А.М. Сарокіна «На ростанях айчынай гісторыі. Беларуская веска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гг.)» вельмі надзейная. Аўтар упершыню ў беларускай гістарыяграфіі даў глыбокі аналіз найбольш значных змен і пераўтварэнняў у беларускай вёсцы і іх уплыву на лес сельскага насельніцтва, прычым ён у першую чаргу спрабуе усебакова, узважваючы і пазітыўнае, і адмоўнае, ахарактарызаваць разглядаемыя ў манаграфіі сюжэты.

Даследчык выбраў нетрадыцыйную структуру працы, удала спалучаючы праблемны і храналагічны падыходы да вывучаемых з’яў, што дало магчымасць разгледзець асноўныя сацыяльныя і эканамічныя зрухі ў гісторыі беларускай вёскі ў дынаміцы і ўзаемасувязі з іншымі працэсамі. Аўтар пераканаўча з выкарыстаннем значнага аб’ёму дадзеных крыніц паказаў характар і спецыфіку успрымання сялянствам аграрнай палітыкі савецкай улады, сутнасць сацыяльных і эканамічных змен у беларускай вёсцы ў перыяды ўсталявання савецкай улады, НЭПа, калектывізацыі, механізмы функцыянавання калгасаў і саўгасаў, сутнасць і эвалюцыю рэпрэсій у дачыненні да сялянства. З асаблівай цікавасцю чытаюцца старонкі, прысвечаныя эвалюцыі заможнага сялянства і сацыяльнай групы сельскіх рабочых, спробам вырашэння харчовай праблемы ў Беларусі на розных гістарычных этапах.

Сёння нашчадкі беларускага сялянства канца 20–30-х гг. імкнуцца даведацца пра лёс сваіх продкаў, якія навекі загінулі падчас «вялікага пералому». У гэтай сувязі нельга абмінуць пытанні аб першапрычынах, якія прывялі да знішчэння нашых сваякоў, аб аб’ектыўных і суб’ектыўных фактарах крывавай трагедыі таго часу, водгукі якіх адчуваюцца і цяпер. Таму вялікую цікавасць выклікаюць адпаведныя раздзелы манаграфіі, і многія суадносяць прачытанае з асабістымі прыкладамі. Нават дасведчаны гісторык знойдзе ў кнізе і новыя факты, і новыя аўтарскія разважанні і высновы. Ва ўсялякім разе аднаму з рэцэнзентаў было вельмі карысна параўнаць лёс свайго непісьменнага дзёда Юльяна, гаспадара невялікага хутара з адным канём і каровай, бацькі пецярных немаулят, якога калектывізацыя прымусіла стаць калгасным кавалём і на якога крывадушныя ўлады усклалі адказнасць за зрыў пасяўной кампаніі 1933 г., а потым знішчылі ў засценках НКУС.

Як належыць сур’ёзнай навуковай працы, манаграфія напісана добрай літаратурнай мовай, чытаецца з цікавасцю. Аўтар дае новыя падыходы да асвятлення гісторыі сельскай гаспадаркі і сялянства. Выігрышным момантам кнігі з’яўляецца тое, што яна рэкамендавана (дарэчы і адпавядае патрабаванням) у якасці навучальнага дапаможніка па спецкурсу, прысвечанаму аграрнай гісторыі Беларусі савецкага часу, мае праграму курса, спіс літаратуры.

Манаграфію Анатоля Мікалаевіча можна назваць нетрадыцыйнай для беларускіх навукоўцаў. Яна з’яўляецца узорам глыбокага даследавання, разлічанага на розныя узроўні падрыхтоўкі чытача. З пункту гледжання універсітэцкіх гісторыкаў, для якіх навуковая праца – падмурак педагагічнай дзейнасці, рэцэнзаваная манаграфія спалучыла ў сабе даследчыцкія здабыткі і метадычнае іх аздабленне з высакароднай мэтай – зацікавіць чытача, дапамагчы яму успрыняць і ўсвядоміць адзін з найважнейшых этапаў гісторыі нашай краіны, нашых бацькоў і сваякоў. Нядзіўна, што манаграфія адразу стала асновай спецкурсаў, якія аўтар прачытаў на гістарычным факультэце БДУ. Нельга абмінуць і такі аспект працы, як накіраванасць

на сучаснасць, нават на «злобу дня»: праблемы «кабустройства» сельскай гаспадаркі суверэннай Беларусі у канцы XX ст. Добрая чвэрць тэксту прысвечана асэнсаванню гэтай праблемы. У рабоце удала спалучаюцца падзеі і урокі мінулага з балючымі пытаннямі аграрнага сектару сучаснай беларускай эканомікі. Аўтар манаграфіі не дае рэцэптаў, а прадастаўляе сістэмную інфармацыю, прымушае разважаць, парауноўваць. Дасведчаны чытач высновы зробіць сам.

**А.А. Яноўскі
А.Г. Кахановіч**

В.Ф. Шалькевіч. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: Навучальны дапаможнік. 2-е выд. Мн., 1999. 200 с.

Рэцэнзаваная праца – гэта вынік шматгадовых раздумаў беларускіх даследчыкаў і самога аўтара, прафесара В.Ф. Шалькевіча, аб гісторыі нацыянальнай мыслі.

У працэсе сваёй навуковай дзейнасці ён пастаянна адчыняе новыя, невядомыя для шматлікага чытача сюжэты з нашай традыцыі. Свае навуковыя пошукі В.Ф. Шалькевіч паспрабаваў выкласці ў якасці навучальнага дапаможніка, будучы прафесарам юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

«Прадмова» перш за ўсё уяўляе цікавасць не толькі для студэнтаў, але і для спецыялістаў па гісторыі грамадскай думкі Беларусі. У ёй упершыню аўтар паспрабаваў абгрунтаваць «Гісторыю палітычнай і прававой думкі Беларусі» як спецыфічны прадмет, які адрозніваецца ад «Гісторыі палітычных і прававых вучэнняў». Аўтар падкрэслівае розніцу паміж такімі паняццямі, як «вучэнне» і «думка». Ён зазначае, што «Гісторыя палітычных і прававых вучэнняў» мае дачыненне выключна да завершаных твораў, а «Палітычная і прававая думка» – гэта перш за ўсё рэакцыя той ці іншай часткі грамадства на сучасную палітыку, заканадаўства, судаводства, судаўладкаванне і г. д.

Тут жа ў «Прадмове» (§ 2) даецца класіфікацыя шматлікіх і разнастайных па форме першакрыніц. Звяртанне да іх, падкрэслівае аўтар, не можа замяніць ніякае крытычнае выкладанне. У гэтай сувязі ў канцы кожнай главы навучальнага дапаможніка прыводзіцца пералік аўтэнтычных тэкстаў, там жа даюцца тэмы прыкладных рэфератаў і дакладаў, навіейшыя даследаванні па той ці іншай персаналіі.

Заслугоўвае увагі перыядызацыя гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі, прадастаўленая ў дапаможніку. У яе аснову пакладзена сацыяльна-эканамічнае развіццё грамадства. Храналагічны час гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі аўтар дзеліць на шэсць перыядаў:

I. Палітычная і прававая думка Сярэднявечча (XI – XV ст.).

II. Палітычная і прававая думка ў эпоху Адраджэння і Рэфармацыі (канец XV – XVI ст.).

III. Палітычная і прававая думка перыяду Контррэфармацыі і крызісу феадальна-прыгонніцкіх адносін (XVII – сярэдзіна XVIII ст.).

IV. Палітычная і прававая думка веку Асветы (другая палова XVIII ст.).

V. Палітычная і прававая думка канца XVIII – пачатку XX ст.

VI. Палітычная і прававая думка Саветскай Беларусі і беларускага замежжа.

У рэцэнзаванай працы асвятляюцца толькі чатыры перыяды развіцця гісторыі, г. зн. да канца XVIII ст.

У кожным перыядзе ў сваю чаргу разглядаюцца тыя ці іншыя палітыка-прававыя тэарэтычныя паняцці і ідэі тых мысліцеляў, якія іх фармуяць.

Вывучэнне палітычнай і прававой думкі беларускага народа на працягу амаль што дзесяці стагоддзяў, якія ахоплівае дапаможнік, сведчыць пра разнастайнасць грамадска-палітычных поглядаў мысліцеляў Беларусі – гэта адказы на зладзёныя праблемы, пастаўленыя перад дзяржавай і грамадствам тым ці іншым этапам канкрэтна-гістарычнага развіцця. Дадзеная «Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі» канстатуе, што грамадска-палітычныя погляды айчынных мысліцеляў у большасці сваёй адлюстроўвалі погляды прагрэсіўных еўрапейскіх мэтраў у гэтай справе.

Маючы на ўвазе, што кніга першы такі навучальны дапаможнік, таму і заўвагі, выкладзеныя ніжэй, у першую чаргу менавіта будучы насіць вучэбна-метадычны характар.

Перш за ўсё, на мой погляд, трэба было б у канцы раздэлаў прыводзіць невялікія тэксты ключавых першакрыніц, якія непасрэдна знаёмяць студэнта з той ці іншай ідэяй у яе першазданым выглядзе. У падобнага роду выданні не хапае імяннага і тэматычнага паказальнікаў.

У крытычным матэрыяле належыць больш увагі ўдзяліць кампаратывісцкаму падыходу да з’явы. Перш-наперш парауноўваць думкі беларускіх мысліцеляў у кантэксце сусветнай палітычнай культуры, а таксама прасачыць, як тая ці іншая вядомая палітычна-прававая тэорыя адлюстроўвалася, змянялася, успрымалася ў розных асяродках грамадства на нашай Бацькаўшчыне.

У заканчэнні хочацца падзякаваць прафесара В.Ф. Шалькевіча за тое, што яго першая ў Беларусі «Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі» будзе садзейнічаць аб’ектыўнаму разуменню нашай культурнай спадчыны ў сусветнай супольнасці, а маладым даследчыкам дапамагаць глыбей, больш крытычна асэнсоўваць палітычна-прававыя з’явы.

А.А. Лягчылін

ЗМЕСТ

ІМЁНЫ У ГІСТОРЫІ УНІВЕРСІТЭТА

Яноўскі А.А., Зельскі А.Г. Ананіі Іванавіч Дзякаў	3
---	---

ГІСТОРЫЯ

Красноу М.І. Маральны ідэал магната XVIII ст. у рэальным жыцці	12
Козик Л.А. Внешняя политика Польши в конце 80–90-х гг.	15
Зельскі А.Г. Некаторыя аспекты бітвы на рацэ Амняён у крыніцах і гістарыяграфіі	19
Перзашкевич О.В. К вопросу о дасьё как социальной структуре ригведийского общества	24
Вонсович Л.В. Королевская власть в Германии в период существования системы территориальных княжеств	28
Еутухоу І.А. Адлюстраванне познеантычнага менталітэту у перапісцы Сімаха і Прэ-тэкстата	31

ФІЛАСОФІЯ

Марченкова Е.Е. Инновации и культурные традиции в контексте социальной модернизации	35
---	----

ПСІХАЛОГІЯ

Агеенкова Е.К. Применение методов психической саморегуляции в практике психокоррекционной работы с больными сердечно-сосудистыми заболеваниями	41
Сагайдак Д.И. О психофизиологическом базисе профессиональной результативности	44

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ляхович-Петракова Н.В. Политическая элита как развивающееся явление	48
Часноўскі М.Э. Этапы сістэмных пераўтварэнняў у Рэспубліцы Польшча (1989–1999 гг.)	54

ЭКАНОМІКА

Зеленкевич М.Л., Костина Т.А. Стратегическое планирование – фактор повышения конкурентоспособности коммерческих банков	61
Новикова И.В., Коротков А.В. Глобализация и приватизация	66
Корбут Н.П. Актуальные вопросы социальной направленности бюджетной политики государства	71
Раковец А.А. Республика Беларусь в системе мирового экспортного рынка	78
Бураков В.В. Рыночный риск в банковском деле: понятие и характеристика	82

ПРАВА

Булавко Ю.В. Защита прав граждан Республики Беларусь за рубежом	88
Тузков Д.Л. Перемена лиц в обязательствах: законодательство совершенствуется, вопросы остаются	92
Змушко В.Н. Понятие профилактики правонарушений нанимателями законодательства о труде при формировании рыночной экономики	97
Постовалова Т.А. Понятие «пособия по временной нетрудоспособности»	101
Щукин А.В. Вопросы реализации международной ответственности государств	104

РЭЦЭНЗІІ

Яноўскі А.А., Каханоўскі А.Г. А.М. Сарокін. На ростанях айчыннай гісторыі. Беларуская веска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гг.)	110
Лягчылін А.А. В.Ф. Шалькевіч. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: Навучальны дапаможнік	111

630 p.

Індекс 74853 ■

ISSN 0321-0359. Веснік БДУ. Сер.3: Гіст. Філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. 2000. №2. 1–112